

Собрание  
сочинений

*В шести томах*

Том 2

**Молния в горах**

*Роман*



Абузар Айдамиров

---

**Собрание  
сочинений  
в шести томах**

Перевод с чеченского

Том 2

**Молния в горах**

*Роман*



Грозный  
2004

Редакционная коллегия: М. А. Айдамирова, Э. С. Минкайлов, Д. А. Сумбулатов, Н. М. Эльсункаев, Х. И. Юнусов, Р. Юсупов, У. Юсупов.

**Автор и редколлегия  
выражают сердечную благодарность  
Хусейну Джабраилу  
за помощь  
в издании Собрания сочинений  
Абузара Айдамирова.**

**Айдамиров А. Молния в горах / [Пер. с чеч. А. Айдамирова.  
Грозный, 2004. – 720 с.]**

Исторический роман народного писателя Абузара Айдамирова посвящен восстанию горцев под предводительством Алибека-хаджи Олдамова 1877–1878 годов.

**По заказу  
Центра гуманитарных исследований  
Чеченской Республики  
(Директор – Н. М. Эльсункаев)**

## Часть первая

---

# НАЧАЛО БУРИ

КРЕСТЬЯНЕ ПОДНЯЛИСЬ  
НЕОСОЗНАННО, ПОТЕРЯВ ВСЯКОЕ  
ТЕРПЕНИЕ, НЕ ЖЕЛАЯ УМЕРЕТЬ  
БЕЗМОЛВНО И БЕЗ СОПРОТИВЛЕНИЯ.

*В. И. Ленин*

## ГЛАВА I

---

### ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Я чту поныне клятвы этой святость.  
И пусть карает всемогущий Бог  
Меня на этом свете и за гробом,  
Коль эту клятву и дерзну забыть!

*Ш. Петефи. Первая клятва*

#### 1

Под Гати-юртом, у реки Аксай, раскинулось ровное квадратное поле в десять урдов<sup>1</sup>. Даже старожилы села не помнят того времени, когда место расчистили от леса и, предав огню вырубку, разровняли площадь. Они утверждают, что это место предки готовили для ежегодных спортивных состязаний и прочих праздников, что такие мероприятия в прошлом устраивались часто: и к началу весенней пахоты, и осенью, после уборки урожая и пригона скота с горных пастбищ.

Но это было когда-то. Века огненной чертой многое перечеркнули из памяти народа. В последние годы состязания здесь организуют в редких случаях: когда в какой-либо семье после многих дочерей рождается первый сын или когда после долгой разлуки с родиной из Сибири или Турции возвращается домой уважаемый в ауле мужчина.

Выгон скота на это поле строго запрещен. Траву скашивают, когда она в самом соку и цвету: ранней весной и осенью.

---

<sup>1</sup> Урд – мера площади, равная приблизительно 0,30 га.

Место назвали почему-то Огненной поляной. Когда и почему оно так названо, никто не знает. Вернее, никто и не попытался узнать. Дорожка вокруг поля вся утоптана конскими копытами. Местами на поле в землю вбиты колья, поперек дороги сооружены частые перекладины из длинных шестов. Встречаются и ямы глубиной в аршин и шириной в два, а то три и четыре аршина. А чуть поодаль от площади, шагов за сто до высокого берега Аксая, сложена большая куча валежника – заготовка для костра. И те перекладины-препятствия, и ямы, и костер, который разведут вскоре, предназначены для состязаний.

Всадник на коне должен преодолеть сначала ямы, потом пройти препятствия из перекладин, установленных одна выше другой, промчаться сквозь пламя костра, добежать до высокого обрыва, повисшего над Аксаем, не сбавляя хода, замереть в шаге от крутого обрыва.

По обе стороны беговой дорожки тянутся тонкие прутья, воткнутые в землю так, чтобы в промежуточной полосе свободно могла скакать лошадь.

Поле аккуратно подготовлено для участников конных состязаний. Но начало состязаний затягивали, ожидая еще кого-то, кто займет место на возвышении в виде помоста из буквых досок, вытесанных топором.

Стекавшиеся из окрестных аулов люди заполнили все поле. Далеко разносятся пронзительные звуки зурны и равномерная дробь бубна. Но вот люди: и всадники, и стоящие, и сидящие на склонах – все застыли, как каменные изваяния, напрягая слух. И, кажется, будто зурна и бубен звучат где-то в далекой безлюдной степи.

Взгляды всех устремлены на канатоходца, который делает сложные трюки на канате из конского волоса, протянутом между двумя стойками из попарно скрещенных столбов. Это Ваха из знаменитой семьи рода канатоходцев Дисто чеберловского аула Гуш-Корт.

Восемнадцатилетний Ваха, грудь, плечи и спина которого сплошь увешаны трех- и четырехугольными разноцветными амулетами, с гладко отшлифованным от долгого пользования длинным шестом в руках, будто он ходит на твердой земле, спокойно разгуливает по ворсистому черному канату. Потом



он ставит ноги носками вовнутрь и, привязав к ногам кинжалы, шествует то вперед, то назад.

– Не знаю, как с кинжалами, но пройти по канату взад-вперед и я бы смог, – сказал Юсуп, сын Васала, стоящему рядом с ним Умару – сыну Али.

– Ты, который не может, стоя на одной ноге, даже вдеть другую в штанину?

– Разговоры! – низким басом прикрикнул на них Булат.

Присев прямо посередине рогатины стоек и наклонившись, канатоходец что-то сказал одному из озорничающих внизу жухургов <sup>1</sup>. Оба жухурга побежали по кругу, громко выкрикивая:

– Пусть выйдет в круг мальчик десяти-одиннадцати лет и сядет на плечи пелхо <sup>2</sup>!

– Есть среди вас храбрый мальчик, который не побоится на плечах пелхо пройти по канату?

– Разреши мне, Умар, – попросил Магомед, сын Арзу, сидевший на сером коне.

– Не надо, – коротко оборвал его тот.

– Вы только посмотрите, Хортин последышь лезет вперед! – указал пальцем Усман в толпу.

– Отважный мальчик, выходи! – кричали жухурги.

– Получается, что я хуже какого-то Хортинского сморчка! – надулся Магомед. – Этого заморыша, у которого кружится голова, когда полезет на трехметровое тутовое дерево!

– Будь что будет, жми, Магомед! – взмахнул рукой Булат.

Магомед ловко спрыгнул с коня, юркнул в толпу, протиснулся дальше, скользя под локтями собравшихся, словно рыбешка, и, остановившись перед жухургами, посмотрел назад взглядом победителя. Абди, сын Хорты, еще не был виден.

Канатоходец сел, свесив ноги по одну сторону каната, скользнул по наклону вниз и, улыбаясь, хлопнул мальчика по плечу:

– Не испугался, джигит!

Задетый за живое, Магомед снисходительно рассмеялся.

– Садись мне на шею. И не хватайся. Сиди спокойно, как если бы ты сидел на коне.

---

<sup>1</sup> Жухург – клоун, ряженный.

<sup>2</sup> Пелхо – канатоходец, акробат.

Он присел на корточки, посадил Магомеда себе на шею, поднялся по наклонной части каната и, постояв мгновение на рогатине подпорок, двинулся вперед. Дело это оказалось не таким уж простым, как думал Магомед. Канат и так высоко протянут, да еще сидеть на плечах канатоходца. И люди, которые смотрели вверх с разинутыми ртами, отсюда виделись маленькими. Когда канатоходец, отдалившись от подпорки, стал ритмично подпрыгивать и приплясывать, у Магомеда вдруг закружилась голова. Пальцы его невольно вцепились в плечи канатоходца, а колени судорожно прижались к его шее.

— Нельзя, — послышался низкий, спокойный голос канатоходца.

Магомед закрыл глаза и расслабил руки и ноги.

— Открой глаза, девчонка! — доносились до него крики из гущи толпы.

«Заметили!» — Магомед кусал себе губы. Затем широко открыл глаза и посмотрел прямо перед собой. До передней рогатины оставалось всего два шага. К несчастью Магомеда, канатоходец вдруг двинулся в обратную сторону. Пропади все пропадом! Магомед широко улыбнулся и скользнул по толпе гордым взглядом.

— Хейт, ай да Магомед!

— Настоящий орленок!

Спустившись под эти возгласы, Магомед встал ногами на твердую землю и глубоко вздохнул. Колени от долгого напряжения там наверху слабо дрожали. Боясь, что кто-нибудь заметит эту дрожь, он бросился было прочь, но жухург поймал его, посадил себе на плечо и пошел с ним по раздавшемуся кругу.

— Кто хочет увидеть смелого парня, смотрите на Магомеда, сына Арзу! Сейчас пока он молодой сокол, а через год станет горным орлом!

Обойдя круг, он дал мальчику гривенник и отпустил его.

— Ну, волчонок, чего же это ты глаза закрывал? — стали подтрунивать над ним, как только он снова оказался в седле.

— Голова у меня закружилась...

— Эх ты, девчонка!

— И с такой душонкой ты лез поперед Хортиного Абди!

- Смотрите, смотрите! – воскликнул вдруг Усман.
- Что случилось?
- На канат!

На канате стояла с тонким шестом в руках девочка лет двенадцати-тринадцати. Сердце маленького Магомеда почему-то забилось так, будто хотело выскочить из груди. Его нежные губы застыли полураскрытые, а глаза не хотели упустить ни единого движения девочки. Они ласкали вьющиеся по ее спине две длинненькие черные косички, разрумившиеся на чистом весеннем воздухе ее алые щечки, взметнувшиеся над черными очами, подобно распластанным крылышкам, тонкие брови. Его потянуло какой-то неведомой до того силой к этим губкам, белой девичьей шейке; нетерпимо захотелось ощутить под рукой мягкие волосы, ниспадающие по ее спине; заглянуть в черные глаза, как в глубокий, загадочный родник...

Стоящие рядом старшие, поражаясь смелости и ловкости девочки, издавали тихие возгласы восхищения, посвистывали, глубоко вздыхали. Он был пленен этой маленькой девочкой.

Ропот, всколыхнувшийся на одной стороне поляны, словно волна, прокатился по всей толпе.

- Едут!
- Едут!

Взгляды всех устремились к дороге, спускающейся из аула вниз и ведущей через рощицу к поляне. Оттуда показалась небольшая группа всадников.

- А который из них князь Авалу?
- Вон тот, что на гнедом коне, в красивой папахе.
- А рядом с ним?
- Ойшина сука – Чомак!
- А тот молодой, который едет за ним?
- Беноевский Элби, сын Мовсара.
- Ну а другой, белобородый?
- Это ножайюртовский юрлда <sup>1</sup> Шахбулат.
- Что же это Хоту, сын Момы, так пыжится?

---

<sup>1</sup> Ю р т д а – старшина аула, назначенный властями. Буквально: «отец аула».

– Вот пестрая компания!

– Сошлись, как разнородная мука в суме нищего!

Расступившиеся в знак уважения к гостям люди предоставили им место, удобное для созерцания зрелищ.

Шум и суета, взволновавшие на минуту толпу, поутихли. Внимание людей вновь приковала к себе маленькая девочка на канате.

Царское правительство управляло народами, населяющими Российскую империю, исходя из их характера, нравов, обычаев, традиций, в зависимости от того, насколько тот или иной народ опасен или безопасен для него.

По возможности оно старалось не ставить во главе управления Кавказа кавказца, а во главе местных народов – их представителей.

Россия была «тюрьмой народов», в которой для каждого народа была отведена отдельная камера. И не одинаков был надзор за ними. Надзирали узников исходя из того, какое преступление они совершили, насколько они послушны, надежны. Иные камеры не запирали на замок, к ним не приставляли охрану или надзирателя. Другим приставляли одного общего надзирателя. А на двери, отведенной для чеченских узников, висело несколько замков и вдобавок еще несколько засовов, имелась постоянная бдительная охрана. Чеченцы считались самыми непослушными, непокорными, мятежными, преступниками-рецидивистами. У них издавна существовал своеобразный военно-демократический общественный строй, отсутствовало сословное деление, не признавалась власть отдельных людей или сословий. Защищая эту свою дикую свободу, чеченцы дольше всех оказали колонизаторам яростное, отчаянное сопротивление. Не думают они покориться и ныне.

Царское правительство бесчеловечными, зверскими методами подавляет его сопротивление военно-колониальной политике, его борьбу за свободу и человеческие права, используя при этом представителей других народов Кавказа и даже самих чеченцев.

Сжигаются, уничтожаются аулы, посева, сады, леса, скот. Чеченский народ изгоняется из родных мест, выселяется в Сибирь, в том числе женщины, дети, старики.

Этой системой правительство разъединяло народы Кавказа, вбивало клин между ними, порождало и разжигало межнациональную вражду, препятствовало объединению разных народов в борьбе против их общего врага — царизма.

И сегодня начальниками округов, командирами отрядов, приставами были выходцы нескольких народов Кавказа.

Одним из них был начальник Веденского округа, полковник князь Авалов Семен Иванович.

Неизвестно, то ли в силу братских отношений и многовековой дружбы между почти единокровными грузинами и чеченцами, то ли в силу своей дипломатии, но за короткое время своего пребывания на должности начальника округа он завоевал доверие жителей и установил здесь мир и спокойствие. Авалов не прибегал к силе и угрозам, говорил с населением мягко, с присущим грузинам красноречием. Его слово не ставили под сомнение, для чеченцев оно было словом горца.

Князь часто ездил в аулы, и во всех аулах у него были кунаки. Он старался быть ближе к народу, чтобы войти ему в доверие, узнать его тайные помыслы. Его благородство, смелость, храбрость и красноречие как-то притупляли бдительность жителей округа.

\* \* \*

Немаловажная причина привела князя Авалова во главе пышной свиты в Гати-юрт. Ныне сбывались давнишние мечты графа генерал-лейтенанта Лорис-Меликова, бывшего начальника Терской области. Еще в 1864 году у него возник план сформировать из самых непокорных чеченцев хотя бы один полк и использовать его в усмирении народных выступлений внутри страны. Тогда этого не получилось. Теперь же условия благоприятствовали. Кавказскому командованию удалось сформировать воинские части из горцев и объединить их в один конно-иррегулярный корпус. Только вот с чеченцами это дело, как всегда, не удавалось привести к желанному концу.

Властям пришлось изрядно потрудиться, сколачивая Чеченский полк. Вначале казалось, что добровольцев окажется больше, чем требуется. Ведь в милицию они шли охотно. Там служ-

ба была нетрудной, несение караула на местных кордонах, охрана почтовых дорог, да эскортирование начальства – вот и все. И не отдаляясь от своих аулов и семей. В свободное время можно было присматривать за своим хозяйством. В месяц получали десять-пятнадцать рублей жалованья, да еще деньги на питание и фураж. Все это до копейки оставалось в семье. Для нищего чеченца эти деньги представляли собой целое состояние. Поэтому в милицию шли охотно, со своими лошадьми и оружием. Достаточно было для этого иметь даже жалкую клячу, лишь бы была на четырех ногах. При формировании нынешнего полка тоже нашлось много добровольцев. Даже и на несколько полков. Почти все – бедняки, не имевшие дома ни коровы, ни старой козы, в рваных черкесках и обуви из сыромятной кожи. Видимо, они считали, что лучше добывать для семьи хотя бы солдатские харчи, чем бездействовать в неприглядной нищете. Однако, узнав, что и лошадь, и обмундирование, и оружие должны быть свои, все повернули назад, смеясь над начальством и понося его на чем свет стоит. Если бы у них дома были деньги на коня, оружие да обмундирование, какой дурак стал бы вступать в царское войско? Да еще отправляться неизвестно куда за тридевять земель, вдаль от родных мест! Да не столь добрый для них отец этот царь, чтоб так стараться за него. Ведь он же довел их до нищеты: разорил их долголетней войной, отобрал у них лучшие земли, да загнал в дремучие леса и горные ущелья. Вдобавок со своими налогами да штрафами сдирает с них три шкуры. Да еще плюет им в лицо, оглашая матерщиной эти горы и ущелья. И бедняки, узнав, что, вступая в полк, они тем самым оказывают услугу богачам, назло последним шли на попятную.

А власть твердила свое, вызывая в Ведено, Грозный, Буру-Кала аульных старшин, кадиев, мулл и купцов: ведь формирование осетинской, ингушской, кабардинской, черкесской и других сотен шло успешно. О чем же, дескать, думаете вы? Стыдили: неужели вы не преданы царю или уступаете соседям в мужестве, или у вашего народа извелись настоящие мужчины? В начале говорили мягко, затем укоризненно и наконец перешли к прямым угрозам.

Когда вызвали в четвертый раз, богачам пришлось отдать в полк своих сыновей. Иные уговорили вступить в полк сво-

их обнищавших родственников, попавших к ним в кабалу. Снабдили последних конями, оружием и обмундированием.

Нынешние гулянья и состязанья были организованы в честь этих героев, чтобы в будущем воодушевить других, дабы они последовали их примеру. Такую же цель преследовал и князь Авалов, объезжая аулы, округа вместе со своей пестрой свитой.

## 2

Как только начальство поднялось на помост, музыка и дробь бубна, сопровождавшие танец канатоходца, замолкли. Жухург, собирающий деньги для канатоходца, в последний раз обежал круг.

Булат и Кайсар, стоящие неподалеку от помоста, с беспокойством смотрели на дорогу, которая спускалась по восточному склону к Аксаю.

– Что-то не показывается он, – сокрушенно повел головой Кайсар, – а состязания вот-вот начнутся.

– Может стряслась какая беда?

– Не похоже. Вчера они все были живы-здоровы. А бог его знает! Ведь беда бежит за нашими пятками. Все может быть.

– А если он не придет, что нам тогда делать? – спросил приунывший Булат.

Кайсар сдвинул вверх папаху и почесал темя.

– Будет худо. Без Алибека и его коня нам некого выставить в претенденты на приз по прыжкам через перекладины, костер и по удержанию коня у обрыва.

– Ямы-то и перекладины моему Серому под силу, – Булат нежно погладил гриву своего коня. – И у обрыва тоже как-нибудь можно остановить. Но вот через костер, хоть убей, не захочет прыгнуть.

– Едет, едет! – закричал Умар, который находился на коне на возвышенном месте.

Все мигом повернулись на восток. По узкой дороге в долину Аксая спускались два всадника.

– Может не они? – внимательно всмотрелся в них Булат, приложив ко лбу руку козырьком.

- Этот серый конь точно его.
- Да и другой, вороной конь, его брата Ала-Магомеда.
- Ох, слава богу, услышал нашу молитву! – глубоко вздохнул Булат.

Булат не так уж и беспокоился по поводу состязаний. Конечно, друзья не прочь были взять призы, но главное все-таки крылось в другом. После завершения игр Алибек должен был встретиться с Берсой. Устроить эту встречу было поручено Булату, и он боялся, что не справится с заданием. Когда показали двое всадников, с сухощавого лица Булата слетело облачко тревоги, и оно просветлело. Он вытер рукавом пот со лба, слишком рано покрывшегося морщинами, и легонько провел рукой по черным густым усам.

– Эй, люди, слушайте! – раздался в воздухе визгливый голос Хорты.

– Слушайте!

– Слушайте!

Люди, передавая из уст в уста, распространили призыв во все концы. Не прошло и минуты, как на площади воцарилась тишина, если не брать во внимание фыркание лошадей, да редкий кашель или чихание людей.

Хорта самодовольно окинул народ взглядом красных глаз из-под белесых бровей, пригладил усы и пропустил рыжую бороду через сжатые в кулак пальцы. Вот уже тринадцатый год, как он был бессменным юрtdа в Гати-юрте. Стал им после Исы. Он привык к своим обязанностям и к начальству.

Хорта легонько закашлялся.

– Сегодня в нашем ауле большой, очень большой праздник. Этот день долго сохранится в памяти наших потомков, они с гордостью будут говорить о нем. Ибо самые отважные джигиты из нашего аула уходят служить в эскери<sup>1</sup> всеми нами любимого и высокочтимого царя. В честь царя, его брата, могущественного сардара, находящегося в Типлисе... а...

– Михаила... – подсказал Хорте стоящий поблизости Чомак.

– ...Микаила и инарлы из Буру-Кала, начанника нашего укурга князя Авалу, как дань уважения к уходящим сегодня в

---

<sup>1</sup> Э с к а р – армия, войско.



храбрые войска царя нашим молодцам, мы организовали сегодняшний праздник. С разрешения наших гостей и благословенья Божьего мы начинаем состязания. Главные состязания будут заключаться в скачках. Девять кругов по поляне. Примчавшемуся первым скакуну приз – убранный серебром седло. Второму – украшенная серебром нагайка. Коню, что преодолеет все препятствия и остановится в двух аршинах от обрыва, полное конское снаряжение, черкеску и башлык. Всаднику, показавшему свое удалство на коне, – атласный бешмет. Тому, кто проявит искусство владения оружием, – то самое оружие, с которым он проявил искусство. Кого вы выберете в судьи?

– Акту, сына Тевзби!

– Князя Авалу!

– Ахмеда, сына Акбулата!

Хорта поднял обе руки:

– Добро. Победителей будут определять избранные вами люди. Теперь, люди, освободите майдан. Коней, участвующих в скачках, отведите к старту.

В несколько минут поляна стала похожей на разоренный муравейник. Но вскоре собравшийся люд успокоился, рассредоточившись по краям поляны. Выехавший навстречу Алибеку Кайсар вернулся с обоими братьями. Они поздоровались с друзьями, затем вступили к обсуждению дела, не тратя времени на обычный длинный горский этикет.

– Ну, что будем делать? – спросил Алибек своего друга Кайсара.

– Самое трудное остается за тобой и твоим Серым.

– Проскочить огонь и осадить коня у обрыва?

– Да. Для скачки мы подготовили коня Маккала. Булат будет состязаться оружием, я – на коне.

– Хорошо. Тогда трогайте.

Как только Акта выстрелил из пистолета, Магомед, напряженно следивший за высокими гостями на помосте, потянул поводья, поднял своего вороного Леча<sup>1</sup> на задние ноги, ударом плетки заставил сделать прыжок и пустил его вперед. Но кони нескольких более прытких или менее терпеливых, чем Магомед, взяли разгон раньше.

<sup>1</sup> Леч а – сокол. Здесь: прозвище коня.



Магомед не придавал значения лидерству на первых кругах. Булат с друзьями наставляли его, чтобы вначале скачки он уберег силы коня, но чтобы на последних кругах гнал всю мочь. Ему, однако, не нравилось, что впереди него скачут четверо всадников. Конечно, так или иначе, он оставит их позади, но чтобы этот Хортин ублюдок Абди примчался к финишу не то что впереди, но даже лишь на один шаг позади него, – нет, этого он не может допустить. Они ведь ненавидят друг друга. В драке-то Магомед всегда может раскрасить ему рожу, да и в любом ином единоборстве Абди ему не соперник. Сын юрта всегда злит его своим хвастовством о принадлежащих им магазине, лошадях, богатствах. Если Абди сегодня удастся победить, то его бахвальству не будет конца и края. Вон как часто он бросает взгляды назад, скаля свои мышинные зубы. Но не бывать тому, о чем он мечтает!

Магомед ударил в живот коня голыми пятками. Снова и снова. Бить плеткой было нельзя. Стегнул раз – и хватит. Нельзя приучать.

– Гони! Гони!

– Войт <sup>1</sup>!

– Не жалей!

– Наддай, восьмой круг пошел!

Восьмой круг! Нет, мешкать нельзя. Магомед участил удары пятками. Встречный ветер не давал открыть глаза. И штаны намокли от конского пота. Еще лошадь осталась позади. Наконец, до него долетели крики Булата и его друзей.

– Гони, Магомед!

– Бей плеткой!

– Идет последний круг!

Теперь голова его коня поравнялась с крупом мчавшегося впереди. Не много требовалось сократить расстояния, чтобы они оказались на одном уровне. Взгляды Абди были уже не такими торжественными, как раньше. Он искусал в кровь губы своими мелкими клычками. В глазах горел злой огонь.

Воздух наполнился сплошным гудением от криков обступивших площадь людей.

– Бей плеткой, Магомед!

---

<sup>1</sup> В о й т – восклицание.

– Жги, Абди!

Абди беспощадно стегал своего коня. Но Магомед шадил своего. Он ведь хорошо знал его. Маккал выбрал его из хороших кровей и привел еще жеребенком, и Магомед с тех пор не расставался с ним.

На середине девятого круга он огрел плеткой бок коня. Леча, уже поравнявшийся с соперником, словно обожженный, сделал сильный рывок и вышел вперед на целый корпус. Нет, это он сделал не от боли, а от обиды, от возмущения против жестокости маленького хозяина. Эта последняя минута Магомеду почему-то показалась дольше года. И финишная черта словно находилась за семью горами. Когда до нее оставалось несколько шагов, учащенно бьющемуся сердцу грудь стала тесной.

– Наяривай, Магомед!

– Не расслабляйся, Абди!

– Войт! Войт!

Когда передние ноги Лечи пересекли черту, Магомед оглянулся. Его и Абди разделяло расстояние в три шага. Не отставиваясь, Магомед проскакал еще полкруга, подъехал к помосту и, натянув поводья, поднял коня на дыбы. Гул радостных возгласов накрыл площадь.

### 3

Подъехавший вскачь Усман ссадил Магомеда и, накрыв спину коня войлочной попоной, взял его под уздцы и перевел на легкий аллюр.

– Ай да волк <sup>1</sup>! Кажется, в какой-то миг ты здорово растерялся, – спросил Магомеда Булат.

– Вовсе нет.

– Нет, он не растерялся, а просто перетрухнул перед Хортиным Абди, – бросил Умар.

Магомед косо посмотрел на двоюродного брата:

– Сопляк твой Абди!

– Всадник неплох, – заступился за мальчика Алибек. – Не растерялся. Хороший парень. Весь в отца.

<sup>1</sup> Волк является у чеченцев символом смелости и храбрости.

Пока они разговаривали, Акбулатов Ахмед объявил новые конные состязания.

– Надо сначала перескочить через три перекладыны и три ямы, затем промчатся сквозь пламя и у самого обрыва остановать мчащегося во весь опор коня, – объявил он состязующимся. – Тот, кто потерпит неудачу на каком-либо одном препятствии, отъезжает в сторону. Если до обрыва доскачат несколько всадников, то победителем будет тот, кто окажется к обрыву ближе остальных. Участвующие в состязании пусть становятся у старта. Когда костер разгорится поярче, я выстрелю из пистолета. Мы с Актой, с вашего позволения, едем к обрыву.

Для участия в этом самом сложном и опасном состязании нашлось всего лишь с десяток человек.

– Начнем первыми или выступим последними? – спросил Алибек Кайсара.

– А ты что скажешь, Булат?

– Что, если посмотрим сначала на других?

– Не будем спешить, – решил самый старший из них, брат Алибека Ала-Магомед. – Говорят, быстрая река до моря не дошла. Не хорошо лезть на рожон. А так и чужую ошибку заметим, и себя от нее предостережем.

Люди теперь не кричали, как это было при скоростных скачках. Они даже переговаривались шепотом, боясь сбить с темпа какого-либо коня. И все же к обрыву доскакали всего лишь два коня.

Два сбились при прыжках через ямы, а один не смог преодолеть перекладину. Шесть коней перемахнули через пламя, но лишь два скакуна проскочили сквозь него.

– Конь беноевца Солтамурада остановился в трех аршинах от обрыва, – выкрикнул Ахмед, сын Акбулата, – конь Хорты из Гати-юрта остановился в трех с половиной аршинах! Есть еще желающие оспаривать победу?

Еле заметным движением тронув повод, Алибек красивой иноходью пустил коня к краю площади. В нем уже не было ничего, что напоминало бы того смуглого, дерзкого мальчугана, двенадцать лет тому назад проводившего друга Кори в Турцию. Теперь на сером коне ехал двадцатишестилетний молодой человек среднего роста, плотный, крепкий. Круглое

лицо располагало к себе выражением благообразности. На щеках, чуть повыше коротко остриженной черной бородки, играл здоровый румянец. Когда его черные глаза, глядевшие из-под каракулевой коричневой папахи, надвинутой на широкий лоб, останавливались на знакомом лице, он едва заметно наклонял голову и, не разжимая губ, улыбался. Он выделялся среди собравшихся людей и одеждой, и оружием. На нем была черкеска из грубого сукна. Из-под нее выглядывал алый сатиновый бешмет. Обут он был в мягкие ичиги.

Когда выехал вперед Алибек, над площадью пронесся глухой ропот.

– Кто это?

– Ты что не знаешь его? Это Алибек-хаджи, сын Олдама из Симсира.

– Тот самый, о котором в Нохчмахке <sup>1</sup> так много говорят? Тот самый улем <sup>2</sup> ?

– Да, он самый.

– Когда же он успел стать таким знаменитым муллой?

– Превзошел по учености всех мулл нашего края, он, говорят, пригласил к себе в учителя самого высокопочтимого муллу из Дагестана.

– Вот-вот! Готов поклясться на девяти Коранах, что приглашенный им мулла не умеет правильно прочесть бисмилла <sup>3</sup>.

– Говорят, что он хаджи?

– Не то что говорят, он хаджи и есть.

– Такой молодой?

– И Ала-Магомед, что старше его, и младший Алимхан – все трое хаджи.

– Почему же он без чалмы?

– Не знаю, почему-то не носит.

– И у другого брата тоже нет чалмы.

Дойдя до края площади, конь Алибека, почувавший для чего его привели сюда, стал проявлять признаки беспокойства,

<sup>1</sup> Н о х ч м а х к а – Ичкерия, восточная горная часть Чечни.

<sup>2</sup> У л е м – ученый, богослов.

<sup>3</sup> Б и с м и л л а – первый аят Корана. Мусульмане все начинают с «Бисмилла».

вертя длинной, тонкой, белой шеей, бил копытом об землю. Успокоив его легким похлопыванием по шее, Алибек поправил на поясе саблю, ружье за спиной, разгладил рукой черные усы и, стиснув коню бока пятками, пустил его вперед во весь опор.

– Машалла <sup>1</sup>! Чтоб никто тебя не сглазил!

– Оппа! Оппа!

– Словно парит в воздухе!

– И копыта будто не касаются земли!

– Оппа!

– Всадник точно с конем слился!

– Оппа! Последняя перекладина!

– Оппа! Настоящий сокол!

– Белый сокол!

Друзья стояли, вслушиваясь в приглушенный говор вокруг, и не сводили глаз с Алибека. Удача в сегодняшних состязаниях представлялась им как знамение будущей победы в задуманном ими деле. Пулей пронесаясь сквозь пламя и влетев на обрыв сорокааршинной высоты, конь встал у самого края на задние ноги и замер над пропастью, даже у Кайсара и Ала-Магомеда, которые не впервые видели опасные самоиспытания Алибека и его коня, душа ушла в пятки. Если конь потеряет баланс хотя бы на волосинку, то он вместе со всадником рухнет вниз со страшной высоты. Но Алибек был спокоен. В таком положении он оставался больше минуты, пока по просьбе Ахмеда и Акты ему не велели отъехать назад, он круто на задних ногах развернул коня и, в обратном порядке вновь одолев все препятствия до старта, направился к друзьям. Собравшийся на площади люд, восторженно крича, заколыхался, словно разбушевавшееся море.

Среди тех, кто стоял неподалеку от Булата и его друзей, завязались споры.

– Клянусь всеми Коранами, читанными в Мекке и Медине, этот человек наделен таинством святых!

– На хорошем коне и я смог бы.

– Попробуй тогда на коне Алибека.

---

<sup>1</sup> М а ш а л л а (араб.) – восклицание при крайнем восхищении, дословно «чтоб не сглазить».

– Куда ему, свалится в первую попавшуюся яму!  
– Или обожжет штанину в костре!  
– Наверное, при нем есть талисман, привезенный из святой Мекки. Или в талисмানে, что висит на лбу его коня, заключена большая сила.

– Чушь! Просто смелый, храбрый наездник обучил своего коня и сделал его таким же, как сам.

– Смотри, смотри! Князь Авалу ему рукой машет!

И вправду, пораженный отвагой всадника, князь Авалов махал рукой, поздравлял Алибека.

– Это настоящий наездник! – говорил он находившемуся рядом Чомаку. – Во многих местах, среди многих горских народов приходилось мне бывать на состязаниях, но видеть такого коня не доводилось. Откуда он сам?

– Из Симы... Симсира. К юго-востоку от Зандака.

– Слушай, Чомак, я бы отдал за этого коня все свои владения в Грузии. Иди, поторгуйся с ним.

Чомак покачал головой:

– Нет, не продаст.

– И втридорога?

– Даже если предложить столько золота, сколько вместит долина Аксая.

– Но неужели он такой богатый?

– Не беден. Но он же горец. А как знаешь, горец ни за что не продаст ни доброго коня, ни хорошего оружия.

– Жаль, очень жаль, – расстроился Авалов.

Кайсар и Булат, сидя на конях, обняли подъехавшего к ним друга, который одержал победу в самом сложном, опасном и трудном поединке. Молодой Умар и его сверстники смотрели на него полными восторга глазами. Ала-Магомед хранил молчание, будто все увиденное было ему безразлично. Но то, что он всюду неотлучно сопровождал своего младшего брата, говорило о его горячей любви к нему, о его гордости за храбрость, ум и знания Алибека. У еще не очень старого Олдама их шестеро сыновей: Ала-Магомед, Алибек, Арпхан, Султи и Зелимхан. Последнему еще нет и пятнадцати лет. Султи в этом году получил право носить оружие и за руку здороваться со старшими. Олдам совершил с тремя старшими сыновьями хадж в Мекку и возвратился домой прошлой

осенью. Смелый, отважный Алибек являлся гордостью не только семьи и родного аула, но и для всего зандаковского тейпа. Поэтому, когда он выезжал куда-нибудь, его сопровождал старший брат.

Состязания продолжались. Празднично разодетые джигиты носились по широкой поляне. На конях, мчавшихся с быстротой летящих птиц, они показывали ловкость и сноровку. Вон беноевец, держась одной рукой за луку седла, спрыгивает то по одну, то по другую сторону, затем вновь и вновь вскакивает в седло. Несущийся вслед за ним центороевец, разгорячив плеткой коня, выпустил поводья и скачет, стоя во весь рост на седле, попеременно становясь то на одну, то на другую ногу. На белоногом с белым пятном на лбу Кайсаровом коне не видно всадника. Несведущему может даже показаться, что конь скачет сам по себе. Но Кайсар, не вытаскивая ноги из стремян, то повисает поочередно с левой и правой стороны, то распластывается в длину по бокам лошади, исчезая из виду. Пустив коня в бешеный галоп, всадник хватается с земли разбросанные там и сям безголовые и безногие козьи туши. Трудно поднимать с земли на всем скаку натертые до блеска серебряные рубли. Но еще труднее попасть из пистолета в серебряную монету. Кайсар поднял их три. А Булат трижды попадает прямо в середину монеты. Иные, стреляя из ружей, отправляют обратно вверх подброшенные и падающие гривенники. Другие карабкаются на шест, который не только гладко обтесан, но еще и смазан жиром. На самой макушке шеста на гвоздь повешен кинжал – изделие лучших мастеров из аула Дарго. И последнее состязание – срезание саблей прутьев. В руках всадников молнией сверкают сабли. Рассекая посередине, они валят на землю тонкие прутья, слабо воткнутые в землю в два ряда. После каждого захода дети устанавливают новые прутья.

А в центре круга кружится сплошное облако пыли, взлетают комья земли из-под конских копыт. Победителей приветствуют громкими криками и выстрелами. Спорные моменты внимательно разбирают Ахмед и Акта. Даже князь Авалов на некоторое время забыл о том, что он высокочтимый начальник округа. Махая форменной фуражкой, он вместе со всеми кричит и радуется.



Когда состязания и игры закончились, все, как по команде, направляются к помосту, хотя никто им этого не предлагал. Коротко посоветовавшись, судьи называют имена победителей.

– В скачках по кругу в трудной борьбе одержал победу скакун Алибека – сына Олдама из Симсира! В ловкости и сноровке на конях лучшими признаны гатиюртовцы Кайсар, сын Аюба, и Булат, сын Данчи, а также центороевец Ахмед, сын Гары. Названные джигиты пусть забирают призы.

Воздух вновь оглушился гулом криков и ружейных выстрелов в честь победителей. Когда взволнованный до предела люд немного утомился, Хорта поднял руку:

– Слушайте, люди! Теперь будет говорить князь Авалу!

Грузинский князь, на некоторое время духовно слившийся с толпой, снова преобразился в начальника округа полковника Авалова. Надев фуражку с кокардой, с белым верхом и черным козырьком, он провел рукой по усам и слегка закашлялся. Вмиг угас горевший в его черных глазах огонь азарта. И нос его с горбинкой стал похож на орлиный клюв. Поводя украшенной крестом и медалью грудью, он долго говорил на ломаном русском языке.

– Чеченцы! Велико и могущественно Российское государство. Многие народы его, когда-то измученные, прижатые кровопролитными, междоусобными войнами и войнами с внешними врагами, не знавшие мирной жизни народы Кавказа, сегодня живут по-братски, счастливо, под могущественным крылом его императорского величества – русского царя. Свидетельством тому является то, что, когда в Россию вторгаются иноземные полчища, сыны разных народов встают на защиту нашего царя и России. Враги нашего отечества снова точат зубы. Только наше единство, общая сила может защищать нашу общую отчизну. Поэтому все народы Кавказа в помощь русским победоносным войскам дают своих сыновей. Грузины, армяне, азербайджанцы, осетины, кабардинцы, черкесы, дагестанцы, ингуши и все остальные. Они не впервые доказывают свою верноподданность. Ваши соотечественники также много раз проявили ратную доблесть и отвагу в боях с врагами отчизны, особенно в последней войне нашей против турок, англичан и французов. Его величе-

ство император не оставил без внимания их верноподданность, их ратные подвиги, пролитую ими кровь. Участники той войны вернулись с многочисленными орденами и карманами, полными денег. Правительство и теперь оказывает им высокую почесть. В этом году чеченцам, из-за своих диких нравов долгое время пребывавшим в положении пасынков, его императорское величество вновь оказало доверие. Но люди не хотят понять, какую милость им оказывает царь. Не хотят позать великодушно протянутую им руку. Среди чеченцев, издревле славившихся как доблестные воины-витязи, ныне нам не удастся набрать и тысячи человек, желающих вступить в славное войско Российское. Куда же девались прославленная в горах Кавказа ваша отвага, смелость и храбрость? А может, вы разучились держать оружие? Куда там! Некоторые ссылаются на то, что у них нет коней, что они бедны. Враки! Сколько сотен лошадей здесь! Сколько здесь доблестных джигитов! Просто не можете расстаться со своими бунтарскими привычками. Словно поклялись сделать все наоборот, все только назло. Слава богу, сохранившему среди вас горстку мужчин, способных защищать честь вашего народа! Они верны Богу и царю. Они отдают своих сыновей в руки его величества...

Слегка пригладив усы, Авалов окинул толпу испытывающим взглядом.

— Позвольте мне от имени его императорского величества поздравить... — Авалов заглянул в бумажку, которую держал в руке, — ...собирающихся вступить в ряды победоносных русских войск Хортаева Асхаба, Товсолтанова Хуси, Бораханова Саида, Сатуева Солтахана и выразить благодарность их родителям, вырастившим своих сыновей верными царю и отечеству. Счастливого пути вам, храбрые джигиты! Доброго пути вам, храбрые джигиты! Да сопутствует вам удача, чтобы своими боевыми подвигами вы могли приумножить славу своего народа!

Площадь вновь огласилась рукоплесканиями.

Вперед вышел поручик Чомак Ойшиев. Не у пустой кормушки вскормил царь своего верного слугу. Повисшие красные щеки, густые рыжие брови, остановившийся жестокий взгляд покрасневших глаз, сморщенная переносица, повис-

шая, как у старой клячи, нижняя губа, двойной подбородок, зажатая в стоячий воротник зеленого атласного бешмета толстая шея. И глотка неплохо звучит. Громко, как в пустой мечети.

Чомак, часто бросая взгляд на князя, самодовольно и долго переводил его речь, а люди бросали реплики.

– Очень счастливо живем!

– Как бы не сглазили нас!

– Эх, да остаться нам без этого царского крыла!

Кайсару давно уже надоели эти речи. И конь его, словно зная, что у хозяина на душе, не мог устоять на месте.

– Уйдем отсюда, Алибек? – хлопнул друга по плечу Кайсар.

– Неудобно. Как-никак, большой начальник говорит.

– Неужели нам стоять и слушать до конца эту болтовню?

– Лучше подождем. Они опять что-то собираются делать.

Товсолта подходит к помосту.

Товсолта-хаджи, одетый сегодня в зеленую сутану, с белоснежной чалмой, обернутой вокруг высокой каракулевой папахи, с тисненным серебром кинжалом на поясе, очень нарядный, медленным шагом прошелся, стал перед помостом. За последние двенадцать лет он почти не изменился, разве что чуть-чуть согнулась ровная прежде спина. Да и плечи несколько пообвисли. Седину свою он тщательно скрывал. Голову он брил начисто, а усы и бороду красил красным хноем.

Рядом с Товсолтой встали его сын Хуси, Хортаев Асхаб, Бораханов Саид и Сатуев Солтахан. Первые трое были одеты изысканно: в черкесках и бешметах одного фасона, в черных папахах. Сверкало на солнце подвешенное и пристегнутое на поясах дорогое оружие. Снаряжение их коней было украшено серебром. Обмундирование Солтахана, по сравнению с ними, было довольно убогим.

Люди, которым не терпелось узнать, что у Товсолты-хаджи на душе, выжидающе притихли.

– Дорогой гость наш, уважаемый наш начальник князь Авалу, – раздался в тишине мелодичный, густой голос Товсолта-хаджи, – этот сегодняшний день наш аул никогда не забудет. Несмотря на нашу бедность, наше убожество, ты удо-

стоил нас чести своим посещением. Спасибо, и да воздаст тебе за это Аллах, да продлит он твои годы! Если бы внять желанию некоторых из нас, сегодня в храбрые войска царя отправлялось бы не только четыре человека. Мы бы довели это число до ста. Если не так, как хочется, то как можетя, — гласит наша поговорка. Так что, мы сделали то, что могли. Вот этих наших детей мы передаем, прежде всего, в руки Бога и, во-вторых, в твои руки. Для нас является большим успокоением то, что они едут в эскари вместе с Хотой, сыном Момы, — человеком отважным и умным. Таким он показал себя, сражаясь с врагами нашего царя. А вы, сыновья мои, — обернулся Товсолта-хаджи к четверем стоящим за ним ополченцам, — не ударьте лицом в грязь. Покажите свою преданность нашему славному отцу, великому царю нашему. Если начальство прикажет прыгнуть в синее пламя, — прыгайте, не моргнув глазом. Прошу вас, не возвращайтесь назад с позором, с клеймом трусости... Гатияуртовцы остаются уверенными, что вы с честью выполните свой долг перед царем и отечеством. Да возвратит вас всемогущий Аллах с победой живыми-здоровыми к вашим семьям!

После нескольких благодарственных слов Авалова, Хоту Мамаев, спустившись с помоста, начиная от Товсолта-хаджи, поблагодарил его и четырех добровольцев, пожимая каждому руку, вознес хвалу отцам молодых воинов.

Через несколько минут гости отправились вместе с Хортой в аул.

А люди разошлись по своим домам, судача о событиях дня.

## ГЛАВА II

---

### БЕРСА

Нет, лучше с бурей силы мерить,  
Последний миг борьбе отдать,  
Чем выбраться на тихий берег  
И раны с горестью считать.

*А. Мицкевич*

#### 1

Отправив в аул радующихся завоеванными призами Магомеда, Умара, Усмана и Ала-Магомеда, выбрав безлюдную дорогу, Кайсар и Булат с Алибеком отправились в гору.

Булат подарил Магомеду свой приз – кинжал с рукояткой из белой слоновой кости и тисненый серебром пистолет. Радости мальчика не было предела. Теперь у него все, что надо: посеребренное чеченское седло, такая же уздечка, да еще чрезмерно красивый, как куколка, пистолет. Вскоре улетучилось мимолетное счастье. В глубине сердца проснулось притаившееся там горе. Как часто это случалось, он вспомнил своего дядю Али. Прошлой осенью арестовали и отправили в Сибирь его и заменявшего Магомеду отца Маккала. Многого не понимал юный Магомед, но думы о судьбах дяди и друге отца проникли по невидимым нитям в его сердце и не расставались с ним. Даже сегодняшний праздничный день померк в его глазах, когда он увидел на помосте разжиревших офицеров со сверкающими под лучами солнца золотом и серебром на плечах и груди. Это они – виновники того, что до его рождения отец Арзу вынужден был уехать далеко, в

чужую страну, и там сложить свою голову, что они с матерью остались одни, что его дядя и отцовские друзья сосланы в сибирскую каторгу!

О, скорее бы ему исполнилось пятнадцать! Тогда он отмстит за них. Но как еще долго ждать! Целых три года...

Трое всадников ехали гуськом по поднимающейся вверх сквозь заросли боярышника, мушмулы и кизила узкой тропе, которая вела мимо аула. Впереди ехал Кайсар, за ним Алибек, шествие замыкал Булат...

Месяца два назад друзья при такой встрече не преминули бы пошутить и посмеяться, а теперь и говорили вполголоса, боясь, как бы кто-нибудь не услышал. Алибек интересовался, как здесь скот вышел из зимовки, как идет весенний сев. Кайсар не раз с интересом слушал рассказы трех братьев о своем путешествии в Мекку. И все же вопросов к ним у него не убавлялось. Он и теперь перевел разговор на их паломничество в святые места.

– Лучше бы ты рассказал, Алибек, об увиденном и услышанном во время паломничества. Что за народ арабы?

– Да сколько же можно говорить! Люди как люди, только кожа черная, как доньшко старого котла.

– Не о том я спрашиваю. Храбрый это народ?

Алибек ответил не сразу.

– Как бы это сказать? – начал он. – Одежда мужчин делает их несколько похожими на женщин. Рубашки на них широкие и опускаются ниже колена, головы обмотаны платками. Кто знает, может это связано с особенностью их края. Пески, жара, засуха. А сам народ нельзя назвать трусливым. Суровые горы и горячие пески – этот край не трусливого народа. Кроме того, во времена пророка и его асхабов<sup>1</sup>, с огнем и мечом они распространяли веру в Шемахе<sup>2</sup>, Мисре<sup>3</sup>, Бухаре, Индии, в странах, о которых мы не слышали. Все это произошло несколько веков назад. Сейчас же от той отваги и следа не осталось. Под турецкой пятой они забыли своих предков до седьмого поколения. Другие, говорят, находятся под игом

<sup>1</sup> А с х а б ы – соратники, сподвижники пророка Мухаммада.

<sup>2</sup> Ш е м а х а – Сирия.

<sup>3</sup> М и с р а – Египет.

французов и англичан. Если заключить в клетку, то из любого зверя или птицы можно вышибить со временем гордость и храбрость. А ведь свобода дает человеку и смелость, и гордость.

Кайсар глубоко вздохнул.

Разговор друзей на несколько минут оборвался. Последние слова Алибека повергли их в раздумья. И вправду, что представляет собой угнетенный народ? Будет работать, как вол, и есть, что дадут. И все. Но и есть он не может досыта. Всегда голодный, нищий, бесправный. Лучше смерть, чем такая жизнь.

Приятно было дышать воздухом, напоенным ароматом цветов, от которых обочины тропы стали ярко-пестрыми от кизилового желтого цветения. Греющиеся у дороги на солнце пеке многочисленные ящерицы, слышав топот, спешили скрыться в кустах, шурша молодой травкой. В зеленой роще на склоне состязались птицы, пересвистывая и выплескивая песни на разные лады. Но всадники не замечали этой красоты весенней природы, не слышали птичьего ликования. Перед Булатом представились Асхаб Хортаев, Хуси Товсолтанов, Саид Бораханов, которые когда-нибудь возвратятся из армии, если останутся живы, на великолепных конях, обвешанные дорогим оружием, со сверкающими погонями на плечах, с медалями и орденами на груди. Власти не оставят их без вознаграждений за верную службу. Посадят их на шею народа.

— От Али и Маккала имеются вести? — нарушил молчание Алибек.

Прошлой осенью царское правительство снова очистило Ичкеррию от лучших людей. Человек двадцать руководителей готовящегося восстания были арестованы. Среди них были и Маккал, сын Абдурахмана, Али, сын Абубакара и избранный предводителем восстания майртуповец Шоип, сын Мусло.

— Месяца три тому назад получили письма. Оба живы-здоровы. Говорят, что довели их до Сибири.

— Они вместе?

— Нет. Разлучили.

— Как же они там?

— Дела, видно, неважные. Али пишет, что сам он добыва-

ет железную руду, а Маккал попал на лесозаготовку. Холодный, безлюдный, говорят, край.

Алибек не стал больше задавать вопросов, предался размышлениям. Последние двенадцать лет были для Чечни, хотя и мирными, но беспокойными. Народ терпеливо выносил чинимые ему мытарства. Землю у него давно отняли, и новые хозяева успели забыть, что они пользуются чужим. Можно было подумать, что она досталась богачам в наследство от предков. Ежедневно размножались кровопийцы – выходцы из чеченской среды: офицеры, купцы, муллы. Каждый из них был начальником над бедным чеченцем. Сила была на их стороне. Власть пригревала их под своим крылом. Опираясь на этих отщепенцев, она угнетала народ. А чеченскому бедняку запретили спускаться ниже Военной дороги<sup>1</sup>. Если появится в городе, его унижали, оскорбляли. Гнали, как ишака, что забрел в чужой огород.

Народ терпел, но терпению пришел конец. Достаточно было искорки, чтобы разжечь пламя, направить его против угнетателей. Народ готовился к новой схватке. Готовился к ней долго и терпеливо. Однако в прошлом году чуть не провалилась вся многолетняя подготовка. По чьему-то доносу арестовали несколько человек из руководителей. Правда, среди них из главных руководителей было только трое. В то время Алибека не оказалось дома, он отправился с отцом и братьями в Мекку.

Сейчас буря близка. Он, Алибек, один из главных руководителей будущего восстания.

«Что станет со мной?» – спрашивает он самого себя.

– Или пропаду безвестно, изгнанный из родного края, как шейх Мансур, или паду от предательского удара сзади, как Бейбулат, или с оружием в руках героически погибну, как Гази-Магома, или буду вздернут на виселицу, как Байсангур?..

Когда всадники подъезжали к селу, на тропинке, спускающейся по противоположному склону к роднику, показалась девушка с медным кувшином.

Девушка шла медленно, мелкими шагами. Теплый весенний ветерок ласкал ее черные локоны, выбившиеся из-под

---

<sup>1</sup> Военная дорога – дорога от Грозного до Порт-Петровска (ныне Махачкала).



прозрачного платочка и свившиеся в кольца на гладком челе. Длинная коса, ниспадавшая по стройной спине до самых икр, каталась, переворачиваясь то в одну, то в другую сторону. На этом коротком отрезке пути выражение ее лица менялось несколько раз. Припухшие нежные губы поддавались улыбке, и тогда зубы ее, словно выточенные из белого мрамора, обнажались, ослепительно сверкая, а длинные черные ресницы, опускаясь, закрывали большие голубые глаза. По белоснежной, отточенной шее иногда катилась теплая румяная волна: под тесным корсажем, туго тянувшим талию, начинало бешено биться сердце. Казалось, что серебряные застежки корсажа вот-вот разорвутся.

Но на какое-то мгновенье по прекрасному девичьему лицу скользнуло облачко печали, и румянец сбежал с лица и алых губ. В душе девушки боролись два чувства: любовь и ненависть. Но она не в силах была решать судьбу. Она передала ее в руки Бога, но не потеряла надежды на счастье.

Заметив поднимающихся по ущелью трех всадников, она вся задрожала, как испуганная лань. Однако, узнав Кайсара и Булата, вздохнула успокоенная, и по жилам ее пробежала теплая волна. Когда Кайсар двинулся вниз, сказав несколько слов незнакомцу, девушка ускорила шаги. Она прополоскала свой кудал<sup>1</sup>, поставила его под почерневший узкий деревянный желоб и, вслушиваясь в песенно журчащую в кувшине струю, стала дожидаться, пока подойдет друг ее возлюбленного.

«Почему же не подошел Булат? – испуганно встрепенулось ее сердце. – Неужели поверил людским сплетням?».

– Добрый день, Деши<sup>2</sup>, – Кайсар спешил, разнуздал коня и пустил на водопой.

– Добро пожаловать, Кайсар!

Обернув вокруг шеи один конец тонкого платка и закинув другой за спину, убрав локоны со лба, она вопросительно посмотрела на Кайсара.

– Что ты сегодня так рано пришла по воду?

Девушка глубоко вздохнула.

---

<sup>1</sup> Кудал – медный кувшин.

<sup>2</sup> Деши – женское имя. Буквально – золото.

– Грустно что-то стало. Я слышала, что вы отличились на состязаниях. Пусть Аллах и впредь пошлет вам удачи, как сегодня!

– Спасибо тебе, Деши. Ты и вправду рада?

– Ты еще спрашиваешь, Кайсар! – обиженно скрывала девушка свои красивые губы.

Кайсар рассмеялся.

– По слухам, похоже, что твои чувства к нам изменились?

– Не обижайся, Кайсар, но мне кажется, не пристало настоящему мужчине внимать женским сплетням.

– Так-то оно так, Деши, но любовь очень нежное чувство. Легко ее ранить и приласкать. Если рассудить здраво и взвесить обстоятельства, то мы стоим внизу, а Овхад Хортаев – выше нас. Отец у Овхада, как известно, состоятельный, а сам он учился в Буру-Кале, сегодня-завтра станет начальником.

Девушка взяла из-под желоба переполненный кудал и отставила в сторону. В этот момент исчезла с лица ее прежняя нежность. Брови ее, опустившиеся распластанными черными крыльями птицы, вдруг встрепенулись, промеж переносицы собрались тучи недовольства.

– Выходит, что Булат прислал тебя с поручением, чтобы передать мне эти слова? Что же он сам не приехал? Или он поклялся больше не говорить со мной?

– Нет, я приехал с тем, о чем Булату самому неудобно говорить.

– Не знаю, что между нами произошло, о чем нам с ним нельзя говорить.

– Тебе судачили, что он безродный, неизвестно чей.

– И что же?

– Он из самого крупного тейпа в Шалях и благородной фамилии, больше того, принят в Гаги-юрте самыми уважаемыми людьми. В наше село его привела печальная судьба. Его родители и близкие родственники погибли в Турции...

– Я все это знаю, Кайсар.

– Поэтому, наверное, и твое сердце склонилось к Овхаду? Они же богаты. Ведь наше время – не время благородных мужчин. Теперь в почете муллы и торгоши, да всякие лизоблюды.

Теребя краешек платка, Деши внимательно слушала Кайсара, потом, наклонив голову набок и уставясь на него своими голубыми глазами, проговорила:

– Не знаю, Кайсар, каких слов вы с твоим другом добиваетесь от меня. Если вы ждете от меня слов, будто семья Хорты лишена благородства, а Овхад – мужества, – то напрасно ждете. Хорта состоятелен и уважаем в Нохчмахке. И про Овхада не могу сказать ничего плохого. Это симпатичный и благородный молодой человек. Не скрываю, меня сватают за него, и мои родственники не против этого сватовства. Что же нам теперь делать?

Кайсар удивленно посмотрел на Деши. Ему никогда не приходило на ум, что у этой хрупкой девушки хватит сил сказать такие решительные слова.

– Ты права, Деши. Мы тоже не можем сказать ничего дурного об Овхаде. Но ты дала Булату слово, что выйдешь за него. Два года принимала его ухаживания. Если ты теперь пойдешь на попятную, нам это трудно стерпеть. Мы не дети, чтобы нас обманывать.

– Что же вы сделаете? – девушка гордо вскинула свою прекрасную головку. – Уведете меня насильно, волоком, когда я, как вот сегодня, приду к роднику?

У Кайсара участилось дыхание. Он выместил свою злость, ударив лошадь, которая подошла к нему ближе и стала тереться об него головой.

– Нет, Деши, у нас хватит благородства, чтобы не совершить такую дикость, – жестко ответил он наконец. – Может, и мы найдем такую же бедную, как мы сами, девушку.

Ресницы девушки мелко задрожали; дрогнули ее пухлые губы, нижнюю она прикусила зубами; светлые слезы, показавшиеся из ее глаз, задержавшись на длинных, густых ресницах, щедро ринулись вниз по щекам.

Кайсар растерялся.

– О вас я имела доброе мнение, Кайсар. Выходит, я ошиблась, – сказала девушка дрожащим голосом. – Как вы могли подумать, что я обманываю вас?!

– Люди же говорят...

– Почему же я не поддаюсь женским сплетням?

– Кто знает, что у тебя на душе...

Девушка, вытерев краешком платка слезы, вновь сурово взглянула на Кайсара.

– Овхада, чье имя ты с таким презрением произносишь, я нашла более искренним и благородным, Кайсар. Возвратившись из Буру-Калы и узнав, что меня собираются сватать за него, он пришел к этому роднику и справился у меня, что об этом думаю я. «Послушай Овхад, – сказала я ему, – ничего не имею против тебя, и быть хозяйкой в твоём доме сочла бы за высокую честь, но я люблю другого и дала ему слово. Если ты возьмешь против моей воли, я все равно не смогу забыть его». И знаешь, что он мне на это ответил? «Я сам не допущу, чтобы тебя насильно привели в наш дом. Этого можешь не бояться. У Булата нет родного брата, но я готов стать ему им. А тебе, Деши, большое спасибо». Вот как он сказал.

Восхищенный благородством и девушки, и Овхада, Кайсар, не зная, что ответить, завертелся вокруг коня, подтягивая подпругу.

– Ты неправильно поняла нас с другом, – молвил он, засовывая удила в зубы коню. – Правда, к Хортиной семье у нас не больше любви, чем к бешеной собаке. Но об Овхаде у нас самые добрые чувства. Стройный, смелый, благородный парень. И непохож на остальных членов своей семьи. Нас ведь то и встревожило, что сам он хороший парень, а отец его – богатый человек.

Взяв кудал и продев руку через его ручку, Деши посмотрела на Кайсара.

– Можете не тревожиться. Даже если бы любила Овхада, я и тогда бы не вошла в их двор. Не лучше ли мне быть княгиней в доме Булата, чем пойти из бедной своей семьи в дом Хорти и превратиться в рабыню! – лукаво засмеялась девушка своим чистым звонким голосом. – Имя-то у твоего друга звучное<sup>1</sup>, но сам он, представ перед девушками, становится мягким, как гончарная глина. Ну, до свидания!

Кайсар, удивленный девушкой, долго смотрел ей вслед, потом вскочил на коня и помчался догонять друзей.

---

<sup>1</sup> Булат – мужское имя. Буквально – сталь.

Булат, не заворачивая в аул, извилистыми пешеходными тропами выехал на большую дорогу и вместе с гостем спустился в низину.

Дорога то углублялась в высокий, густой лес, то проходила мимо свежевспаханных полей. Хоть деревья еще не полностью распустили листву, леса покрывали горы зеленым ковром. Пахота не завершилась, но говора крестьян не было слышно. В бороздах недопаханных полей виднелись сваленные на бок деревянные сохи.

– Ты пахоту закончил уже, Булат? – спросил Алибек.

– Закончил. Да и не велико наше поле.

– Тебе дали здесь надел?

– Нет. И откуда его взять? Вон видишь высокий дубовый лес? Там мне дали место. А рубить и выкорчевывать лес у меня нет сил. Подожду, пока подрастут сыновья Арзу и Али, тогда что-нибудь придумаем.

– Ты окончательно решил не возвращаться в Шали?

– В Шали? Когда-нибудь возвращусь, конечно.

– Есть у тебя там родственники?

– Близких нет, есть только дальние. Но тянет туда, наверное, потому, что там жили мои предки, родился сам. Пока я был маленьким, Маккал с Али не отпускали. Старались, чтоб я хозяйством обзавелся. Только стали осуществляться их мечты, как обоих отправили в Сибирь. Видимо, не скоро доведется мне вернуться в родное село. Если только по Божьей милости не вернутся Али и Маккал. Сыну Арзу всего двенадцатый год. Старшему сыну Али Умару уже семнадцатый пошел. Нет, Алибек, я не смогу расстаться с ними, пока они не подрастут и не обзаведутся своими семьями и хозяйством. Айза с Эсет беспомощны.

– Сколько у Маккала детей?

– Сын и дочь. Мальчику пять лет, девочка только-только научилась ходить. Братья жены Маккала всячески помогают своим племянникам. Вон тот вспаханный и заборонованный участок принадлежит Маккалу. Не будь их, Ковсар с двумя детьми тоже остались бы на моей шее.

– А в Шали часто ездешь?

- Да так, не очень часто.
- Имеешь там друзей среди молодежи?
- Да как сказать. Знакомых много, друзей мало.

Булат был удивлен тем, что Алибек так интересовался Шали. А тот задал вопрос и надолго погрузится в свои думы.

- А Мачиг засеял свое поле?
- Да, засеял. Он и Васал спарили быков.
- Как он с новой женой?
- Дружно, мирно. Ведь Айшат тоже, как и Мачиг, невезучая.

Всякий раз, увидев Мачига или услышав его голос, Булат вспоминал свое далекое ушедшее детство. В этом краю один Мачиг был свидетелем злоключений и бед Булата, как и он, потерявший родных и близких, одинокий как перст, вместе с ним прошедший все семь кругов ада. Теперь Булату вспомнилось, как они вышли в путь на родину, как дошли до Арпачая, как там турки обстреляли из пушек их безоружных детей и женщин и как оставшихся в живых под конвоем отправили обратно вглубь страны...

Из двадцати трех тысяч человек, ранней весной 1865 года переселившихся в Турцию, к осени в живых осталось всего около десяти тысяч. Той зимой их разбросали по юго-восточной части Турции. До конца зимы и из этих десяти тысяч половина померло. Голод, непривычный климат, болезни косили людей беспощадно. До второй весны не дожили мать Булата Хеда и сестра Човка.

Никто, даже находящийся на последнем издыхании, не хотел расстаться с мечтой о далекой родине. Дожив до весны и немного окрепнув, люди вновь потянулись к северу маленькими группами. Дети, женщины, старики. Чтобы продвигаться до тех пор, пока не остановит смерть. С наступлением лета, когда в лесах появились дикие плоды, Али, Мачиг, Эсет и Булат тронулись в путь. Маккала с ними не было. Оставшийся раньше в Муше, он больше не присоединился к ним.

Всем казалось, что на территории России станет легче. Но это оказалось пустой мечтой. Правда, жители старались помочь им, чем могли. Но какой толк от этого, если повсеместно стояли солдатские и милицейские пикеты, подстерегавшие возвращающихся из Турции горцев. Власти объявили

вознаграждение за поимку возвращающегося горца. Поэтому от границы по армянским и грузинским горам они шли только ночью, с рассвета до позднего вечера, прячась в укромных местах. Остерегаясь входить в села, боясь встреч с людьми, шли по горам пешеходными тропами, питаясь дикими плодами и разными травами, употребляя в пищу случайно попавшегося зверя или птицу. Особенно трудно пришлось Эсет, имевшей на руках маленького Магомеда. Истощавшей, умирающей от голода, ей недоставало молока для ребенка.

Когда они дошли до Чечни, в них мало что напоминало живых людей. Оборванные, заросшие, истощенные голодом, они походили на призраков. Но даже добравшись до дома, не обрели они покоя. Здесь их ждала власть, возвратившихся людей ловили, отправляли обратно в Турцию или в сибирскую каторгу...

– Можно ли довериться твоим друзьям? – прервал его воспоминания Алибек.

Булат непонимающе посмотрел ему в глаза.

– Я спрашиваю, твоим шалинским друзьям можно верить?

Булат чувствовал, что вот-вот должна грянуть буря, но откуда и когда – это было для него тайной. Здесь, в Гати-юрте, под его началом было десять человек, готовых по приказу Кайсара выступить в любую минуту на конях с оружием в руках. С прошлого года Булат обучал их военному делу, но он не знал, кто стоит выше Кайсара. Иногда ему казалось, что одним из главных руководителей является Берса. Но прикованный чахоткой к постели, он не показывается в этих местах.

– Да как сказать, кажется, что они достойны доверия. Но, как говорят, друг в беде познается.

Когда они поднялись на гребень, их взору открылась Чеченская равнина.

По левую сторону от Качкалыкского хребта и у подножия Черных гор лежали большие чеченские села: Илисхан-юрт, Аллерой-аул, Бачи-юрт, Майртуп, Курчалой-аул, Автуры, Герменчук, Шали и другие.

«Если удастся заручиться их поддержкой, мы победим, – размышлял Алибек. – Но будет очень трудно. Во-первых, они

находятся под жерлами орудий военных крепостей, во-вторых, в этих селах много людей, вскормленных царской властью».

Примчавшийся на взмыленном коне Кайсар оборвал его мысли.

– Что вы так приуныли? – спросил он, потянув повод и заставив коня закружиться на месте.

– Помнишь, Кайсар, как мы двенадцать лет назад вон там у берега Мичика, вместе с переселенцами в Турцию проводили нашего друга Кори? Когда с высоты Дюйр-Корт, что над Симсиром, я окидываю взглядом равнину, мне прежде всего вспоминается эта картина нашего расставания.

И по пути в Мекку, и возвращаясь оттуда, у каждого встретившегося в Турции чеченца Алибек спрашивал о друге, но не нашел его. Алибек встречался с немногими, которые знали Кори. Ему говорили, что Кори – офицер турецкой армии в войске Муса-паши Кундухова, который обманом увел с собой пять тысяч чеченских семейств. У каждого чеченца, знавшего Кори, он оставил для передачи ему письма, в которых просил друга возвратиться на родину, чтобы встать в ряды борцов за свободу.

Когда они поднялись на вершину горы, перед ним показалась небольшая часть Аллерой-аула.

– Вон видишь одинокий дом? – указал пальцем далеко вперед Кайсар. – Там живет дядя Берсы по матери.

При приближении к дому Кайсар замедлил коня.

– Булат, ты оставайся здесь в карауле.

– Зачем такая предосторожность? – спросил Алибек.

– Говорят, что мать осторожного сына никогда не плачет, – поговоркой ответил друг.

Прошло больше часа после условленного времени, но Берса не скучал. Его измученное болезнью тело отдыхало на лоне весенней природы, на свежем воздухе. Он не чувствовал обычного покалывания в груди, и хрипа в легких будто поубавилось. От стройного когда-то тела, которому в царской армии завидовали, остался лишь жалкий призрак. Прямая спина его согнулась в дугу; от белых как мрамор, твердых как гранит зубов осталось всего несколько черных осколков. Впалые щеки и высокий лоб испещрили морщины,



голова до самого темени облысела, стала какой-то неестественно красно-гладкой.

Двенадцать лет назад, когда в Чечне готовилось новое восстание, его руководители послали Берсу в центральные губернии России, чтобы приурочить и связать свое выступление с крестьянскими и заручиться их поддержкой. Это было время, когда недовольные крестьянской и буржуазной реформами русские рабочие и крестьяне повсюду оказывали правительству повсеместное сопротивление. Революционное движение в России вступало в новый этап. Берса попал туда, когда царское правительство начало «белый террор» над революционно-демократическими организациями. Его арестовали там и сослали на каторгу. Он полностью отбыл срок ссылки и вернулся на родину прошлой осенью.

Вернее, после отбытия срока он остался в Сибири, болезнь не позволяла ему выехать на родину. Узнав о положении сына, отец Рохмад поехал за ним и привез его домой, но сам вскоре скоростижно умер.

Тоску Берсы усугубляло еще и то, что дядин дом стоял на отшибе, в лесу. Никто не приходил к нему, а дядя с наступлением весны днем никогда не оставался дома. Он и два его сына то работали в поле, то уходили в лес, то присматривали за скотом.

Особенно печалился Берса в солнечный, теплый день. Если тело хоть немного слушалось его, он уходил на берег Мичика и долго просиживал под старой ветвистой грушей, на залитом солнцем склоне, пока дневную жару начинала сменять вечерняя прохлада. Друзей у Берсы не осталось. Одних сослали в Сибирь, другие умерли или погибли. За месяц до его возвращения сослали в Сибирь Маккала, Али, майртупца Шоипа. Делиться мыслями он мог только с беноевским Солтамурадом да зумсоевским Уммой. Но они – далеко. Не только далеко, но и стары.

Хотя Берса скован болезнью и не может принять активное участие в подготовке восстания, он в курсе всех дел и событий, происходящих в Чечне. Иногда к нему приезжает Солтамурад, с остальными руководителями он держит связь через Булата и Кайсара из Гати-юрта.

Из газет, которые Берса получает изредка, он знает, что внешние дела царского правительства не блестящие. Политическая борьба Турции и России на Балканах, которая шла издавна, с прошлого года особенно обострилась. Огромный размах получило национально-освободительное движение балканских народов против турецкого ига.

Десять лет, проведенные Берсой в сибирской каторге, не прошли даром. Последние годы все больше и больше на каторгу привозили политзаключенных. Из их рассказов Берса знал, что во всех уголках империи разгоралось пламя борьбы. В городах рождался самый опасный противник самодержавия – рабочий класс. Теперь революционеры-демократы искали новые пути освободительной борьбы. Как рассказывали заключенные, в нескольких городах возникли тайные революционные общества.

На каторге Берса близко сошелся со ссыльным революционером Матвеевым. Он и его товарищи научили Берсу другими глазами смотреть на события, происходящие в мире.

– Народы России столетиями слепо боролись за свою свободу, – говорил ему Николай Андреевич. – Теперь настали другие времена. Люди и народы пробудились, стали сознательнее. Теперь они начали узнавать, кто их друг и кто враг. В борьбу против угнетателей включилась новая, мощная сила – рабочий класс. Во главе освободительного движения становятся более умные, дальновидные, преданные делу революции люди. Скоро грянет буря, и она сметет самодержавие, принесет народам долгожданную свободу.

Теперь Берса чувствовал, что близка революция, о которой так мечтали он и его друзья в неволе. И он надеялся, что русская революция освободит народы России от векового гнета.

Да, Берса понимал, что освобождение его народа тесно связано со свободой других народов. Поэтому он прилагал последние усилия, чтобы поднять свой народ, внести хотя бы малейшую крупицу своего труда в общенародное освободительное движение России.

По одной из загнивших ветвей грушевого дерева забарабанил дятел. Он друг Берсы. Когда Берса только начинал приходить сюда, птица, завидев его, спешила улететь. Потом не-

много привыкла и, изредка бросая взгляд вниз, продолжала свою работу. А теперь они крепко подружились.

Чуть в стороне желтоногая и желтобрюхая пчела суетливо рылась в цветах, собирая нектар. На верхней ветке, завершив свою короткую песню, умолкла цикада. Хоть день и был жарким, задержавшийся здесь больше обычного Берса начал мерзнуть. Сначала он решил было пойти домой. Но в темной, низенькой хате было всегда так тоскливо, что дальше некуда. К тому же отсюда любо было наблюдать за долиной речки Арчи, откуда должны были показаться гости, которых он ждал.

Наконец с той стороны показались три всадника. Первого и последнего он узнал по коням, но того, что ехал на сером иноходце, видел впервые.

Когда всадники, скрывшись в овраге, вновь показались по эту сторону, одного всадника уже не было. Очевидно, его оставили на часах. Гости медленным шагом подъехали к изгороди, привязали коней, вошли во двор и, обменявшись несколькими словами с вышедшей навстречу хозяйкой, направились по склону вверх к Берсе.

За Кайсаром шел молодой человек среднего роста, плотного сложения, с румяным кругловатым лицом. Подойдя ближе, Кайсар чуть поотстал, пропуская вперед товарища.

– Ассалам алейкум, Берса!

Берса поднялся в ответ на приветствие, пожал Алибеку руку и показал на войлок, приглашая сесть:

– Садись, Алибек.

– Садись сначала ты, Берса.

– Нет, нельзя. Будем считать меня хозяином дома, а тебя – гостем. Присаживайся.

– Хоть и гость, но я же моложе тебя.

– Гость – священ, независимо от возраста.

Усевшись на войлок, они внимательно посмотрели друг на друга.

– Как давно я тебя не видел! – покачал головой Алибек. – Но как я жаждал встретиться с тобой. Слава богу, что вернули нам тебя живым! Я неоднократно собирался приехать к тебе, но все откладывал. Ну, как твое здоровье, Берса?

– Лучше. Что дома? Родители, братья живы-здоровы?

– Все благополучно, Берса.

– А ты вырос, Алибек. Кажется, будто это вчера было, когда я приезжал в Гати-юрт, а вы, подростки, все собирались у нас с Арзу и Маккалом. Как быстро летит время! И ты вырос, и я состарился.

– Двенадцать лет – немалое время, Берса. И время, и люди изменились. Из прежних друзей многих уже нет. Арзу, Маккал, Шоип, Али...

– ...и Берса, – со смехом добавил Берса.

– Как это тебя нет? Конечно, каторга и болезнь немножко замучили тебя. Рядовых бойцов у нас тысячи. И старых, и молодых. Но равных тебе в мужестве и мудрости и раньше не было, и теперь нет. Главное – ты живой и находишься среди нас. Как ты себя чувствуешь? – во второй раз спросил Алибек.

Берса провел рукой по поседевшей курчавой бородке и густым усам.

– Кажется, с каждым днем улучшается.

– В Сибири, видно, в плохое место попал?

– Да, в свинцовый рудник.

Алибек не хотел много говорить о болезни Берсы. Эти несколько вопросов он задал из вежливости.

– Да ты приляг, Берса. Сколько благородных, мужественных людей наших проглотила эта распроклятая Сибирь. Будем надеяться, что когда-нибудь освободимся от этих бед и несправедливостей.

Берса задал несколько вопросов о паломничестве Алибека в Мекку и перешел к делу, которое привело сюда гостя.

– Алибек, после возвращения из Сибири, мне чаще приходится оставаться в уединении. Когда чувствую себя немного лучше, бывает, иногда навещаюсь в ближние аулы. Тебя я не видывал, но Умма и Солтамурад говорили мне о тебе. Они решили провозгласить тебя имамом Чечни.

Алибек изумленно уставился на него:

– Как, меня имамом? Это же смех! Ведь есть много людей умнее, смелее и мужественнее меня.

Берса остановил его, подняв руку.

– Мы все дали клятву на Коране повиноваться воле совета старейшин. Но случается, что иногда и старейшины наши

ошибаются. Я это говорю не для того, чтобы унижить их, и не потому, что сомневаюсь в тебе. Готовясь к сегодняшнему дню, я отдал двадцать лет жизни и свое здоровье. А многие люди отдали и головы. Предстоящее восстание — это детище некоторых из нас. Мы готовили его долго, лелеяли, как мать своего ребенка, не спали долгими ночами, терпели голод и жажду. Теперь, когда наше дитя выросло и настало время вывести его в люди, мне хочется знать, в чьи руки мы его передаем, и ты не обижайся на это, Алибек.

— Берса, каждое твое слово мне дороже золота. Но имамом я не буду, об этом и речи не может быть. Народ должен избрать себе вождя. А Умма-хаджи и Солтамурад не только не народ, но они не представляют собой и совет старейшин.

Берса вытащил из кармана батистовый белый платок и, прикрыв им рот, откашлялся.

— Правда ли, что в Стамбуле ты имел встречи с Мусой Кундуховым, Сайдуллой Успановым и сыном Шамиля Гази-Магомой и вы приняли какое-то совместное решение?

— Нет, не правда. С ними встречались Умма-хаджи и дагестанцы. Там прекрасно знают, что мы ненавидим царскую власть, и что мы выжидаем момента, чтобы сбросить ее с себя. Позже Умма-хаджи рассказывал мне, что отношения между русскими и турками натянутые, возможно, будет война, и что турки хотят, чтобы мы, если начнется эта заваруха, ударили в спину русского царя. То же самое заявил Гази-Магома дагестанцам. Короче говоря, все это я слышал от Умма-хаджи.

Алибеку показалось, что Берса ежится, начиная мерзнуть, и он встал.

— Тебе холодно, Берса? Давай выйдем на солнышко.

— Спасибо. Что-то мне все больше тепла хочется.

Алибек отыскал на пашне удобное место и расстелил там войлок Берсы.

— Я рад, что ты не поддался на провокацию турок. Это хорошо. Но трудно другое. Предлагаемое тебе имамство. Тот, кто станет ныне во главе народа, должен быть человеком огромного мужества, мудрым, волевым, Алибек. Сейчас не времена шейха Мансура, Бейбулата и Шамиля. Тогда горские народы не были разорены, изнурены, разобщены и развращены войной. Тогда имамам не трудно было объединить и

поднять народ или народы против общего врага. А теперь? Возьмем чеченцев. Во-первых, долголетняя война унесла добрую половину мужского населения нашего народа, а самого довела до нищеты. Последние двадцать лет не только ослабили народ физически, но и разложили его нравственно. С одной стороны, царские генералы путем подкупа, угроз и обмана разобщили нас, натравили друг на друга. Таковую же политику, более жестко и коварно, проводил и Шамиль по отношению к нам. Среди нас, как саранча расплодилось подкупленные царскими властями офицеры, купцы, духовенство. Они готовы в любую минуту продать и предать не только народ, но даже своих родителей. С другой стороны, во всех уголках нашего края поставлены многочисленные войска. Теперь ты представляешь, насколько трудное и ответственное дело тебе предлагают?

— Я все понимаю, Берса, у меня не хватит ни ума, ни мужества волочить это трудное ярмо.

— Кого же нам тогда избрать?

— Не знаю. Умма-хаджи или Солтамурада.

— Их время давно прошло. Умма-хаджи — храбрый и опытный военачальник. Но после шамилевских времен утекло много воды. И время, и люди изменились. Все руководители освободительной борьбы нашего народа до сих пор провозглашали газават. Газават разобщал, разжигал вражду между народами разной веры, мешал им объединиться в борьбе против общего угнетателя — царя. Теперь надо идти другим путем.

Алибек задумался.

— В этом вопросе мы не пришли еще к единому мнению.

— И не обговаривали?

— Обговаривать-то обговаривали, но к общему согласию не пришли.

— Как же ты сам думаешь?

— Мое мнение не столь важно. Тем более, я моложе всех вождей.

— И все же?

— Свободу и землю! Я дал бы место под своим знаменем каждому человеку, кто предан делу свободы. Не взирая, мусульманин он или христианин.

- Наше духовенство не допустит этого.
- Я бы безжалостно расправлялся с ним.
- Тогда они объявят тебя врагом Аллаха.
- Пускай. Я бы своей рукой убил всякого, кто бы перешел на сторону врагов народа, будь то шейх, мулла, хаджи. Если бы это было вызвано необходимостью, я бы не оставил на чеченской земле ни одного муллу, ни одного хаджи. Без религии и духовенства народ проживет, но народ без прав и свободы – мертв.
- Если это восстание потерпит поражение, нет сомнения, что его вождей казнят всех до единого.
- Я это знаю.
- Но ты же еще молод. У тебя самая жизнерадостная пора.
- Да ты, Берса, говоришь так, словно я уже избран имамом! Все же отвечу. Разве предки наши, павшие в боях за свободу, не хотели жить? Или среди них не было молодых? Разве не любили жизнь, свои семьи, покой Маккал и другие? Разве не из-за любви к родине, народу ты постарел преждевременно? Пусть мы проиграем! Но мы и глазом не моргнем перед смертью. В детстве у нас была одна песня:

...Костры мы поставим в пещерах,  
И наших шашек концами  
Усилим огонь их, и пулями  
Пробитые башлыки  
Накинем на сыновей мы,  
Пускай они за отцами  
С князьями схватятся в битве,  
Когда умрут старики...

В день гибели своей мы тоже оставим завещание детям:  
«Свобода или смерть».

Час назад Алибек предстал перед Берсой спокойным, смирным – ни дать, ни взять – святой. На округлом лице, обрамленном красиво подправленной бородкой, играл яркий румянец. Умные черные глаза, красивые губы из-под черных густых усов добродушно улыбались собеседнику. Так, с первого взгляда, глядя на Алибека, никто не подумал бы, что это лучший наездник во всей Ичкерии.

Теперь Берса видел перед собой совершенно другого человека: гордо наклоненная набок круглая, красивая голова, между переносицами черных бровей собрались суровые складки, а глаза сверкают смелостью и отвагой.

— Прежде чем поднять народ на борьбу, мы должны иметь четкие и ясные цели, Алибек. Ты говоришь, что народ готов подняться против царской власти, но руководители не избрали путь, по которому они поведут народ.

— И то правда, — согласился Алибек. — Без цели и из дому человек не выходит. Короче, народу нужны свобода и земля. Вот моя цель.

— Пока существует царская власть, не будет ни того, ни другого, — на бескровных губах Берсы появилась печальная улыбка. — Осуществится ли то, о чем мы мечтаем, Алибек? — Он стряхнул рукой с черкески приставшие соринки. — То, чем мы грезили, ушло безвозвратно. Во-первых, нам не высвободиться из-под власти царя. Даже в десять раз многочисленнее, сильнее и разумнее нас народы, у которых имеются крупные связи с другими государствами, даже такие народы задыхаются под гнетом царя. Они восстают, а царские войска топят их в собственной крови, усмиряя тем самым. А наш народ не только малочисленный, да еще темный и отсталый. В том и другом — наше бессилие.

— Выходит, наши предки напрасно проливали свою кровь, и мы должны смиренно терпеть царский гнет?

— Нет, я этого не говорю, — покачал головой Берса. — Мы должны бороться за свои права. Биться не на жизнь, а на смерть за наши человеческие права. Это — наша первая и главная жизненная цель. А полную свободу, о которой ты мечтаешь, своими силами нашему народу никогда не обрести, Алибек. Для этого надо подняться всем народам.

Алибек обхватил руками свои колени и надолго задумался.

— И об этом я много размышлял, — выговорил он наконец. — Я же не забыл то, что вы с Маккалом говорили пятнадцать лет назад, поэтому я и хочу призвать под наше знамя все народы, проживающие в этом крае, не деля их на мусульман и христиан. Всех, кому дорога свобода. С абхазами, сванами и тушинцами мы уже договорились. Хотя русских мужиков



мало в нашем крае, я надеюсь, что и они поддержат нас. Я хочу одного: чтобы царь отобрал земли, раздаренные им казакам, князьям соседних народов, чеченским офицерам, торговцам и муллам, по справедливости перераспределил их между населением этого края, поровну и мусульманам, и христианам. А земель-то хватит для всех. Да еще останутся излишки.

Они оба не заметили, как дневная жара начала сменяться вечерней прохладой. Когда солнце село за горизонт, подул прохладный ветер. Дальнейшее пребывание здесь могло обернуться опасностью для здоровья Берсы. Хозяйка несколько раз окликнула их, зовя к ужину. Кайсар, который оставил их вдвоем, бродил вокруг лошадей, скучая от безделья.

— А теперь зайдем в дом, Алибек. Я не переносу прохладу. Когда мы еще увидимся и увидимся ли вообще, не знаю. Поэтому хочу поделиться с тобой своими заветными мечтами. По твоим словам и рассказам других людей, восстание близко. В сложившихся обстоятельствах его не миновать. Народ наш находится под гнетом, как ты сказал, под самым жестоким гнетом. Попасть в рабство — это еще не позор для человека, но смириться с рабством — вот позор. Мы ни на один день, ни на один час не покорились угнетателям. Вся сознательная жизнь нашего народа посвящена борьбе за свободу и достоинство, за человеческие права. Это — характер мужественного человека, мужественного народа. Настал самый удобный момент для восстания, Алибек. Внешние и внутренние дела царя неважны. Обострились противоречия с самыми сильными западными державами. И внутри страны то тут, то там вспыхивает пламя борьбы против угнетателей. Не будем говорить о других народностях, самим русским надоел этот тяжелый гнет царской власти. Слабые, мы долго боролись с сильными царями. Нас бивали каждый раз, теперь мы бессильны. Нам никогда не победить своими силами. Один слабый не побеждает сильного, но когда объединяется много слабых, они превращаются в грозную силу. Народы выступают обособленно, потому их бьют каждого в отдельности. Надо подняться всем вместе, одновременно, вот тогда мы завоюем свободу. Надо готовиться к этой схватке.

— Но ведь мы давно готовы. Ждем только остальных.

— Я же сказал тебе, что теперь в нашей борьбе мы не одиноки. Выступают против власти русские рабочие и крестьяне, другие угнетенные народы. Твоя мысль о совместном выступлении всех угнетенных народов края: мусульман и христиан — это замечательная мысль. Но позволит ли тебе духовенство осуществить эту мечту? Все наши надежды на молодое поколение. По-моему, основной и решающей силой нынешнего восстания будут молодые. Поэтому во главе его должен стать молодой, умный, образованный, отважный вождь. Ему придется вести войну не только с царскими войсками, но и с темным, невежественным духовенством, которое всецело продано властям. Все это в тебе есть, Алибек. И ум, и смелость, и блестящее духовное образование, и главное — светлые думы и мечты. Если восстанет народ и аульские старейшины предложат тебе имамство, согласишься. Ради народа, ради его свободы.

Алибек глубоко вздохнул.

— А справлюсь ли, Берса? Чтобы нести это тяжелое бремя, нужен человек известный и уважаемый во всем крае.

— Великие люди познаются в народном бедствии.

Когда они входили во двор, вышедший им навстречу Булат обнялся с Берсой.

— Когда ты в последний раз был в Шали? — спросил Берса.

— В прошлую пятницу.

— Что нового? Как там наши?

— Живы, здоровы. Ты как себя чувствуешь?

— Отлично! Ну, зайдем, отведаем, что Бог нам послал.

...Берса проводил гостей, когда начинали сгущаться сумерки.

— Ну, Алибек, теперь я остаюсь спокоен. Теперь я уверен в том, что начатое нами благородное дело перешло в надежные руки. Теперь можно и умереть спокойно. Да дарует тебе Аллах долгие годы жизни. Да сопутствует удача тебе и всем нам! Ну, езжайте. Спасибо за уважение, проявленное ко мне.

Обнявшись на прощанье с Берсой, пожелав вышедшей вслед старушке всего доброго и взяв коней под уздцы, они спустились в долину Мичика.

## ГЛАВА III

### НА РАСПУТЬЕ

Вольность не дается даром, —  
Чтоб владеть таким товаром,  
Кровью платят, не деньгами...  
Шей, жена, скорее знамя!

*Ш. Петефи. Знамя*

#### 1

На восточной границе Ичкерии, у подножия горы Ишхой-Лам, укрытый лесом, расположился маленький аул зандакского тейпы Симсир.

Основатель Симсира прадед Алибека Арзу, выбрал очень удобное место. Со склона Ишхой-Лам вытекают две бурные, черно-светлые речки Большой и Малый Ярыксу. Чуть ниже они сливаются в одно русло, образуя широкую рогатину. Между речками, над высокими обрывами имеется небольшое плато, на котором и расположен аул Симсир. К востоку над аулом возвышается голая, покрытая сверкающим снегом гора Ишхой-Лам, к вершине которой нет даже тропки. С юга над аулом нависает Дюйр-Корт. Остальные стороны аула окаймлены двумя сливающимися речками. Хотя обе речки обычные и мелководны, но стоит в горах пролиться дождю, как они превращаются в бурные разливающиеся потоки. Кроме узкой тропы, проложенной через изрытый рекой высокий обрыв, другой дороги, ведущей в Симсир, нет.

Отсюда виден расположенный у противоположного хребта аул Зандак — центр зандакского тейпа. Выше, к югу, нахо-

дится Чечелхи, а еще дальше – Датгах и Зандак-Ара. К северу, ниже Зандака, приютился аул Гиляни, а за ним – ауховские аулы Кешень-Аух и Гачалки. Каких-то полтора десятка лет назад было трудно добираться до этих аулов, особенно на арбах. Но теперь их соединяют проселочные дороги, проложенные властями: от крепости Кешень-Аух до Зандака и дальше до Датгаха. Такую же дорогу проложили вверх по-над Ямансу мимо Ножай-юрта к беноевским, гордалинским и центороевским аулам. Дороги эти, как и другие дороги в Чечне, власти провели довольно легко. Ежедневно, зимой ли, летом ли, тысячи людей, отрываясь от личных хозяйственных дел, были вынуждены работать от зари до зари со своими арбами и тягловым скотом. И труд этот не оплачивался. Делалось это не ради благоустройства края, а для того, чтобы постоянно держать в поле зрения непокорные аулы и чтобы в случае смуты можно было быстро перебросить войско в нужный пункт.

Стоя у окошка своего медресе и заложив руки за спину, Алибек смотрит на противоположный хребет. Он не слышит шум, поднятый муталимами<sup>1</sup>, зубрящими арабские тексты из жейны<sup>2</sup>. День за днем Алибек перелистывает страницы последних лет. Надолго останавливается он на последнем годе многолетней войны.

Долго после этого стлался над отрогами гор сизый дым. В воздухе веяло гарью. Черный траур поселился в каждой семье. Казалось, что на месте этих обугленных стен и развалин никогда больше не оживут аулы, никогда на месте обогривших голых стволов, оставшихся от деревьев, не вырастут сады, никогда в истерзанной Чечне не раздастся звонкий смех, не зазвучат песни...

Но время оказалось благотворным лекарем. Оно постепенно залечило жестокие раны, оставляя, правда, страшные рубцы, оставляя под ними в каждом сердце неутихающую боль поражения. Да и не дают зарубцеваться этим ранам – из года в год их бередит царская власть своей жестокостью и несправедливостью.

<sup>1</sup> Муталимы – учащиеся медресе.

<sup>2</sup> Жейна – учебник богословия.

Царь-то есть царь. Он-то радеет за свою власть. И генералы, да прочее начальство исполняют свой долг перед царем. Но почему чеченские офицеры, купцы и духовенство продались им и помогают душить свой народ? Алибек хорошо знает их – Орца, Чомак, Хота, Кужу, Шахбулат и подобные им прочие шакалы.

Да придет тот день! Тогда Алибек спросит с них за все, отомстит за все.

Вдруг, словно после внезапного пробуждения ото сна, он слышит разноголосый хор муталимов, которые зубрят жейну:

– «Хаза» – это, китабун – жейна, мухтассирун – сокращенная, ал пикху – из праведных...» «из праведных... из праведных...»

Снова и снова слышит он эти слова. Что в том праведного? Сперва, когда начинаешь читать, веришь всему. Жадно стремишься вперед, надеясь найти истину в глубинах науки. Пятнадцать лет трудился Алибек в поисках этой заветной истины. Постиг познания самых образованных мулл Ичкерии. Затем он пригласил к себе в учителя одного из учнейших мулл Дагестана. Уверовав в свою религиозную ученость, вместе с отцом и братьями предпринял хадж в Мекку, к святой Каабе. Из всех наук, почерпнутых им в течение пятнадцати лет усиленной учебы, в чужих краях ему пригодилась лишь одна: знание арабского языка. Все остальное оказалось напрасным трудом. Он увидел главные исламские города: Истамул<sup>1</sup>, Мекку и Медину. Чеченцы считают святым каждого араба и турка. Алибек и сам считал. Но как он разочаровался потом в своих оказавшихся напрасными пятнадцатилетних изысканиях! Кому в тех краях нужны были Бог да религия? Только богатым да власть имущим. Чтобы угнетать бедных, держать их в невежестве.

Светским владыкам дозволено все. Народу проповедуют добродетель, а сами делают то, что им выгодно.

«Хаза» – это, китабун – жейна...»

«Зачем нашему народу эти жейны? – говорили Маккала и Берса. – Ведь мифы из этих жейнов держат его во мраке».

<sup>1</sup> Истамул – Стамбул.

– «Мухтассирун – сокращенная, алпикху – из праведных...»

«Но лучше уж научиться арабской письменности, чем не знать ни одной. Пусть от этого учение не прибавится, зато люди будут уметь хоть писать друг другу письма, записывать свои мысли и думы», – размышлял Алибек.

Муталимы охрипли, заучивая наизусть одни и те же арабские тексты с переводом на чеченский язык. Взгляды всех то и дело обращаются к окну. Но Алибек не оглядывается на них. Он занят своими думами.

«А если убрать эти медресе и учить наших детей русской грамоте, русским наукам? – Алибек печально улыбнулся. – Но разве власти допустят этого? В Солжа-Кале <sup>1</sup> открыли русский медресе, чтобы обучать ровно столько людей, сколько необходимо для управления нами, чтобы сделать их своей опорой на нашей земле. Для детей Орцы, Дубы, Девлат-Мирзы, Косума. А вот таких, что здесь сидят, и близко не допустят».

Алибек вспомнил, как пятнадцать лет назад несколько чеченских улемов с помощью одного русского генерала в Солжа-Кале открыли медресе для обучения детей чеченских бедняков на их родном языке. Его закрыли через две недели. А другое медресе, открытое властями, работает и по сей день. Тот, в котором учатся дети чеченских офицеров, купцов и духовенства.

«Да, надо в конце концов менять положение в Чечне. У всех, кто живет в нашем крае, должны быть одинаковые права. У мусульман и христиан. Равные земли и равные права. Только борьба даст нам и то и другое. Если власти не захотят решить этот вопрос миром – тогда война...».

Алибек открыл в Симсире этот медресе до своего паломничества в Мекку, чтобы учить здешних детей читать и писать. Желających учиться у муллы Алибека, прославившегося в этих местах не только своими знаниями, но и благородством и мужеством, нашлось много. Алибек обучал детей бесплатно. Правда, они обязаны были обеспечивать медресе топливом, содержать помещения в чистоте и приносить себе

<sup>1</sup> С о л ж а - К а л а – буквально: город на Сунже, Грозный.

еду. Кроме того, дополнительно к занятиям по богословию, один день недели Алибек уделял обучению детей верховой езде, борьбе, стрельбе, умению лазить по скалам гор и ориентироваться в лесных чащобах.

Алибека никогда не снедали болезни и недуги. Но сегодня он чувствовал приступы боли в голове и жар. И тело как-то обмякло. «Прилечь-то, – думал он, – вряд ли удастся, хотя бы голову ополоснуть холодной водой. Может, полегчает?»

– Дети, на сегодня, наверное, хватит, – отпустил он муталимов.

## 2

Алибек мечтал дать чеченским детям светские знания, сделать их такими же умными, образованными, как Берса. Но кто их будет учить? Чтобы обучать их, нужны такие люди, как Берса. А таких во всей Чечне раз-два и обчелся. В конце концов Алибек решил посвятить муталимов во все, что он знает сам о родном народе и других народах. Иногда он приглашал в медресе илланчей<sup>1</sup> из соседних аулов и людей, побывавших в Сибири, чтобы они рассказали детям об услышанном и увиденном. Однажды он привел и Васала из Гатияюрта, очеченившегося беглого русского солдата.

Поэтому муталимы нисколько не удивились, когда их мулла сегодня вошел в медресе с дечиг-пондуром<sup>2</sup>, ведя под руку слепого илланча Хамзата.

– Ассаламу алейкум! – приветствовал детей Хамзат, уставив на них свои потухшие глаза.

Марван, старший из ребят, ответил на приветствие.

В такие дни и манера разговора, и осанка, и одежда у муллы бывали особенными, торжественными. Сегодня на нем была черная суконная черкеска с серебряными газырями, подпоясанная наборным ремнем, серебряным кинжалом; на голове его красовалась высокая папаха из коричневого, с золотистым оттенком каракуля. Когда он, окинув детей муже-

<sup>1</sup> И л л а н ч а – сказитель.

<sup>2</sup> Д е ч и г - п о н д у р – чеченский трехструнный музыкальный инструмент.

ственным взглядом черных глаз, как обычно, улыбнулся, на его округлых щеках обозначились ямочки.

– Все пришли сегодня?

– Все, – ответил Марван.

– Тогда я начну с того места, на котором мы остановились в прошлую неделю...

Дети слушали, затаив дыхание, стараясь не упустить ни единого слова. Печальный, но героический рассказ Алибека увел их в далекие времена, развернул перед ними картины бедствий горцев, которые обрушивали на них иноземные захватчики, соседние феодалы, царское самодержавие...

Даже дятел, все время долбивший за окном ореховое дерево, казалось, заслушался, прекратив свою работу.

– ...Наш народ не хотел мириться с жестокостью, несправедливостью и поднялся на борьбу за свою свободу, – рассказывал Алибек. – Во главе его стал Ушурма из Алдов. Народ прозвал его шейхом Мансуром. На самом деле он не был не только шейхом или муллой, но не знал даже той грамоты, которую знаете вы. Но за ним пошел не только наш народ, под его знамя встали все горские народы, жившие меж двух морей, угнетаемые царем и своими князьями. Шесть лет сражались горцы с царскими войсками. Разбитый в Чечне, он продолжал борьбу в Кабарде; проиграв сражение там, ушел на черкесскую землю; потерпев неудачу там, вновь возвращался на родину. В стране эдигов <sup>1</sup> царские генералы захватили его в плен и повезли в Россию, там он пропал без вести...

Вдохновенный голос Алибека вдруг задрожал, ослаб и затих. Дятел, который умолк было за окном, словно заслушавшись, возобновил свой труд. В наступившей тишине отчетливо слышно было отбиваемое его клювом «тик-так, тик-так». Дети, сидевшие на полу по-восточному, старались незаметно распрямить отекавшие ноги.

– Можно спросить, мулла? – зашевелился сидевший впереди Марван. – Ты сказал, что этот шейх Мансур не был ни шейхом, ни муллой. Как же он тогда стал бячкой <sup>2</sup>?

<sup>1</sup> Э д и г и – адыгейцы.

<sup>2</sup> Б я ч ч и – вождь, предводитель.



– Чтобы стать вождем, необязательно быть муллой или шейхом, Марван, – улыбнулся Алибек. – По правде говоря, эти муллы сами большей частью – трусы. Сказывают, что Мансур был очень смелым, мужественным и красивым человеком. А кто бывает смелым, благородным, решительным? Тот, кто любит свою родину, свой народ, свободу. Шейх Мансур любил эти горы, наш народ, свободу. За них он боролся, за них он отдал свою жизнь. Таких вождей немало выдвинул наш народ. Имена одних остались в сердце народа, их подвиги воспевают в песнях. Но тысячи других борцов за свободу, достойные памяти народа, позабыты нами...

Приоткрыв дверь и осторожно заглянув, один из младших братьев Султи знаками позвал Алибека.

– Дада велел тебе прийти домой.

– Зачем?

– К нам Солтамурад пришел.

Алибек повернулся к детям.

– Побудьте немного на воздухе. Когда зайдете, Хамзат споет вам илли<sup>1</sup>.

При последней встрече в Беное с Алибеком Солтамурад обязался собрать главных единомышленников, поделиться с ними своими соображениями и сообщить Алибеку решение. Но Алибек никак не думал, что к нему приедет знаменитый Солтамурад, который старше него на пятьдесят лет. Поэтому Алибек был немало удивлен его внезапным приездом.

Во дворе у коновязи стояли три иноходца под великолепными седлами. Тут же хлопотал младший брат Алибека, пятнадцатилетний Зелимхан, закладывая лошадям корм из душистого сена. Огромный мохнатый пес с обрезанными хвостом и ушами, увидев Алибека, бросился к нему и, разинув пасть и свесив длинный красный язык, ласкаясь, весело прыгая, завертелся вокруг него.

С круглым деревянным корытом для теста и ситом в руках от амбара к дому шла жена Ала-Магомеда. Остальные снохи тоже суетились, готовя гостям пищу.

В отцовском доме, в кунацкой для гостей, Алибек застал удобно рассевшегося на почетном месте Солтамурада и си-

<sup>1</sup> Илли – сказание, былина, баллада, героическая песня.

дящего ближе к окну Олдама. Возле двери стояли Нурхаджи и Косум из Чечелхи. Поздоровавшись с гостями за руку и справившись о житье-бытье, Алибек встал у двери.

– Садись, Алибек-хаджи, – сказал Солтамурад, – спасибо за уважение к старшим. У нас слишком долгий разговор, чтобы слушать и говорить стоя.

Все трое пододвинули под себя маленькие табуретки на четырех ножках и скромно присели. Солтамурад слегка закашлял, потом на минуту задумался, приглаживая рукой седые усы и бороду.

– После нашей встречи в Беное я пригласил к себе нескольких человек, – начал он, – Сулеймана из Центороя, Тозурка из Турты-хутора, Губаха – из Гуни, Янгулби – из Акташ-Ауха, Лорса-хаджи – из Тевзени. После них приехал из Зумсы Залмаев Дада, от Умма-хаджи. Короче говоря, мне довелось говорить со всеми нашими единомышленниками, либо с ними самими непосредственно, либо через их представителей.

За эти последние двенадцать лет Солтамурад изменился не очень. Хоть и шагнул он за седьмой десяток лет, все зубы были целыми. И сам оставался стройным, как тополь. Взгляд такой же острый, смелый. Одна лишь седина внесла в его черты перемены. Видимо, он поседел из-за своих вечных бунтарских мыслей. Когда-то он был одним из младших шамилевских наибов, а во время восстания под руководством Бойсангура, был его первым помощником. Став одним из активных предводителей борьбы против царской власти в Ичкерии, он все же умудрялся не попадать в руки царских властей. И в день пленения Бойсангура тоже ему повезло: он пробился сквозь окружение и скрылся вместе с братом Муной. Бойсангура повесили, Умму и Атаби сослали в ссылку, а поймать Солтамурада так и не удалось.

С той поры и днем, и ночью, беспрерывно, он был занят заботами подготовки нового восстания, скитался, бывал во всех горных аулах ради этой своей заветной цели. Он разоблачал жестокость и несправедливость царских властей, призывал народ к борьбе, во всех концах Чечни готовил своих единомышленников к сегодняшнему дню. Сам он не преследовал корыстных целей, не стремился стать вождем народного движения. Он даже откровенно признавался, что для

такого сложного и трудного дела у него не хватает ни ума, ни знаний. Но в нем клокотали чрезмерная храбрость и отвага, непримиримый дух к угнетателям.

– Что вы решили? – спросил Алибек, когда пауза стала затягиваться.

– Начать восстание, когда леса покроются листвой. Берса тоже одобряет это.

– Ты видел Берсу?

– Я ездил к нему.

– Как он себя чувствует?

– Так, по-прежнему мучается.

– А кто это Берса? – спросил Олдам.

– Помнишь того сорокалетнего мужчину, который говорил особенно горячо, когда двенадцать лет назад мы собрались у меня в Беное? Друга Арзу и Маккала?

– Ах, да-да! Бывшего царского офицера?

– Тот самый.

– Но ведь он был так молод!

– У него болезнь легких, – с грустью произнес Алибек. –

Но какой он человек, дада! Лучшего ни одна мать отцу не рожала. Настоящий сын своего народа! Ради народа и ради свободы отказался от отца родного, от благополучия и от счастья. Захоти он, мог бы стать генералом как Орцу. И у него были все возможности для этого. Учился на офицера в Петербурге. Владел военной наукой. И отец – богатый купец. Но он оказался на распутье: или последовать примеру других богачей наших и стать царским лакеем, угнетать свой обездоленный народ, или перейти на сторону народа, испить вместе с ним его горькую чашу. Он избрал второй путь и ему посвятил всю свою жизнь. Теперь у него нет ни дома, ни семьи, ни близких родственников по отцу. Больше того, тяжелая болезнь приковала его к постели.

– А где он сейчас?

– У своего дяди по матери живет.

– Но почему же ты его не привезешь к нам сюда, раз он теперь одинок?

– Я просил его об этом, но он не согласился. Говорит, что высокогорный климат вреден ему... Значит, если вы пришли

к общему согласию, Солтамурад, я присоединяюсь к вашему решению.

– Но Умма-хаджи не согласен так спешно начинать восстание. Он требует, чтобы мы согласовали эти вопросы с дагестанцами и установили единое время для общего восстания.

– Но мы с прошлого года твердим, что они с нами заодно?!

– К сожалению, между нами возникли серьезные расхождения.

– Почему?

– Дагестанские вожди решили отложить восстание, пока не получат сигнал от Гази-Магома из Хонкара<sup>1</sup>, а Умма-хаджи заодно с ними.

Алибек возмутился.

– Значит, они считают нас дураками! Хотят подчинить нас прихотям турок! Помышляют прогнать отсюда русских, привести турок, сделать Гази-Магому имамом Чечни и Дагестана, посадить Успана Сайдуллаева на шею чеченцев, Мусу Кундухова – на шею осетин. Значит, не без основания молва народная о том, что Гази-Магома, который находится на подачках султана, считает себя нашим имамом. Нет, Солтамурад, ради турок и этих султанских лакеев-горцев я не двинусь с места даже ни на один шаг. И если это зависит от моей воли – то и ни один чеченец. Мы поднимаемся за свободу нашего народа, а не для того, чтобы удовлетворить прихоти турок и их горских лакеев.

– Выходит, мы восстанем без дагестанцев?

– Мы не одни. Говорят, в России большая смута. Берса говорит, что русские и другие народности поднимаются против власти. Видимо, внешние дела царя тоже плохи. Мне кажется, настало самое удобное время. Недаром говорят, что кабан, собиравшийся приладить свой хвост завтра, остался вовсе без хвоста. То, что не делается своевременно, кончается плохо. Наши цели расходятся с планами дагестанских предводителей, зато с нами – народные массы Дагестана. Салатавцы и андийцы готовы последовать за нами даже сегодня.

---

<sup>1</sup> Хонка р – так чеченцы называют Турцию.

На сванов и тушинцев мы также можем положиться. И абхазцы ждут нашего решения.

– Неизвестно, сдержат ли они свое слово.

– Что ж, поднимемся мы сами, – отрезал Алибек. – Хватит терпеть. Нет сил больше ждать.

Алимхан поставил перед ними круглый низкий стол с курузными галушками, вареным вяленным мясом и колбасой, от которых поднимался густой пар.

Двое из самых активных организаторов восстания – Косум Бортигов и Нурхаджи Махтиев – сверстники Алибека. Правда, Косум на три-четыре года старше его. Все трое остались на местах, считая неприличным садиться за трапезу со старшими.

– А ну, придвигайтесь! – пригласил их Солтамурад. – Поешьте со стариками.

– Мы попозже покушаем, – запротестовал Косум.

– Оставь разговоры. Уважение к старшим вы сможете проявить в другом месте. У нас еще много дел, которые нам надо обговорить. Ну-ка, не мешкайте.

Немного поскромничав, молодые люди придвинулись к столу.

– В ночь под следующую пятницу мы решили собрать сход предводителей, – произнес Солтамурад. – Ты не возражаешь, Алибек?

– Разве могу я возражать? Где мы соберемся?

– На хребте Терга-Дук. Между Саясаном и Беноем.

– Что говорят плоскостные аулы? – спросил Косум.

– Говорят, что готовы, – ответил Алибек.

– А имама вы наметили? – вмешался в их разговор Олдам.

Солтамурад не ответил. Он вернулся к этому вопросу после того, как все поели и воздали хвалу Аллаху.

– Мы все, Олдам-хаджи, остановили свой выбор на Алибек-хаджи.

Олдам от изумления раскрыл рот, да так и застыл.

– Ты это серьезно? – наконец проговорил он.

– Конечно.

Олдам покрутил головой и укоризненно рассмеялся.

– Скажи на милость, Солтамурад, а я думал, что вы, организаторы столь важного дела, – люди умные... Оказывается, я был очень далек от истины.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну разве можно такое ответственное дело отдавать в руки юнца, у которого еще молоко на губах не высохло?

– Алибек-хаджи ведь не юнец. Сколько ему лет?

– Двадцать шесть.

– Достаточно. Ему двадцать шесть лет, он один из самых образованных улемов всей Чечни, да еще и хаджи.

– Важно не учение, а сам человек. Его ум, опыт, мужество.

– Ума и мужества у него хватит для всех. Да еще останутся излишки.

– Не говори этого, Солтамурад, даже в шутку, – покачал головой Олдам. – Если хочешь услышать правду, этот мальчишка полез в это дело против нашей воли. Я, мои сыновья и вся родня готовы отдать свои жизни за дело народа, за его свободу. Но чтоб этого мальчишку избрали имамом – об этом и речи не может быть. Имам должен быть мудрым, опытным, мужественным, уважаемым всеми. Во главе восстания должен стать или ты, или Умма-хаджи.

Солтамурад вынул из маленького нагрудного кармана бешмета серебряные часы, нажал на кнопку большой палец, откинул крышку и посмотрел на время.

– Послушай теперь меня, Олдам-хаджи, – сказал он, опуская часы обратно в карман. – Не я назвал первым имя твоего сына. Когда у нас зашел между собой разговор, все, будто сговорились, назвали имя Алибека-хаджи. А мы с Умма-хаджи уже стары. Нам за семьдесят перевалило. Мы свое уже и отжили, и отвоевали. Теперь черед за молодыми, Олдам-хаджи. Пусть они продолжают дело свободы.

– Нет, Солтамурад, сами вы сварили похлебку, сами хлебайте ее.

– Не бойся, мы свою долю не дадим съесть другим, если даже это будет яд.

– Ну ешьте на здоровье, но не вешайте это имамство на шею мальчишки. Вам легко вытолкнуть этого глупца вперед и в случае чего уйти в кусты.

– А мы никогда не убежали, Олдам-хаджи, впредь тоже не собираемся убегать, – седые кустистые брови Солтамурада нахмурились. – Если ты имеешь в виду то, что в день плене-

ния Бойсангура я спасся бегством, знай, что я бежал не из трусости, а чтобы не попасть в руки врага, не умереть понапрасну. Я пробился и спасся, чтобы продолжить борьбу за свободу и погибнуть в бою с оружием в руках.

— Прекратите спор, — вмешался Алибек. — Имамом будет только тот, кого изберет народ. Ты тоже неправ, дада. Не всегда же будет так: твоим сыновьям молоко, а другим — кровь. Кроме того, я никого из вас не прошу следовать за собой. За Ала-Магомедом, Алимханом и Арапханом тоже я оставляю право решать самим, как им быть. Хотят — пусть идут со мной, не хотят — пусть остаются дома. Я же выполню свою клятву бороться до последнего вздоха за свободу. Это мое последнее слово.

Твердое слово Алибека положило конец спорам. В комнате воцарилась тишина. Ала-Магомед, молчавший до сих пор, не желая лезть вперед отца, засуетился, собираясь что-то сказать.

— Мы не разлучимся при любых обстоятельствах, Алибек, — сказал он. — Выбери путь, который подсказывает тебе твоя совесть. А мы, братья, последуем за тобой.

— Если вы идете за мной как братья, не одобряя избранный мною путь, этого не следует делать, — грубо ответил Алибек. — Мне нужны братья по духу. Каждый должен последовать зову сердца и отвечать за свою голову. Я не знаю, чем кончится наше дело. В случае поражения нас ждет суровая расплата. Хотя вы никогда этого не скажете вслух, но завтра в душе у вас может зародиться укор, что я явился причиной вашего несчастья. Каждый из вас сам должен решить, как ему быть. Ладно, с этим все. Ну, а о ваших замыслах, Солтамурад, я уже слышал от Берсы. Над этим я долго раздумывал. Правда, не поделился своими мыслями с отцом и братьями. Если внять моему голосу, то во главе восстания должны стоять известные в крае и за его пределами, умные, опытные и мужественные люди. Я лично против вашего решения. Но готов отдать жизнь за наше общее дело.

Солтамурад, который слушал его, облокотившись на подушку, сел.

— Я высказал тебе волю нескольких предводителей, Алибек-хаджи. И ты имеешь право отказаться. А если народ предложит тебе имамство?

Алибек задумался.

– Я не имею права идти против воли народа. Все же мне хочется заранее в присутствии Косума и Нурхаджи поставить одно условие. Если вы, старшие, думаете использовать меня как свое орудие и за моей спиной самовольничать, тогда забудьте мое имя. Руководитель восстания, кто бы он ни был, должен быть облечен единовластием. Я это говорю потому, что цели и взгляды многих старейшин, вернее, стариков, если не в корне, то во многом расходятся. Если вы примете наши условия, тогда я подчинюсь воле старейшин.

Солтамурад растерялся.

– Что тебе не нравится?

– Вы же знаете. Во-первых, я против газавата, на который толкают нас Юсуп-хаджи, Хуси-хаджи и некоторые другие. Цель моих единомышленников – земля и свобода. Вернее, добиваться уравниения нас землей и правами с казачьим населением края. Всякий, кто борется за это, – будь он мусульманин или христианин, он мой друг и единомышленник, а кто против этого – он мой враг. Во-вторых, от меня не будет пощады никому, кто выступит явно или тайно против нашего общего дела, – пусть это будет хаджи, мулла, отец мой или брат. Этого же я потребую и от вас всех. В-третьих, мне не нравится поведение Умма-хаджи. Безусловно, нам нужна поддержка и извне. Говорят, утопающий ухватился даже за змею. Но с кем бы мы ни заключили союз, я не допущу, чтобы продавали и предавали честь, свободу моего народа. И последнее, если вы имамство доверите мне, я буду советоваться с вами, но буду поступать справедливо. Вернувшись к тем, кто послал тебя, передай им наш разговор, и если они не согласны с моими требованиями, забудьте мое имя.

Убедившись в том, что разговоры на этом окончены, Солтамурад скользнул к краю тахты и, положив на колени огромные волосистые руки, глянул на свою обувь, поставленную возле двери.

– Хорошо, Алибек-хаджи. Некоторые твои мысли я одобряю. Не все будет и по-твоему, и не всему быть тому, о чем думаем мы, старшие. Постараемся найти какую-то середину.

– Нет, Солтамурад, середине не быть, – поднялся Алибек. – Не трудитесь зря в поисках каких-то обоюдных выгод-



ных путей. Если ты считаешь, что вы с Умма-хаджи уже стары, и дело надо передать в руки молодых, тогда подчиняйтесь нам.

– Ну а кто твои единомышленники?

– Со мной Рохмадов Берса, Яхсиев Ханбетир, Пиркиев Янгулби, Гериев Арсахаджи, Ших-Алиев, Ших-Мирза, Залмаев Дада, Ишиев Буга, Апаев Мита, вот этот Косум, Нурхаджи и многие другие.

Солтамурад натянул придвинутую к нему обувь и тяжело поднялся.

– Хорошо, Алибек-хаджи. Что касается меня, то я готов поддержать тебя, но за Умма-хаджи и остальных пока не могу поручиться.

Отправив гостей, Олдам, Ала-Магомед, Алимхан и Арапхан вернулись в дом. Олдам не стал садиться. Долго стоял он, уставившись в пол, погрузившись в раздумья. Потом подошел к сыну и внимательно посмотрел ему в глаза.

«Не хватайся за бороду отца, но, ухватившись, не отпусти ее», – говорится в пословице, – он положил руку на плечо сына. – Иди по избранной дороге. Да поможет тебе, твоим товарищам, всем нам всемогущий Аллах...

## ГЛАВА IV

---

### *ЛЮДИ И ХАРАКТЕРЫ*

Если ты человек, то не называй человеком того, кто не заботится о судьбе своего народа.

*А. Навои*

#### 1

Рассыльный аульского старшины хромой Даси приковылял к двору Кайсара и остановился возле изгороди.

Даси слыл в ауле тихим, добрым человеком, но с самого детства не мог устроить свою жизнь и жил в крайней нужде. В шамилевское время он был подростком, чтобы участвовать в войне, но последовав за Бойсангуром, как по божьему наказанию, в первом же сражении получил тяжелое пулевое ранение и был доставлен домой с изувеченной тазовой костью. И без того не отличавшемся особой привлекательностью в глазах девушек, Даси долго пришлось влачить холостяцкую жизнь. Она длилась бы еще дольше, если бы Ахмед Акбулатов, принимающий участие в радостях и горестях людей, не вмешался в его судьбу и не сосватал за него Васалову дочь Хозу.

Счастье, говорят, ходит за счастливым, но и несчастье следует за несчастным по пятам. Бедность из отчего дома Хозы последовала за ней и присовокупилась к бедности Даси. Безземельный Даси облюбовал солнечный склон, очистил его от боярышника и построил там времянку. Почти каждый год у них рождался ребенок, но все, кроме последнего, были де-

вочки. С помощью тестя Васала и его друзей он заседал с горем свой скудный надел, но урожая, снятого с него, не хватало даже на зиму. За работу рассыльного старшины ему попадали гроши на соль и керосин, и Даси, довольствуясь этим, ковылял по аулу, влача свою искалеченную ногу.

Хоть и был Даси безобидным человеком, но никому не нравилось, когда он направлялся к его дому.

Кайсар, только что вернувшийся с поля, распряг арбу и собирался гнать быков на водопой. Облокотившись на плетеную изгородь, Даси поздоровался с хозяином.

– Ва алейкум салам! Заходи, Даси, – подошел к нему Кайсар. – Как дела? Как там Хозу и детишки?

– Баркалла, все живы-здоровы.

– Так что же, ты по своему делу пришел или юртда прислал?

– Юртда.

– Что нужно от меня этой харе?

– Чтобы ты пришел в канцелярию как можно быстрее.

Велев жене Макке сводить быков на водопой, Кайсар прямо в своей рабочей одежде направился к центру аула.

Канцелярия аульского старшины находилась в доме Шахби. Не прошло и месяца после того, как хозяин дома отправился в Турцию, а Хорта превратил его жилье в собственность местной власти. После Хортиного дома это было лучшее в ауле строение, крытое русской черепицей, с двустворчатыми дверями, застекленными окнами, с деревянным полом и потолком. И все же за деньги, которые Хорта собрал с людей, якобы для покупки в интересах аула этого дома, можно было бы купить по крайней мере два таких дома. Люди, конечно, знали, что старшина их надувает. Но Хорта клятвенно уверял их, что он выложил такую сумму Шахби из своего кармана.

Во дворе канцелярии Кайсар застал несколько человек и милиционера Чонака, расхаживающего на крыльце. Чонака работал милиционером в Зандаке, но наведавшись в аул, обязательно посещал родную его духу канцелярию. Пристав назначал милиционером человека из другого села и другого тейпа, чтобы он не был связан с людьми кровным родством и по этой причине не скрывал преступлений, был беспощадным ко всем.

Хорта был один в пустом кабинете. Кабинет был хотя и не роскошен, но чист и уютен. Сияли чистотой свежепобеленные стены, зеркально блестели покрашенные белой краской двери и окна. Длинный стол, покрытый черным лаком, на резных ножках, стеленный зеленым сукном. Около стола – два мягкие кресла и длинная скамейка, поставленная вдоль стены во всю длину. В других аулах ни у одного старшины не было такой роскошной канцелярии. Все это было приобретено честолюбивым Хортой за счет жителей аула, с которых он собирал поборы под разными предлогами.

Тыча пальцем в бумагу, Хорта вычислял что-то на счетах. Не отрывая палец от бумаги и не поднимая головы, он невнятно ответил на приветствие Кайсара и указал ему на длинную скамью.

– Садись.

Хорта наконец закончил операцию с цифрами и, видимо, очень довольный результатами, потирая руки, широко улыбувшись, повернулся к Кайсару.

– Хорошо, парень, очень хорошо... Знаешь, зачем тебя вызвали?

Из коротких перемолвок с людьми во дворе Кайсар уже знал, зачем он его вызвал, но виду не подал.

– Не знаю, Хорта. Даси ничего мне не сказал, передал только, что ты вызываешь в канцелярию.

Хорта положил свои волосатые руки на стол, сделал глубокий вздох, плотно сомкнув губы, раздул лоснящиеся от жира щеки, потом с шумом выдохнул:

– Жители вашего купа <sup>1</sup> до сих пор не выплатили половину налога за прошлый год.

– Да, это так.

– Почему же не платите?

– Не в состоянии. В нашем же купе одни бедняки: Васал, Мачиг, Даси, Эсет и семьи Али и Маккала.

– Не говори мне о последних двух. Али с Маккалом сами довели свои семьи до несчастья. Идти против властей! Вздумали свергнуть царскую власть, крепкую как кремьень! Ничего, там проучат. Вернутся – будут, как ягнята. Конечно, если

---

<sup>1</sup> Куп – квартал.

вернутся живыми. А бедность ваших людей, – это меня не касается. Долг государству следует немедленно выплатить. Налоги государством возложены на аул. И платить их должен аул.

– Если на аул налагались, то и распределить их надо было по справедливости.

– А разве они распределены не по справедливости? Подсчитали, сколько домов в ауле, и на каждый дом поровну...

– В том-то и вся беда. Почему ты обложил поровну бедных и богатых?

– Я же говорю тебе, что государство требует налог от аула. Мы же не должны содержать Мачига, Даси и иже с ними за то, что они бедняки. Если ты такой сердобольный, то долги за бедняков вашего купа выплачивай, как это делаем мы!

– Но ведь вы не задаром уплачиваете их налоги, – не сдержался Кайсар. – Если власть требует рубль, вы от себя добавляете еще два и взымаете три рубля. Уверяете, что заплатили два рубля за них, и обираете этих бедняг до нитки.

Густые брови Хорты вздулись и сошлись на переносице.

– Ты, парень, не лезь туда, куда не следует. До конца этого месяца рассчитайтесь с долгами, которые числятся за вашим купом. Все!

– Я этого не сделаю. Взымайте сами.

– Власть тебя поставили старшим в купе. И ты же будешь отвечать перед властями за двадцать закрепленных за тобой дворов.

– С сегодняшнего дня эту почетную должность я оставляю тебе.

Хорта сначала хотел было ударить кулаком по столу и угрозами припугнуть его. Но, когда он со своими жабыми глазами уставился на него, Кайсар и глазом не моргнул. Хорте не понравилось смуглое, худощавое, чуть вытянутое лицо Кайсара, его большой горбатый нос, ершистые, черные усы и черные глаза, в которых сверкали молнии. Кроме того, Асхад неоднократно предупреждал его о том, что Кайсар – сущий разбойник. Хорта через силу скривив губы, заставил себя улыбнуться.

– Молодой человек, во-первых, я ровесник твоего отца, во-вторых, я посажен сюда властью, чтобы отвечать за тебя и

за весь аул. То, что ты мне говоришь, ни в какие рамки не лезет. И как бы мы с тобой ни брыкались, власть свое сделает. Кто пойдет против нее, того она пошлет следом за Али и Маккалом.

– Бедные люди недовольны тем, что их обложили налогом вровень с богачами. У них дома нет даже чурека кукурузного, а вы с них требуете огромные деньги, за которые можно купить хорошего быка!

– Это ты властям скажи, парень, а не мне.

– Но ведь ты представляешь власть в этом селе. Тебя же не зря называют «юртда». Вот поди ты и скажи начальнику округа, что жители нашего аула бедны, нищи и голодны.

– Есть власть и над начальником округа.

– Так доводите наши нужды поочередно до высших начальников. Вплоть до царя.

– Ну хорошо. Я доведу твои слова до пристава. Он приведет солдат из Ведено или из Герзель-аула, что находится тут под носом. А они заберут и уведут вашу последнюю коровенку. Я тебя предупреждаю, чтобы потом не обвиняли меня. С этим все. Завтра из нашего аула надо отправить с десятков арб. Везить дрова в Хасавюртовскую крепость. Ну их-то я из других купов пошлю. От своего купа отправьте конную подводу в крепость Герзель-аул, чтоб завтра к десяти часам утра там была. Какие-то офицеры едут из Грозного в Хасав-юрт. Она должна доставить их.

Кайсар заупрямился.

– Тебе же известно, что многие еще не управились с севом.

– Остопиралла!<sup>1</sup> – хлопнул себя старшина по колени и покачал головой. – Выходит, что я слепой и не вижу ничего?

– Видать-то ты видишь, да только жалости у тебя нет в сердце.

– Что бы ты на моем месте сделал?

– Сказал бы, чтобы людям хотя бы заплатили за то, что они трудятся, да еще со своим транспортом. Их же на неделю, на месяц отрывают от собственных дел на полях и по хозяйству, заставляют работать до седьмого пота и лишь тог-

<sup>1</sup> Остопиралла (араб.) – Аллах велик.

да отпускают домой. И хоть бы чурек дали, не говоря уже о плате. И еще их ругают, поносят на чем свет стоит. Все это ваша вина, верных слуг властей.

То ли от жары, то ли от испуга, шея Хорты покрылась потом, он вскочил как ошпаренный.

– Парень, отец твой, Аюб, упокой Аллах его душу, был моим большим другом. – Он стал вытирать шею большим красным платочком. – Только лишь из-за уважения к нему прощаю тебе твои грешные мысли против властей. Но чтоб завтра до восхода солнца подвода была в Герзель-ауле. Иначе пеняй на себя!

«И надо же было мне стараться усостыжить этого бурдюка Хорту? – размышлял Кайсар, выйдя на улицу. – Собственно, в его руках нет никакой власти. Холуй несчастный!»

Кайсар, не заходя, миновал свой дом и пошел к Васалу. Еще издали увидел он отца и сына, которые – один снаружи, а другой снутри – трудились, ставя изгородь вокруг сада.

– Ассалам алейкум, да будет благодатным ваш труд!

– Ва алейкум салам, да отблагодарит вас Аллах за добрые слова.

– Эта изгородь, Васал, век будет стоять. Дай-ка и я немного поработаю. Машаллах, какие замечательные колья! – Кайсар сильным ударом вбил в землю дубовый кол.

– Нынешний год, к счастью, будет дождливым.

– Дай бог. В прошлом году была сильная засуха.

Васал и Юсуп толстыми грабовыми хворостями плотно плели изгородь. Кончив начатую сторону, Васал подтянулся руками.

– Ладно, оставим работу. Вечер уже. К тому же, Кайсар, ты, видимо, по какому-то делу?

– Хорта вызывал в канцелярию.

– Что же надо было этому борову?

– Говорит, чтобы поживей налог выкладывали.

Кайсар рассказал о разговоре со старостой. Юсуп, как и отец, русоволосый, с голубыми глазами и веснушчатый, возмутился.

– Вот свинья! Всадить бы ему пулю в лоб!

– При чем тут Хорта? – прикрикнул на него отец. – Власти во всем виноваты.

Кайсар дал отцу и сыну отвести душу, потом отвел Васала в сторону.

– Сказал, чтоб я завтра в Герзель-аул отправил пароконную подводку. Придется тебе поехать туда.

– Но у меня же нет ни подводки, ни лошадей.

– Запряжешь мою и Булатову лошадей.

– Неужели больше некому, кроме меня, старика?

Кайсар оглядел Васала с ног до головы. Ему было не более шестидесяти лет, но выглядел он старше восьмидесятилетнего старика. Белая, как снег, короткая борода, длинная морщинистая, как у старого вола, шея, впалые щеки, мозолистые, потрескавшиеся руки с синими жилами, согнутая словно дуга спина.

– Все-таки придется тебе, Васал. Надо везти оттуда в Хасав-юрт каких-то офицеров. Прикидывайся дурачком, скрывай, что ты знаешь русский язык, лови каждое оброненное ими слово. И постарайся узнать, сколько у них вооруженных людей в герзельской и хасавюртовской крепостях...

– Выходит, это приказ?

– Это приказ, Васал. Еду на дорогу возьми у меня. Но поезжай утром пораньше. Чем раньше ты туда приедешь, тем больше увидишь.

Васал ничего не ответил. Ведь долг воина – выполнять приказ.

Проходя мимо дома Али, Кайсар услышал голоса и вернулся во двор. Там стояли нераспряженная пароконная бричка, трое каких-то гостей, а Умар и остальные хлопотали, принимая их.

– Кто эти люди? – спросил он у бегущего куда-то и сияющего Усмана.

– Сын Андри и Яшка!

Айза и Эсет, приветствуя гостей, повели их в дом.

– Ох, что это за гости? Издарасты, Ванька! – пожал им руки Кайсар и крепко обнял сначала одного, потом другого. – Издарасты, Яшка! Как дела, хорошо дела?

– Здравствуй и ты, Кайсар!

– Вы откуда взялись?

– В гости приехали! Вас же давно у нас не было!

– Как дома? Андри как там? Наташ здорова?



– Не задерживай их, Кайсар. Потом поговорите, – Айза взяла Ивана под руку и потянула в дом. – Идем в комнату. Они ехали издалека, устали бедные.

В комнате, предназначенной для гостей, было чисто. Гости расселись поудобней на глиняной наре с подостланной пестрой кашмой. Не успели они перекинуться и несколькими словами, как ворвались в дом Васал и Булат, которым Усман передал радостную весть. Снова начались многочисленные вопросы, радостные возгласы. Васала больше всего заботила судьба своего друга Корнея.

– Почему он так долго не появляется у нас? Здоровы ли они?

– Все хорошо. Он теперь остепенился.

– Это что значит?

– Ты-то знаешь. Он не абречествует теперь.

– Да, ведь мы же с ним уже стар, Ваня. Стар, устал, обнищал. Короче говоря, отжили свой век. Что нового в вашей стороне?

– Ничего.

– Но поговаривают, что война будет?

– Дела, видно, не совсем нормальные. Вряд ли случайно призвали на службу казаков, да формируются иррегулярные полки.

Со двора донеслись крики кур. Усман с Магомедом гонялись за ними по всему двору, ловили на убой для гостей.

– А вы почему пожаловали?

– Будем строить мельницу для вашего старшины.

– О-о, об этом здесь давно судачат. Когда же успели вы договориться с ним?

– С неделю назад сын его к нам приезжал.

– И вы собираетесь строить мельницу этой собаке?

– Не ему, а нам ее строят. Нам же легче спуститься к Аксаю, чем ездить в такую даль, на кумыцкие мельницы, – сказал Кайсар.

– Долго будете здесь?

– Не знаем. Смотря, как Хорта будет поставлять нам необходимый материал.

– А Андрей приедет?

– Он тоже приедет на днях. Покажет нам, как, что делать.

За трапезой Васал то и дело поглядывал на гостей. Будто бы и невелик срок – эти прошедшие двенадцать лет. А вот у этого Яшки, когда он впервые приехал в Гати-юрт, не было ни одного седого волоса на голове, ни одной морщинки на лице. Сейчас он совсем не походит на прежнего. Голова покрыта густым инеем. Вокруг глаз легли морщины. И голос стал хриловатым. Только руки остались такими же шершавыми. А Ваня превратился в Ивана Андреевича... Все-таки как быстро летит время!

Друзья поели и еще сидели долго, беседуя.

После ужина пришел Хортин сын Асхад, прослышав, что прибыли его работники. Не удостоив присутствующих при ответствии и не справившись у гостей, как они доехали, он сразу же приступил к своему делу.

– Ну, собирайтесь, пойдем к нам.

Иван посмотрел на Булата.

– Они останутся здесь, – сказал тот.

– Я не могу оставить их здесь бездельничать. Будут приходиться к ним люди с просьбой чинить им то одно, то другое. А мне надо, чтобы они работали на строительстве от зари до зари. Я подготовил специально для них комнату.

– Хоть мы и бедны, но комната для гостей и у нас найдется. И слава богу, пока что чурек тоже есть.

– Давайте собирайтесь, быстрее.

– Мы здесь останемся, Асхад, хотя бы на сегодня.

– Навсегда, – добавил Булат.

– Ну хорошо, – косо посмотрел Асхад сначала на Булата, потом на гостей. – Но с рассвета чтобы были на работе.

– Где бы ни жили, мы честно выполним наш договор, так что за работу тебе беспокоиться нечего. Но мы все же переедем к тебе. Нам будет легче жить отдельно, – сказал Иван.

– Вот, так бы давно. Тогда завтра утром к восходу солнца я жду вас. Пойдем смотреть место. До свидания.

Когда Асхад вышел, оставшиеся переглянулись.

– Трудновато придется вам работать с ним, – сказал Васал, покачав головой.

– Ничего, Василий, – успокоил их Яшка, – мы таких драконов много перевидали. А эти ваши перед ними просто пиявочки.

– Лошадей распряг? – спросил Булат Умара, заглянувшего в кунацкую.

– Да. Напоили и корм дали.

– И кукурузу насыпь.

– Я Усмана послал.

Васал и Кайсар, оторвавшись от своих дел, заспешили домой.

– Мы скоро вернемся и заберем гостей ко мне, – сказал Кайсар. Он хотел пойти домой, чтобы подготовиться к приему гостей.

– Сегодня нас, пожалуйста, оставьте здесь. Эту ночь я хочу провести в доме моего отца, – извинился Иван.

Когда Яшка вышел провожать его, Васал остановился у калитки.

– А кто это третий с вами приехал?

– Мой товарищ.

– Что он твой товарищ, я понимаю. Что-то раньше я не видел его с вами.

– Товарищем я его назвал в другом смысле. Как и я, лет шестнадцать тому назад, он тоже сбежал из России, пустив красного петуха в имении своего помещика. Наши судьбы удивительно схожи. Но я приехал с молодой женой, а Михаил – один, как перст. Ему уже под тридцать, но еще не женат. Не было возможности. Станичным властям я представил его как своего брата. Если власти узнают правду, наши дела с ним будут очень плохи. Мы с Андреем Никитичем решили посоветоваться с вами и на некоторое время оставить его в Гати-юрте.

– Зачем советоваться? Пусть остается. Здесь он будет в безопасности, как у Христа за пазухой.

## 2

Васал приехал в крепость Герзель на час раньше условленного времени. Увидев на посту у ворот рыжего солдата, он хлестнул кнутом лошадь, чтобы проскочить мимо него. К счастью Васала, солдат держал в руках кiset и старался набить табаком трубку, а крепостные ворота из толстых дубовых досок были открыты.

– Стой! Куда ты, проклятый! Лексей, задержи его! Эй, чтоб ты сгорел в адском пламени!

Солдат не успел разобрать толком, чего от него хотел часовой, а Васал ворвался во двор крепости, не торопясь, слез с подводы и принялся спокойно разнуздывать лошадей.

– Ну-ка, вон отсюда! Вон быстрее! Разворачивай! – вникнув наконец в происходящее, подбежал к нему тот солдат и, взяв под уздцы, потянул лошадей к воротам.

Васал притворился рассерженным.

– Дурной урус! Арба эпсар есть! – отталкивал он солдата и показывал пальцем на дом начальника гарнизона. – Эпсар тебя урбит.

Боясь, что его быстро выставят за ворота, Васал старался охватить взглядом крепостной двор. Прежде всего он обратил внимание на две пушки, которые стояли под чехлами перед казармой. В это время подошли еще два солдата.

– Почему здесь оказался этот басурман?

– Митрий, зачем ты его впустил?

– Но! Разворачивай!

– Эй, не спешите, может, его сюда работать прислали.

Васал, будто ничего не понимая, стоял разинув рот, тараща глаза на каждого, кто заговаривал.

– Что это за шум здесь? – услышал он сердитый окрик с крыльца дома начальника. – Кто этот чеченец?

– Не знаем, ваша честь, ворвался сюда как сумасшедший.

– А часовой? Он для чего поставлен?

– Не успел задержать...

– Кто у ворот на часах?

– Недоноскин Митрий...

Толстый, высокого роста войсковой старшина, в парадной форме, чисто выбритый, с красиво закрученными рыжими усами и бакенбардами, спокойно сошел с крыльца и подошел к солдатам, столпившимся у подводы. Солдаты расступились, и Васал остался один перед ним. Когда-то вытягивавшийся перед офицером в струнку и не смевший дышать, теперь Васал смело смотрел в его красные от пьянки глаза. От офицера тянуло водочным перегаром.

– Откуда ты? Ишхой-юрт? Кошкельды? Бильга-юрт?

— Гати-юрт, Гати-юрт! — радостно засмеялся Васал, указывая кнутовищем в сторону верховья Аксая. — Гати-юрт, юрт-да Хорта.

— Понятно. Знаю вашего Хурду. Этого пузача. Задай лошадям корму и будь начеку. Ясно тебе? И нашел он такую же глупую скотину, как и сам. Куда девался Межи? Разыщите его, пусть втолкуют этому, что к чему! А ты, урядник, за расхлябанность на посту посади солдата Недоноскина на гауптвахту. А теперь — разойдись!

Солдаты рассыпались в разные стороны, и Васал остался один. Но не прошло и минуты, как к нему подбежал запыхавшийся чеченец лет тридцати, в черкеске из черного сукна, опоясанный наборным ремнем, с кинжалом на поясе и в низкой коричневой папахе, надетой по-казачьи набекрень. Он откашлялся, провел рукой по тонким усам и устремил на Васала свои крысиные глаза.

— Откуда ты, старик?

— Из Гати-юрта.

— Задай корму лошадям. Через час поедешь сначала в Хасав-юрт, а потом Кешень-Аух. В пути будь осторожен. Где дорога плохая, поезжай медленней. Ты офицеров везешь. Если с их головы упадет хоть волос, от тебя и твоей семьи даже пепла не оставят. Ты слышал?

— Слышал, слышал. Ничего с ними не случится. А ты в каком тут чине? А тот, что зашел, наверное, полконак? — спросил Васал, прекрасно зная, что стоящий перед ним — прапорщик, а тот ушедший — войсковой старшина.

Чеченец ушел, не удостоив его ответом. Поправив торбы и осмотрев колеса, Васал облокотился на подводу и стал ждать. Он вынул из кармана кисет, выбрал из листьев от кукурузного початка самый тонкий и белый и, сворачивая сигару с крепким самосадом, прощупывал глазами территорию крепости. Большинство солдат занимались ремонтом высокой, местами попортившейся каменной стены. Неведомо откуда присланные чеченцы из соседних селений на своих поводах возили из Аксая камень, песок и воду.

Но никого из них не пропускали вовнутрь крепости. Ремонтом руководил какой-то хилый очкастый офицер. Он иногда поднимался на стену и визгливым голосом матерно бранил работающих по ту сторону чеченцев. В восточной части

четыреугольного двора крепости, под длинным навесом, к плетеной кормушке были привязаны с полсотни лошадей. Двое солдат клали им зеленое сено. Там же стояло несколько подвод, бричек и старый тарантас. По подсчетам Васала, здесь насчитывалось всего две роты пехотинцев и полсотни кавалеристов. Но эти теперешние солдаты нисколько не походили на однополчан Васала. Обрюзглые, ленивые, заспаные.

– Эй, старик!

Васал глянул в ту сторону, где стояла скирда сена, и увидел чеченца-переводчика.

– Гони свою подводу сюда! – махнул тот рукой.

С помощью переводчика Васал набил подводу мягким душистым сеном.

– Подъезжай вон к тому крыльцу, к самым ступенькам. Сейчас отправитесь в путь.

Только Васал поставил подводу в указанное ему место, как двое солдат вынесли два чемодана и непромокаемые плащи и уложили их в кузов. Вскоре вместе с войсковым старшиной, смеясь и весело переговариваясь, вышли молодой капитан и штатский с портфелем в руке.

– Ну, господа, – протянул гостям руку старшина, – не взыщите за неудобства во время пребывания у меня в гостях. Как говорится, богат тот, кто отдает, чем богат. Дорогой капитан, я уверен, что жизнь кавказских войск вам понравится. А вы, Яков Степанович, напишите о трудной, но славной жизни наших солдат.

– Посмотрим, господин Чекунов. Ведь цель моего приезда именно эта, – сказал штатский, усаживаясь рядом с Васалом.

По уклончивому ответу штатского, Васал понял, что его абсолютно не интересует солдатская жизнь. Нетрудно было заметить, что он не испытывал симпатии ни к тому старшине, ни к сидящему рядом с ним капитану. В глазах этого задумчивого человека жила какая-то непонятная для Васала глубокая тоска.

### 3

Выезжая из крепости, Васал увидел на посту другого солдата и понял, что приказ старшины уже выполнен. Митрич теперь, очевидно, сидит на гауптвахте. Васал знает эти тес-

ные четыре стены, четырехугольная камера по два метра вдоль и поперек, холодный бетонный пол. Высоко в стене маленькое оконце, в которое скудно сочится свет через железные крестообразные решетки. В сутки раз в окошко двери подают кусочек черствого хлеба и кружку воды. Это еще ничего, если сравнить с тем, что было во времена службы Васала. Стягивали вниз штаны, закатывали вверх рубаху и били прутьями по мягкому месту. Когда Васалу вспомнилось это, по телу его пробежала холодная дрожь...

Когда, выехав на Военную дорогу, подвода свободно спустилась в долину Аксая, то бесшумно скользя по рыхлому песку, то заставляя скрипеть речную гальку или грохоча по булыжнику, переправилась на другую сторону, Васал погнал лошадей во всю прыть.

На участке, где когда-то в ермоловские времена по обе стороны вырубил лес так, чтобы выстрелы из лесу не достигали проезжающих по дороге войск или обозов, офицер повернулся к сопровождавшим их двум солдатам:

– Откуда вы родом?

– Я из Рязани, а этот, Курносов Алексей, из Тамбова, – ответил рыжий здоровенный солдат с пышными усами.

– Значит, мы с тобой земляки, выходит. Давно служите на Кавказе?

– Третий год.

– Как проходит служба?

– Слава богу, не жалуемся, – грубо ответил солдат.

Курносов исподтишка ткнул товарища локтем в пах.

Круглолицый Курносов, со вздернутым кончиком носа и острым взглядом всегда смеющихся глаз, прыснул хитрым смешком.

– Жены у вас дома есть? – спросил капитан.

– Жен нет, но есть невесты. Если, Бог даст, вернемся живыми домой, сыграем свадьбу, – сказал он.

– А они будут вас ждать? Мужичкиные бабы бывают слишком любвеобильными. Как бы ваши невесты не скрутились с Иванами!

– Ну и бог с ними! Если не хватит терпения дождаться нас, пусть хоть на чертовы рога лезут.

– Молодец солдат! А зовут-то тебя как? – повернулся капитан к рослому солдату.

- Попов Елисей.
- А по отчеству?
- Иваныч.
- Ну а какие, Елисей Иваныч, ваши отношения с чеченцами?

Попов косо посмотрел на офицера, отвернулся и замолчал.

Курносов хмыкнул.

– Отличные. Разве они не такие же люди, как мы? – ответил он за товарища.

Капитан снял с головы форменную фуражку, положил ее рядом на сено, пригладил рукой длинные свои волосы, которые только-только начали сесть на висках, и отстегнул крючки воротника.

– Что ни говори, Яков Степанович, а волк все равно в лес смотрит, – обратился он к штатскому. – Удивительное дело: эти мужики, какому бы роду и племени ни принадлежали, какую бы веру ни исповедовали, друг за друга заступаются и держатся друг за друга. Вы слышали? Если слушать их, эти чеченцы – невинные ангелы! Однажды они ворвутся к тебе темной ночью, когда ты будешь во сне миловаться со своей Марусей, перережут тебе кинжалом глотку, – уж тогда-то вы по-другому запоете!

Попов, видимо, собираясь что-то сказать, зло посмотрел на офицера, но, глубоко вздохнув, промолчал.

Капитан подумал, что солдат боится заговорить с ним в открытую, и вызвал его на беседу.

– Говори смелее. Надо же нам за беседой укоротить эту длинную дорогу. Я здесь человек новый, не знаю край, нравы людей.

Курносов ухмыльнувшись, вступил в беседу с офицером.

– Я слышал от старых солдат, которые воевали здесь в прежние времена, что во время своего налета, чеченцы прежде всего перерезали глотки офицерам, – серьезно заговорил Курносов. – А один даже говорил, что офицеров, которых особенно ненавидели, они не убивали, а просто кастрировали. Делали это умышленно, чтобы предоставить свободу мадуазелям, которые ждали их возвращения, не имея права выходить замуж за других.



– Что вы скажете на это, капитан? – рассмеялся Яков Степанович. – Эти солдаты не такие уж тупые, как вы считаете!

– Хитрые псы! Вы из крестьян?

– Конечно. Разве дворяне тянут солдатские лямки да эти тяжелые ружья? – зло бросил Попов.

Курносос снова ткнул товарища локтем в бок.

– Между прочим, Яков Степанович, говорят, что лет пятнадцать-шестнадцать тому назад по этим дорогам нашим без охраны целой роте солдат опасно было проезжать. А теперь такое приволье! Наше правление, усмирив их, отучило от своих разбойничьих нравов. С тех пор, как приехал в Чечню, я не встретил ни одного вооруженного чеченца. Видишь нашего извозчика? Искалеченная рука, шрам на шее. Бьюсь об заклад, что обе раны он получил во время своих разбойничьих набегов на нашу сторону.

«Относительно одной ты не ошиблась, собака!» – подумал Васал. Лет десять назад, когда он с Корнеем и Алхой ездил за Терек и угнал лошадей богатых станичников, казацкая пуля зацепила шею с боку. От той раны и остался шрам.

– Меня удивляет, господин капитан, ваша страшная ненависть к этим несчастным чеченцам, – покачал головой штатский. – Откуда это у вас?

– О, причин на то у меня предостаточно, Яков Степанович! Во время «Сухарной экспедиции» князя Воронцова они убили моего деда, а в пятьдесят девятом – отца. Разве этого мало, чтобы я ненавидел этих чеченцев?

Яков Степанович задумался, потом ответил:

– Чеченцы бились за свою свободу, этим все сказано.

– Какой вы большой либерал, господин Абросимов! – хлопнув его по плечу, засмеялся капитан. – Нам начхать на их свободу. О ней заботятся только лишь слабые. Сильный всегда свободный. На Россию сама судьба возложила почетную миссию распространить цивилизацию среди туземцев Севера, Востока и Кавказа. Чтобы своей высокой культурой этих дикарей, воров и убийц превратить в честных земледельцев, торговцев и иже прочих. Чтобы они свой хлеб зарабатывали не путем кровавых грабежей, а честным трудом. Если мы не укрепим здесь наше владычество, сюда придут турки, англичане, немцы, французы и прочие, которые давно точат зубы

на Кавказ. А мы разве хуже их? Я считаю, что мы достойны быть владыками мира.

Яков Степанович грустно покачал головой.

– Сумасбродные идеи наших официальных мундиров! Те западные державы, которых вы назвали, под вывеской цивилизации стерли с лица земли многие народы. От них немногим отстают и наше правительство. Более полумиллиона горцев изгнаны с родных мест в Турцию: женщины, дети и старики. Не может быть, чтобы вы не знали о судьбе этих несчастных. Но вы, господин капитан, не отождествляйте русский народ с правительством русского царя, с господствующими классами. Русский народ безгранично любит свою родину, он столетиями защищал ее от иноземных захватчиков. Но русский народ никогда не стремился захватить ни одной пяди чужой земли, установить свое господство над другим народом. Он сам стонет под гнетом, так сказать, своих собственных угнетателей. А что касается нашей цивилизации, она, вопреки планам наших господ, распространяется на окраинах империи. Ее распространяют не наши официальные мундиры, а прогрессивные люди русского народа и рядовые мужики. У этих мужиков и инородцев одна судьба, одни цели и одни мечты. Вы же, наверняка, слышали о напряженном положении внутри России в последние годы. Везде – эпидемия. На Поволжье – голод. Повсюду крестьянские волнения. Представьте себе, начались волнения даже в казачьих областях. А ведь их мы считаем верной опорой монархии. В прошлом году было восстание в Сванетии. Были частичные выступления и в Чечне. Азербайджанские крестьяне поднялись против своих беков. А наше правительство, вместо того, чтобы идти на уступки, облегчить участь народов, крепче и крепче закручивает гайку. Потому сегодня Россия похожа на растревоженный пчелиный рой!

– Все это пустяки. Достаточно ведра воды, чтобы успокоить возбужденный рой. Если мы повесим нескольких возмутителей, остальное мужичье успокоится навсегда.

– Вы извините меня, господин Рихтер, за мою откровенность с вами. Небольшая часть из тех иммигрантов, которых судьба привела в Россию, вложила определенный вклад в развитие русской науки и культуры. Но большинство равно-

душно взирает на судьбу нашего народа. Приезжают, занимают высокие посты, наживают богатство и уезжают. Вдобавок ко всему этому, считают нас дикарями, невежами!

Рихтер вытащил из кармана серебряный портсигар, взял сигарету и, немного помяв пальцами, сунул ее в рот.

— Наши предки приезжали в Россию по приглашению ваших царей да дворян, — он глубже затянул дым, выпустил его с шумом. — А они приглашали их не из-за любви к чужеземцам. И Россия, по-моему, от этого не осталась в проигрыше. Если у нас с вами и имеются идейные расхождения, то они не потому, что по происхождению я немец. Нас, пришельцев, как вы выразились, в России не наберется и одного процента. Но таких, скажем, жестоких или честолюбивых, каким вы считаете меня, тысячи среди самих русских. И если мои идеалы бесчеловечны, то я перенял их у ваших чистокровных господ.

Яков Степанович не нашелся, что ответить и умолк. Разве виноваты эти Рихтеры и многие другие фонны, мосье, сэры, мистеры, которых приглашают цари России? Ведь было же время, когда русские дворяне все у них перенимали, у них учились, во всем подражали им, даже в семье считали отсталым, невежественным того, кто говорил на родном русском языке, считали и считают сумасшедшим или преступником того, кто заговаривает о революции и демократии.

— Ну, предположим, что западных горцев мы прижали к морю, вынудили отправиться на турецкие берега, — возобновил прерванный разговор капитан. — Почему же тогда ушли в Турцию эти чеченцы через несколько лет после войны?

— Их провоцировали наше и турецкое правительства. Подкупили за золото несколько мулл и почетных людей из чеченцев, через них распространили ложные прокламации от имени турецкого султана, призывающие их переселиться в Турцию. А разоренные и доведенные до отчаяния люди поверили. Так двенадцать лет назад в Турцию ушло пять тысяч чеченских семей. Их участь была ужасной. Оказалось, что их никто туда не приглашал, никто не ждал. Но их приняли, предложили им сплошь безводные и каменистые земли. Они вновь потянулись на родину, когда стали вымирать как мухи. Те, кто добрались до границы, просили наши власти пустить их

домой. А самые отчаявшиеся соглашались даже принять христианскую веру, лишь бы им позволили выбраться из турецкого ада. Но возвращение горцев никак не отвечало принципам нашей политики на Кавказе. Короче говоря, мы их не пропустили через границу. Кроме того, по просьбе кавказского начальства, турки выдвинули против них регулярные войска. Дошедших до границы вернули назад артиллерийским обстрелом. Но и тогда они не расставались со своей мечтой о возвращении на родину. Обреченные к вымиранию на чужбине, они тайком, группами переходили границу, рассеивались кучками по два-три человека и по горным и лесным тропам возвращались домой. А наши власти установили на них настоящую охоту: тех, кто попадал в руки, отправляли обратно, а дошедших домой – в Сибирь.

Из разговора двух русских Васал не уловил ничего полезного для своих целей. Теперь всю свою надежду он возлагал на показавшуюся впереди Хасавюртовскую крепость. Васал знал, что там находится штаб-квартира 80-го Кабардинского пехотного полка. Но силы полка были рассредоточены по окрестным крепостям: в Герзель-ауле, Кешень-Аухе, Буртанае. Если ему удастся узнать количество солдат и орудий в Хасав-юрте и Кешень-Аухе, то он частично выполнит возложенную на него задачу.

– Жаль, что нам так скоро придется расставаться. Кстати, от какой газеты вы приехали? – спросил капитан, когда они уже подъезжали к слободе.

– Я вольный корреспондент. Пишу для всех.

– Значит, я могу надеяться видеть ваше имя в какой-нибудь газете?

Яков Степанович пожал плечами.

– Кто знает, что нам уготовила судьба...

## ГЛАВА V

### ВОЗВРАЩЕНИЕ

Счастливые живут в изобилие –  
Объелись и все-таки жрут,  
А бедные дети отчизны  
В то время от голода мрут!

*Ш. Петефи. Венгрия*

#### 1

Возвратившись из Симсира, Кайсар не знал ни минуты покоя. Когда день восстания приблизился, он заторопился с женьбой Булата. Булат отпирался: «Он может погибнуть в борьбе. Зачем ему тогда жена? Чтобы увеличить количество вдов? Или, если родится ребенок, увеличить количество сирот? Чтобы оставить рядом с Айзой, Эсет и Ковсар еще одну несчастную женщину?» – думал он.

– Нет, Кайсар, не нужно. Жениться я успею, если останусь в живых после восстания. Мне еще только двадцать пять. Успею.

Поняв, что ему не убедить его, Кайсар двинул на него женщин. Трое женщин, наступая с трех сторон, то упрашивали, то стыдили, то плакали, и он, измученный ими, наконец, сдался.

– Ладно, пусть будет по-вашему, – развел Булат руками. – Но жениться же не так-то просто. Нужен же еще свой очаг, свой двор. Куда мы ее приведем?

– Вы будете жить со мной, – сказала Айза.

– Нет, ты и так в тесноте живешь с двумя сыновьями, молodoжены будут жить со мной! – решила Ковсар.

– У вас обеих по двое детей, а мы с Магомедом одни, пусть поживут с нами! – говорила Эсет.

Выслушав споры трех женщин, Кайсар успокоил их.

– О женщины, как легко вы решаете этот вопрос! Неужели вы думаете, что Деши выходит за Булата, чтобы охранять вас? Вы забыли даже о том, что у вас всего-навсего лишь по одной комнате. Вы совсем как в поговорке: не имея еще коровы, покупаете подоюнок. Давайте сначала узнаем, желает ли Деши стать нашей снохой?

– А почему бы нет?

– Нет на свете парня лучше нашего!

– Аль не красив или калека?

– Или неблагородный?

Кайсар с Булатом хохотали до упаду.

– Конечно, если спрашивать вас, нет мужчины красивей и достойней, чем он. Но как на это смотрит Деши?

– Просто умирает от любви!

– Как она рада всегда встрече с нами!

– Стоит завести речь о нашем парне, она так и тает.

– О, если дело обстоит так, как вы говорите, нам нечего медлить!

Общими стараниями в ночь на субботу они привели Булату Деши. Отец девушки Дарго без лишних слов и требований дал свое согласие. Разрешил не возить дочь на отбивку в другой аул<sup>1</sup>. И калым не взял. А невесту оставили в доме Кайсара, пока не подготовили молодым комнату.

У Булата нет родственников в Гати-юрте. Но его все любят потому, что он замечательный парень, поэтому Кайсар не очень беспокоился о расходах, связанных с женитьбой.

На следующее утро после женитьбы, на рассвете, Кайсар послал Булата в Шали. Надо было выполнить поручение Алибека. Посланный с заданием разузнать, сколько вооруженных людей в гарнизоне Эрсаноя, Чахкари и Устаргардоя, и быстро вернуться обратно, он не возвращался вот уже три дня. Кайсар рано утром ушел в горы, поработал до обеда, расчи-

---

<sup>1</sup> До свадьбы невесту не приводят в дом жениха. Если жених и невеста из одного аула, ее отвозят к родственникам жениха в другой аул.

щая от кустарников свой надел, и вернулся домой на полуденный намаз. Деши с надвинутым на глаза платком занималась во дворе хозяйственными делами. Магомед, который все эти три дня не отходил от невестки, помогал ей. Лишь только показался Кайсар, Деши вышла ему навстречу и взяла у него топор.

– Ну, как дела? Не скучаешь? – спросил Кайсар.

– Конечно, нет. Почему так рано вернулся?

– Да работы у меня там было немного. Она дома <sup>1</sup>?

– Нет. К маме пошла.

– Что они делают?

– Стены мажут. Ты голодный?

– Как волк.

Поев сискал <sup>2</sup>, запивая холодным кислым молоком, Кайсар отправился к Эсет. Стены дома были очищены от старой и смазаны свежей глиной. Сегодня женщины мазали крышу глиной. Им помогали жена Янарки и еще несколько женщин.

– Да будет вам счастья! – сказал он, подойдя к ним.

– Да благословит тебя Аллах!

– А дела у вас ладятся хорошо!

– Как же не ладиться, если такой добрый молодец женился на такой прекрасной девушке!

– Мы выполняем простую, легкую работу, Кайсар, – сказала Айза. – За аулом сколько угодно желтой глины, в долине Аксяя – песок. Вот только изгородь разваливается. В день свадьбы дети будут лазить на нее – совсем рухнет.

– А мы новую возведем. В лесу хвороста и кольев сколько угодно, и свободных мужчин много. Послезавтра будет новая изгородь. А что вы внутри сделали?

– Внутри все закончили. Может, посмотришь?

Айза вошла с Кайсаром в дом. Стены и потолок сияли свежей побелкой. Нижнюю часть стен отделили ровной линией от верхней и замазали желтой глиной. На нишах стен была расставлена глиняная посуда, на полу возле двери стоял медный кувшин. На топчане и над ним на стене пестрели два новых войлочных коврика.

<sup>1</sup> Муж и жена не называют друг друга по имени.

<sup>2</sup> С и с к а л – чурек, хлеб из кукурузной муки.

– Истанги <sup>1</sup> Эсет и Ковсар принесли. Кудал Макка подарила. А всю эту постельную принадлежность я собрала, – перечисляла Айза подарки.

– Посуды будто бы маловато.

– Будет еще. К свадьбе женщины принесут.

– Вы решили свадьбу сыграть?

– Будь Булат нашим родным сыном, мы бы не стали этого делать, – глубоко вздохнула Айза. – Булат же одинокий человек... Без родителей, без родных сестер и братьев. Он может подумать, что имей он родственников, все было бы по-иному, как у всех людей. Ничего, зарежем мою корову.

– Нет, Айза, твою единственную корову ни за что не будем резать, – решительно отрезал Кайсар. – Если уж на то пошло, – у Булата есть друзья. У них хватит сил и три свадьбы сыграть. Вы своими делами занимайтесь, а свадьбу я беру на себя.

«Решить-то я легко решил, но как мне удастся осуществить это решение?», – размышлял Кайсар, выйдя на улицу. Он прошелся мысленно по домам, чердакам и сараям друзей. Во дворе Юсупа всего пять-шесть коз. У Янарки дела чуть лучше: хоть и кляча, но есть верховая лошадь и коровенка. Арсамирза, Баштиг и Лорса живут не лучше первых. Хозяйством они обзавелись года два назад. Да и все остальные аульчане не богаче их. А что если обратиться за помощью к Алибеку? Они, хоть и не богаты, но и не бедны. У него и у его братьев есть, по крайней мере, с десяток голов крупной скотины, лошади и небольшая отара овец. Но как обратиться за помощью в чужой аул? Алибек-то и жизни своей не пожалеет... Надо найти другой выход.

С этими мыслями Кайсар остановился перед домом Янарки.

## 2

На улице, закатив штанины до колен, играли в деревянные колочки раскрасневшие сын Янарки – Темурка и сын Даси – Тасу.

– Дада <sup>2</sup> дома? – спросил Кайсар Темурку.

<sup>1</sup> И с т а н г – войлок, войлочный ковер.

<sup>2</sup> Д а д а – отец, дед.



Увлечшись игрой, они не заметили его.

– Нет, – выпрямился мальчик и сползшие штаны подтянул до пупка.

– Куда он ушел?

– Не знаю.

– Почему ты такой сердитый, Темурка? Или проиграл?

– Я шесть колышек у него выиграл, – гордо поднял голову Тасу и, шмыгнув носом, лихо втянул в него свесившиеся двумя сосульками сопли.

Темурка косо посмотрел на Тасу.

– Молчал бы, сопляк. Ты выиграл самые дрянные. Какие-то щепки.

– Тогда неси получше!

– Разве ты стоишь лучших?

– Боишься!

Оставив задиристых мальчиков, Кайсар пошел к Арсамирзе. К счастью, там он застал Янарку и Лорсу. Чтобы прохождение помогали им, они вынесли на улицу деревянную кожомялку и втроем по очереди мяли буйволиную кожу.

– Да будет счастлив ваш труд!

– Да благословит и тебя Аллах! Добро пожаловать, Кайсар.

– Ну-ка, дайте и мне чуть попотеть.

У худошавого Кайсара мышцы крепкие. Он надавил зубчатый толстый деревянный рычаг и сидящий на основе станка Янарка, обеими руками поддерживая кожу под рычагом, взметнулся вверх и перевернулся.

– Да будь он неладен, не нажимай так сильно! – воскликнул он.

– Садитесь еще один!

Лорса встал на станок позади Янарки.

– Ну, держитесь!

Когда кожа была готова, они, усталые и довольные, сели, и Кайсар поведал, с чем пришел. Путь к спасению нашел Янарка.

– Я знаю, что нам делать, – сказал он с посветлевшим взором. – А почему бы нам не купить скотину?

– Тоже нашелся умник! Чтобы купить скотину, нужны деньги. А их как раз у нас нет.

– Деньги есть.

– Где?

– В Аксае.

Думая, что Янарка, как обычно, шутит, друзья рассмеялись.

– Мне не до твоих шуток, Янарка, – сказал Кайсар, покачивая головой.

– А я не шучу. Вчера же Асхад искал людей для работы на строительстве своей мельницы.

Кайсар, мастеривший свистульку из ореховой веточки, прервал свое занятие.

– А какая у них там работа?

– Канал рыть, бревна подкатывать к мельнице.

– Может, он уже набрал работников?

– Не знаю, – пожал плечами Янарка. – Вряд ли в нашем ауле нашел. Правда, есть люди из соседних аулов. Возят бревна из лесу.

– Тогда возьмемся за дело, – сквозь зубы сплюнул Армирза.

– А как у него с оплатой? – спросил Кайсар после раздумья.

– Черт его знает, – скривил губы Янарка. – Из-за неприязни к ним я и не интересовался.

– Нам придется брать работу за любую плату.

– Нужны еще товарищи.

– Будут Васал, Юсуп, Мачиг.

– Что могут там сделать старые Васал и Мачиг?

– Хорошо, – поднялся Кайсар. – Если сойдемся на оплате, организуем белхи<sup>1</sup> на пару дней. Человек двадцать соберем. Пошли к Хорте.

В доме Хорты они застали только его младшего сына Овхада. Худошавый, широкоплечий, стройный Овхад с преждевременно лысеющей головой, высоким лбом и задумчивым взглядом принял их почтительно. Он настойчиво приглашал их в дом, но те отказались, сославшись на срочное дело.

---

<sup>1</sup> Белхи – помочь. По народной традиции, люди всем миром помогают друг другу в строительстве дома, на прополке, при сенокосе и т. д.

- Тогда чем я могу послужить вам?
- Да мы, собственно, к Хорте.
- Его нет дома. Кажется, в Ведено поехал.
- А Асхад?
- Он, наверное, на строительстве мельницы. Не могу ли я чем-то помочь?
- Можно и с тобой поговорить.
- Мы слышали, что вам нужны люди на строительстве мельницы. Как у вас с оплатой?

Лицо Овхада покраснело, как у девушки, с которой молодой человек впервые заговорил о любви.

– Пожалуйста, извините меня, Кайсар, но в эти дела я не сведущ. Сходите на постройку, там будет Асхад.

На строительстве мельницы они застали с десятков рабочих, трудящихся, словно на пожаре. Место Андрей выбрал удачно. По левую сторону Аксая, на ровной площадке над руслом реки. Нижний конец площади заканчивался естественным откосом, под которым возводили мельницу. Через площадку до откоса рыли канал, отсюда вода должна была по желобам сильным напором устремиться к лопастным колесам, которые приведут в движение жернова.

Андрей уехал, выбрав это место. Оставшиеся здесь Иван и Яков руководили нанятыми Хортой рабочими. Под откосом возводили восемь опор из толстых каменных плит. Рядом были сложены штабеля дубовых и буковых бревен. Яков с тремя рабочими занимался их распилкой и обтесыванием. Чуть в сторонке лежали необработанные шесть каменных глыб для жерновов.

Поодаль стояли Асхад и старик-мескетинец, у них шел спор.

– Сорок копеек тебе! – брызгая слюной, рычал Асхад. – Ни копейки больше!

– Да как я отдам их за сорок копеек, Асхад! – старик, выткнув руки вперед, с мольбой смотрел ему в глаза. – Я же три дня рубил их, подрезал, приволок сюда, забросив все свои дела по дому и в поле. Мне же надо выплатить государству налог. Иначе угонят моих быков. Дай хоть шестьдесят копеек...

– Ни копейки больше.

– Неужели ты не мусульманин, Асхад? Побойся Аллаха, будь справедлив!

– Что же, если я мусульманин, так и должен деньги тебе швырять?

Прискорбно опустив руки, мескетинец с мольбой посмотрел на Кайсара.

– Смотри, конах <sup>1</sup>, совесть потерял этот человек! Бревно, которое я притащил ценой трехдневного труда, он хочет взять за сорок копеек!

– Мало платишь, Асхад, – попытался помочь ему Кайсар. – Он же бедняк, прибавь двадцать копеек.

– Купи сам, Кайсар, за такую плату.

– Мне оно не нужно.

– И мне тоже.

– Дай хоть полтинник, Асхад. Я тебе еще пять бревен притащу. Ведь власть замучила, налоги требует...

– Прибавь ему хоть десять копеек, ты же не обеднеешь, – вмешался и Янарка.

Асхад, вынув из кармана бешмета серебряный полтинник, швырнул его перед мескетинцем.

– На, возьми. Но смотри, чтобы твои новые бревна были получше. Смотри, какое ты приволок? Все в сучках, кривое как ребро. Плачу тебе лишний по просьбе этих людей, да и из жалости к тебе.

Подняв упавший в траву полтинник и недовольно взглянув на Асхада, мескетинец ушел, погоняя перед собой пару волов.

– Зачем пожаловали? – Асхад устремил на них свои крысиные глаза.

– Нам работа нужна, – сказал Янарка.

Асхад смерил их взглядом с головы до ног, будто видел впервые.

– Какая работа?

– Любая.

– Как же вы возьметесь за любую работу? Вы же не мастера?!

– Можем подтаскивать, распиливать бревна.

---

<sup>1</sup> К о н а х – благородный человек, молодец, рыцарь по духу.

– И канал рыть.

Асхад, взглянув на Янарку, криво оскалился:

– Ты же едва держишься на ногах, да еще канал собираешься рыть?

Янарка молча показал свои мозолистые, потрескавшиеся руки.

– Есть у тебя для нас работа? – спросил Кайсар.

– Работы сколько угодно. Канал будете рыть?

– Смотря, как платить будешь.

– Если будете работать от восхода до захода солнца, заплачу по двадцать копеек.

Друзья переглянулись.

– За рубль в день мы согласны.

Асхад не удостоил их ответом, круто развернулся и направился к своим рабочим.

Когда друзья остались одни, к ним подошел Яков, и с размахом воткнув топор в бревно, поздоровался.

– Договорились?

– Нет, – покачал головой Кайсар. – Уж слишком жадный, собака.

– Да, с жадностью с ним никому не сравниться. Сколько с нами он торговался! Настаивал на полцене. Когда мы не согласились, старался найти других мастеров. Но где отыщутся такие дураки? Очутившись в безвыходном положении, скрипя сердцем, согласился. Сколько вам обещает?

– Двадцать копеек.

– Мало. Слишком мало. В наших станицах это самая низкая плата.

– А у вас там можно найти работу? – спросил Лорса.

– С трудом, мужики ходят всюду, ищут работу. Среди казаков тоже много бедняков. Потому богачи так скаредничают.

– Разве среди казаков есть бедняки? Ведь у них столько земли, некому обрабатывать, бурьяном заросла, – удивился Арсамирза.

– У одних много, у других ни клочка. Ведь и среди казаков тоже много голодранцев, как мы с вами. Что поделаешь, Бог не всех создал счастливыми. У каждого своя судьба. Одни смеются, другие плачут. Одни взбесились от сытости, другие

с голоду воют. Если хозяин согласится платить вам по полтиннику в день – соглашайтесь. У нас там высшая плата – сорок копеек.

После долгих споров, Асхад, согласившись заплатить по полтиннику в день, дал им работу.

– Но знайте, – добавил он, – питание будет за ваш счет.

– Чтобы есть нам на твоих поминках! – в сердцах выругался Янарка. – Обойдемся мы без твоего сухого чурека да горького лука!

– Оставь его, не будем унижаться, – потянул Янарку Кайсар. – Его пища в горло не полезет.

В этот день друзья работали сами, а в последующие два дня собрали белхи. За три дня они заработали деньги, достаточные для свадьбы Булата.

### 3

Два молодых буйвола тянули вверх по узкой дороге, выходящей из леса, подводу, груженую тяжелыми из бука и граба дровами. Подъем был и не очень крутой, но дорога сама была трудная. Ее местами затрудняли расплзшиеся во все стороны кряжистые корни старых чинар. Магомед, взявшись за налыгач, тянул буйволов вперед, а Умар подгонял поочередно, хлестая их хворостиной и иногда, когда представлялся случай, подталкивал арбу сзади.

Магомед в душе сердился на Умара. Мальчик радовался утром, что до полудня они закончат боронование участка и раньше обычного возвратятся домой. Куда там! Разве старшие так сделают? И хоть бы был намного уж старше. Всего лишь на пять лет Магомеда превзошел. А вот же, с тех пор, как только в прошлом году арестовали отца, он во всех их трех дворах утвердился старшим. За это время Умар изменился неузнаваемо. Посерьезнел, бросил прежние шутки. Даже тетя Айза, Эсет, мать Магомеда, да Ковсар не делают дома ничего, не посоветовавшись с ним. Распоряжается во всех трех хозяйствах, сам не отдыхает, ни Усману с Магомедом не дает покоя. Им бы после боронования ирзу<sup>1</sup> поехать

<sup>1</sup> Ирзу – раскорчеванный участок в лесу.

домой. Нет же, надо, говорит, дров прихватить, чтоб пустым не ехать домой. Будто мало их дома. А если буйволы не смогут вытянуть арбу на перевал? Тогда придется вывозить туда по половине. Двойной получается труд.

– Мяла, мяла <sup>1</sup>! Тяни! – погонял Умар быков, хлестая изредка по бокам.

– За мной, за мной! – тянул вперед Магомед.

Но буйволы устали. От натуги глаза у них расширились и прожилки в них покраснели. Из широко раскрывшихся пастей сочились слизистые слюны с пеной и двумя линиями ложились вдоль дороги. До конца подъема оставалось немного, но неровная дорога, рытвины забирали последние силы. Арба скрипела под тяжелым грузом – дрова, как назло, нарубили сырые.

– Ну, тяни! Тяни!

Но требование это, пожалуй, было чрезмерным. Боясь быть вытесненными из узкой дороги, буйволы больше боролись друг с другом, чем тянули арбу, а потом один высунул язык и упал на колени. Разгоряченный Умар, взяв хворост за тонкий конец, стал бить его по морде, по ушам, по рогам. Выбившийся из сил беспомощный буйвол только вертел головой, стараясь избежать ударов.

У Магомеда глаза наполнились слезами.

– Ума <sup>2</sup>, не бей его! – вырвался у него отчаянный крик.

То ли его разбудил сердобольный крик мальчика, то ли подняла бессмысленная жестокость Умара, но буйвол вдруг встрепенулся, вскочил, вывернул ярмо, сломал боковую занозу, разорвал налыгач и, высвободившись от ярма, ринулся в лесную чащу.

Трудно сказать для чего, но Умар схватил с арбы топор и бросился за буйволом.

Оставшись наедине с Магомедом, второй буйвол, образовав перед собой лужицу из слизи и пены, стекавших со рта и ноздрей, стоял, дрожа брюхом, грустно уставившись на мальчика покрасневшими глазами. Магомед подошел к нему, размотал оставшийся на его рогах кусочек налыгача, сунул

<sup>1</sup> Мяла – понукания буйволов.

<sup>2</sup> Ума – сокращенно Умар.

его в переметную суму, лежавшую на арбе. Буйвол согнул шею, посмотрел на мальчика и тряхнул головой. Едва державшаяся заноза от этого движения вырвалась из отверстия. Стянутое тяжестью груженной арбы ярмо сорвалось с шеи и упало на землю. Освободившийся буйвол несколько раз встряхнулся всем корпусом и направился вверх по дороге.

– Воха <sup>1</sup>, мяла, мяла! – побежал за ним Магомед. Но буйвол не останавливался. Магомед попытался выбежать вперед, но тот, трясая своей грузной тушей, сначала ускорил шаг, потом перешел на бег. Догадавшись, что мальчик хочет обогнать его, он круто завернул в лес и, ломая подворачивающийся под ноги сухой валежник, понесся вниз во всю прыть.

Магомед бежал за буйволом. Через плечо у него болталась переметная сума, взятая им с арбы, чтобы положить туда остаток налыгача, почему-то оставшийся у него. Пустой глиняный горшок, лежавший в задней части сумы, равномерно колотил его по спинке. Ветви густо разросшегося под сенью высоких чинар кустарника больно хлестали его по лицу. А буйвол уже скрылся из виду. Долго бежал за ним Магомед, то выискивая следы животного, то вслушиваясь в треск сучьев. Теперь уже, если буйвол и найдется, и удастся примирить его, вряд ли он сможет отыскать арбу. Как он не силится, ему не удавалось унять слез, струящихся из глаз.

А солнце близилось к закату. Как же быть, если наступит ночь? В этом лесу бывают волки и медведи. Ах, чтобы ему околоть, этому буйволу, на какие мучения он обрек его! Из глаз Магомеда еще щедрее полились слезы.

– Ума-а-а! Ума-а-а!

Он кричал до хрипоты. Но ответа не было. Плач его, сначала похожий на комариный писк, перешел на рыдание. А лесу не видно было конца. Магомед шел вниз по склону, перебрасывая суму, когда уставало одно плечо, на другое. Вся его надежда склонялась к тому, что внизу Арчхи. Если надежда эта оправдается, то идя по течению речки, он выйдет на дорогу, ведущую в аул.

Долго шел Магомед и вышел на чье-то ирзу среди густого леса. Он обшарил ирзу быстрым взглядом. Увидев на другом

---

<sup>1</sup> В о х а – обращение к быкам и буйволам.



конце поляны своего буйвола, который жевал объедки кукурузных стеблей, он воспрянул духом. Лучше иметь товарищем буйвола, чем ни единой живой души.

— Мялов, мялов! На, на! — вытянул он вперед руку и направился к нему.

Тот смотрел на него и нехотя жевал свою жвачку. Теперь Магомед был спокоен. Ведь от этой поляны обязательно должна выходить дорога.

Успокоившись, Магомед окинул взглядом полянку и заметил узкий вход в лес. Но не успел он повернуть туда своего буйвола, как из лесу на поляну вышел какой-то человек. Первое, что привлекло к нему внимание Магомеда, было заросшее черной бородой осунувшееся лицо. Магомед не был трусом. Он не боялся грозных зверей. Хоть и не было у него при себе иного оружия, кроме короткого кинжала, он все же был уверен, что справится со зверем. Но джинов, чертей и сумасшедших людей он боялся до смерти. Когда же Магомед увидел на этой крохотной полянке, окруженной густым лесом, где никакой крик не может быть услышан людьми, да еще вечером, этого страшного человека, все волосы на его теле встали дыбом. Он испугался, но не растерялся. В мгновение Магомед перебрал мысленно образы джинов и чертей из известных сказок. Ему говорили, что джин бывает похож на призрак. А этот похож на человека. И ноги носками вперед, да и рогов на голове нет. Значит, он и не черт. Или это кровник, скрывающийся от мстителей, или сумасшедший.

А незнакомец, не спуская глаз с Магомеда, спокойной походкой подходил все ближе и ближе. Одежда на нем была не чеченская. Широкие шаровары, сапоги с короткими голенищами. Одет в нечто похожее на бешмет, доходящий до колен, на голове — войлочная шляпа. А глаза! Точно как у сумасшедшего! Впалые, то ли грустные, то ли сердитые. И каждый шаг такой, будто готов в любой миг броситься на него. Сперва Магомед решил во всю прыть бежать, оставив буйвола. Но сердце взбунтовалось. Когда незнакомец совсем приблизился, он медленно положил руку на рукоять кинжала. Заметив этот жест, незнакомец то ли из презрения, то ли желая успокоить, — улыбнулся.

— Чему ты удивился, мальчик? — спросил он со странным говором.

«Что сумасшедший, это точно, но теперь уже поздно», — решил Магомед. Он невольно отступил на несколько шагов.

— Не бойся, я же ничего тебе не сделаю.

— А я и не боюсь тебя, — смело ответил Магомед, собрав все свое мужество.

Незнакомец остановился в четырех-пяти шагах.

— Откуда ты?

— Из Гати-юрта.

— Чей?

— Арзу.

— Какого Арзу?

— Абубакара Арзу.

Глаза незнакомца удивленно вытаращились.

— Ты сын брата Али?

— Да.

Короткий разговор убедил Магомеда, что перед ним не сумасшедший.

А незнакомец перестал спрашивать и стоял в раздумье. «У Арзу не было жены ни тогда, когда мы уходили в Турцию, ни там, — говорил он сам себе. — А его убили на границе, когда люди возвращались домой. Это несомненная истина. Откуда тогда взялся сын Арзу?».

— Как зовут твою мать?

— Эсет.

— Чья она?

— Билала.

— А имя матери Эсет?

— Аза.

«А Эсет, если я не ошибаюсь, была замужем за Гати, братом Шахби. Гати, говорили, умер вскоре после нашего прибытия в Турцию. Эсет была вместе с деверем в турецком ауле. Когда я уходил с войском Эмин-паши с лагеря переселенцев, у Арзу не было жены. Вскоре после этого его убили. Что-то непонятно мне все это».

— Арзу жив?

Глаза мальчика потускнели.

— Нет, его убили в стране Хонкар.

— А Али?

— Арестовали в прошлом году и отправили в Сибирь.

– Его два сына?

– Они живы.

Незнакомец раскрыл было рот, собираясь что-то спросить, но промолчал.

– Есть ли в Гаги-юрте человек по имени Мачиг? – спросил он наконец.

– Есть.

– Дети у него есть?

– Нет, в Хонкаре померли. Один сын, поговаривают, остался в живых. Да и тот ушел в турецкую армию и пропал без вести.

Мужчина умолк. Магомед тайком посмотрел на него и увидел его влажные глаза. Тот понял, что мальчик заметил его минутную слабость, повернул разговор в другое русло.

– Что ты тут делаешь под вечер?

– Я заблудился, было...

– А теперь?

– Пойду по дороге, идущей от этой полянки.

– А если опять заблудишься?

– Не заблужусь.

– Тебе не страшно будет.

Магомед скривил губы.

– Да я шучу, не обижайся, – рассмеялся незнакомец, – что ты не трус, я понял с первого взгляда. Есть в Гаги-юрте человек по имени Кайсар?

– Есть, – не столь охотно, как раньше, ответил Магомед.

Мужчина постоял некоторое время в раздумье, потирая лоб, потом расстегнул пуговицы своего бешмета и выбрал один из серебряных галунов наборного ремня, обтягивающего его тонкую талию.

– Дай-ка свой кинжал.

Мальчик вытащил кинжал и, взяв двумя пальцами за острие, протянул ему. Тот взял кинжал, срезал галун и вернул его Магомеду.

– Сын Арзу, Абабукарова сына, не может быть ни трусом, ни предателем, – торжественно проговорил он. – Вот этот галун сегодня же вручишь Кайсару. Только смотри, никому другому не показывай. Никому не рассказывай, что видел меня, ни слова и о нашем разговоре, кроме Кайсара. Передай

ему, что я его буду ждать на кладбище Борцов. В суме твоей нет еды?

Магомед сунул руку в суму и вынул из одной ее половины большую краюху сискала. Потом, раза-два повторив то же движение, достал оттуда кусок сыра и две луковицы.

– Вот спасибо, мальчик. Да дарует тебе Бог долгие годы! Да благословит он тебя за твою щедрость. Ну идем, я провожу тебя до Арчхи. Дай я суму понесу, а ты гони буйвола.

Не спрашивая ни о чем, спокойно уплетая сискал, сыр и лук, этот странный человек сопровождал мальчика до Арчхи. Когда они стали там прощаться, сверху донесся зов.

– Ва-а-а, Магомед!

Незнакомец взглянул на Магомеда.

– Это он меня зовет, – сказал мальчик.

– Кто это такой?

– Это мой двоюродной брат.

– Откликнись тогда.

Магомед набрал в легкие полные воздуха и во все горло крикнул:

– Ва-а-а-вай!

– Где ты?

– Здесь, в овраге!

Незнакомец хлопнул Магомеда рукой по спине и подтолкнул вперед.

– Ну, иди. Смотри, помни наш уговор. Скажи, что я буду ждать на кладбище Борцов. И галун, что я дал, не теряй.

Магомед в ответ и слова не успел сказать, странник лихо спрыгнул с обрыва и скрылся в лесу.

#### 4

Кайсар, вернувшийся в тот вечер с поля поздно, совершил вечерний намаз, съел поставленный Маккой чурек, запивая сывороткой, и вышел на улицу.

На майдане перед мечетью, где обычно вечером собирались люди, не было никого. Наверное, как и он, все сегодня вернулись с полей поздно и теперь после томительного дня отдохали. Не желая возвращаться обратно в дом, Кайсар направился к Булату. Сегодня же ему надо было повидаться и с

Васалом. Проходя мимо канцелярии и увидев в окне свет, он приостановился. Конь, привязанный к плетню у калитки, упорно бил копытом. Кайсар приподнялся на цыпочки, заглянул в окно: за столом друг против друга сидели Хорта и Чонака. Кайсару показалось лицо Хорты, сидевшего как раз напротив окна, мрачным. Он о чем-то говорил, понизив голос, жестикулируя руками и устремив взгляд на Чонака. Потом вдруг встал, загибая пальцы на руке, начал что-то втолковывать собеседнику.

Проходя мимо дома Али, Кайсар окликнул Усмана и послал его к Васалу с тем, чтобы тот пришел к Булату.

Васала легко было узнать и издали. Зимой – в тулупе, а весной – в накинутой на плечи черкеске. Вначале он ходил так потому, что трудно было сунуть искалеченную руку в рукав, а потом привык так ходить. Шапка у него бывала всегда, даже в лютый мороз, сдвинута на левое ухо.

Как обычно он шел, дымя сигаркой из крепчайшего самосада, поздоровавшись с Эсет и в нескольких словах справившись о житье-бытье, он вошел с Кайсаром в дом.

В темной комнате они присели на глиняный настил, накрытый чистым войлоком, и переглянулись. Никто не хотел первым начинать разговор: Кайсар – потому, что Васал был старше его, а Васал – считая Кайсара руководителем нелегальной организации.

– Что нового в ауле? – спросил Кайсар, когда молчание стало затягиваться.

– Мой друг вернулся домой.

– Мачиг?

– Да.

– Почему?

Затянувшись так, что от листа кукурузной початки, из которой была скручена сигарка, посыпались искры, Васал жадно глотнул дым, пустил его через ноздри и махнул рукой.

– Говорят, дела нынче пошатнулись, хуже, чем раньше. Похоже, что богатые станичники вдвое надбавили цены на арендуемые нами земли. Сверх того, вайнахам и по таким ценам не сдают.

– Это еще что они задумали?

– Не знаю. Наверное, боятся, что чеченцы подружатся, объединятся с казачьей беднотой. Среди них ведь тоже немало таких же бедняков, как и мы. Батрачат у зажиточных казаков. И мужиков тоже немало. Они же примыкают к нам при каждом удобном случае. Когда мы совершали набеги на богатых станичников, мужики и бедные казаки всегда нам помогали. Сейчас, говорят, нам не сдают земли даже по завышенным ценам, а людям из других горских народностей сдают подешевке.

Кайсар огорчился. Если горная Чечня лишится и этого источника существования, здесь наступит настоящий голод.

Почему же Мачиг не пошел выращивать марену?

– Россию, говорят, наводнили привозимыми то ли из Германии, то ли из Америки красками. Похоже, что они лучше и намного дешевле, чем те, которые здесь изготавливают из марены.

– С каждым днем хуже да хуже! – присвистнул Кайсар. – Где мы зерно достанем, как будем платить налоги?

– Свое власти выжмут. Приведут солдат, начисто подметут наши дворы.

– Это несомненно. А кто воспротивится, того в Сибирь. Ничего. Найдем какой-нибудь выход. А теперь рассказывай, что видел там?

Васал достал почерневший от табака и пота кисет, выбрал из листочков ботвы самый тонкий и начал скручивать новую сигарку.

– В казачьих станицах оставили достаточно сил. Молодых забрали в армию, но казаков возраста от сорока до шестидесяти лет, по-моему, наберется более двух тысяч. Они хорошо вооружены и готовы в любую минуту оседлать коней, выступить в поход. Не знаю, как Сунженский полк, но в Кизлярско-Гребенском полку четыре или пять пушек.

– А в Умхан-юрте?

– Четыреста солдат и одна пушка.

– Спасибо тебе, Васал! Ты сделал большое дело.

Кайсар услышал во дворе говор, и как кто-то спросил о нем. Вскоре вошел Овхад, поздоровался.

Васал вопросительно посмотрел на Кайсара.

– Ты иди, Васал, поболтать к своему другу Мачигу, – попросил старика Кайсар. – Я еще немного подожду Булата.

Кайсар указал удобное место на нарах Овхаду, который сначала было несколько растерялся, застав здесь Васала.

– Садись, Овхад. Правда, жилье у нас бедное. Нет у нас ни мягких кресел на случай таких гостей, как ты, ни ковров постелить...

Овхад стеснялся при встрече с этими людьми. Теперь от упрека или насмешки Кайсара его лицо вспыхнуло красным пламенем.

– Кайсар, будет ли конец вашим упрекам, насмешкам, точнее, вашим издевательствам? – сказал он, присев на край нар и смело глядя Кайсару прямо в глаза.

– Ни то, ни другое. Я говорю правду. Богатый хвалит свое богатство, а бедный жалуется на свою бедность. Но оставим это. Что тебя привело ко мне?

Овхад нечаянно закинул ногу на ногу, потом, увидев сверкающие блеском свои вороненые сафьяновые сапоги, опустил ее и недовольно посмотрел на свою черкеску, украшенную серебряными газырями. И вправду, огромная была разница между его одеждой и поршнями из сыромятной кожи, грубыми, латаными штанами да рваной черкеской Кайсара.

Сняв с головы серую каракулевую папаху и бросив себе за спину, словно желая скрыть ее от глаз Кайсара, и проведя рукой по лихо закрученным черным усам, Овхад устремил на него взгляд своих умных, печальных, но решительных глаз.

– Я ищу тебя, Кайсар, по делу.

– Любопытно, какое может быть дело со мною?

– Нам надо окончательно определить наши отношения.

– Между нами нет никаких отношений.

– Я стремлюсь к вам всей душой, а вы избегаете меня.

Что я плохого сделал вам?

Кайсар сначала громко расхохотался, но, увидев гневные искорки в обычно добродушных глазах Овхада, понял, что шутки тут неуместны.

– Ты-то – это ты, но кто же «мы»? – спросил Кайсар.

– Весь Гати-юрт, за исключением десятка домов.

– И ты не знаешь почему?

– Знаю. Каждого человека, более или менее богатого, вы считаете своим врагом.

— В таких случаях говорят, что на воре шапка горит. Тебе не приходилось слышать, что сытый голодному и сильный слабому не товарищи. У тех десяти домов, о которых ты говоришь, много земель и скота. Власть на их стороне, или иначе говоря, эти холуи, опираясь на силы царских властей, сосут нашу кровь. Мы трудимся, но несмотря на это, голодны и нищи, да еще несправны. Нас угнетают, мы платим государству непосильные налоги, и когда мы поднимаем голос протеста, нас ссылают в Сибирь. Ты же должен понимать, Овхад, каким путем накоплено богатство твоего отца, почему власти лелеяли твоего отца и деда, как выделились среди нас и остальные богачи нашего аула. Ведь государство выделило им земли, по сути принадлежащие другим. У двухсот же семей нашего аула земли меньше, чем у тех десяти семей. И ты еще упрекаешь нас за то, что мы не ластимся к вам, не улыбаемся угодливо, не бросаемся вам в объятия.

Овхад поднялся, раза два прошелся по комнате и остановился перед Кайсаром.

— Это богатство мне всю душу вымотало! — воскликнул он. — Боже мой, причем тут я? Не я же наживал это богатство, не я же должен отвечать за отца и деда? Почему вы должны отталкивать меня, если я учился в Буру-Кале, если я сын богатого человека? Будто я не знаю, что вы собираетесь делать!

У Кайсара от изумления глаза вылезли в лоб.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что знаю о вашем заговоре, что вы готовите восстание против властей, что оно может вспыхнуть не сегодня так завтра!

Кайсар медленно поднялся и, готовый наброситься на него, двинулся на Овхада.

— Ты еще угрожаешь, холуйский сынок? Беги скорей с доносом. Тебе дадут медаль, как давали твоему отцу и деду! Ведь тебя с братьями в Буру-Кале учили всяким подлостям против народа!

Овхад, побелевший от ярости, стискивал кулаки.

— Ты считаешь меня способным на подлость? — трясся он весь. — Доносить? Могу поклясться на Коране, что будь на моем месте некоторые из вас, скорее побежали бы к властям с доносом!



Всегда тихий и задумчивый Овхад сегодня вдруг разговорился. От напряжения на его лбу и носу выступили капли пота. Он вынул из кармана бешмета свернутый вчетверо белый платок, развернул его и вытер лицо. В голове Кайсара клубком вертелись мысли.

«Неужели он испытывает меня? Или говорит от души? Но зачем ему, состоятельному человеку, учившемуся в русской медресе, опекаемому властями, имеющему большое будущее, зачем ему следовать за нами, гонимыми нуждой? Нас же, если дело наше проиграет, беспощадно уничтожат...».

– В конце концов, что ты хочешь сказать? Выкладывай, Овхад, – сказал он, успокоившись.

– Я хочу быть вместе с вами.

– Но ведь наши пути не сходятся.

– Я тоже такой же чеченец, как и вы.

– Но и чеченцы не одинаковы. Как тебе известно, у нас и среди чеченцев есть враги, готовые не только доносить на нас, но и собственноручно зарубить наши головы, не дожидаясь приказа властей.

– Я не из таких...

– А кто знает? На лбу же у тебя не написано, кто ты...

– А на твоём написано?

Кайсар простер перед Овхадом свои потрескавшиеся, со вздувшимися жилами, натруженные руки.

– Вот на этих мозолистых руках написано, кто я есть.

Овхад опустил голову, обхватил руками голову. Кайсар видел, как у него на висках учащенно бились две синие прожилины.

– Если ты узнал нашу тайну и решил запугать нас, из этого ничего не выйдет. Не трудись зря, иди, доноси, – поднялся Кайсар. – Ты опоздал. Но предупреждаю тебя: если ты скажешь об этом хоть слово властям, твоя душа расстанется с телом!

Овхад понял, что разговор окончен, и встал. Застегнув верхние застёжки бешмета и поправив наборный ремень, он протянул руку Кайсару.

– Хорошо, Кайсар. Время покажет, кто из нас друг и кто враг народа. Я знаю русский язык. Более или менее имею советское образование. Потому я надеялся, что могу быть вам чем-то полезен. Но вы не верите. И пусть, бог с вами! Я вста-

ну в ваши ряды, когда вы начнете свое дело. А может, и раньше вас. До свидания.

Кайсар долго стоял еще после его ухода, размышляя над тем, что сказал Овхад. Он никак не мог проникнуться верой к человеку, в жилах которого текла предательская кровь Хорты. Иногда в глубине сердца слышал другой голос. Ведь и Берса был сыном богатого купца, царским офицером. И все же – самый верный сын народа.

Размышления его прервал Магомед, который вошел, громко хлопнув дверью. Окинув комнату беглым взглядом и посмотрев, не идет ли следом за ним кто, он подошел и протянул Кайсару серебряный галун.

– Что это? – удивился Кайсар.

Магомед снова выглянул на улицу и плотно закрыл дверь.

– За Арчхи, на одной поляне... один человек мне его дал. Велел тебе передать. Он был с густой черной бородой, твоих лет, – торопливо проговорил мальчик.

Кайсар повертел в руке серебряный галун и вдруг заметил на нем свое имя. Что это такое? Это же галун с ремня, который он подарил когда-то очень давно Кори, уходившему в Турцию!

Кайсар схватил мальчика за плечо, сильно встряхнул его.

– Где он?

– Сказал, что будет ждать тебя на кладбище Борцов... – испугался Магомед.

– Ты кому-нибудь рассказывал об этом?

В глазах мальчика сверкнула молния.

– Я тебе не девочка, – гордо вскинул он свою маленькую головку, – чтобы ходить и болтать лишнее. Я даже Булату и Умару не сказал ничего.

– Ты настоящий волк, Магомед, – похлопал он мальчика по плечу. – Смотри, об этом никому ни слова.

## ГЛАВА VI

### *ИМАМ АЛИБЕК-ХАДЖИ*

Бей в набат! Я сам схвачу веревку.  
Чтобы все колокола звучали!  
Я дрожу – от гнева, не от страха.  
В сердце – буря гнева и печали.

*Ш. Петефи. К нации*

#### 1

Человек видит только зло, раны, потери, причиняемые ему войной. Но война наносит суровые раны и природе.

Когда-то здесь в Ичкерии были столетние леса, словно горы были накрыты огромным зеленым каракулем. Теперь их почти нет. В годы усмирения горцев царские войска безжалостно рубили и сжигали эти девственные леса, уничтожали первозданную красоту величественной природы.

Многие аулы и хуторы не видны теперь на своих прежних местах. Одни уничтожены, другие переселены на равнины, поближе к крепостям царских войск, под жерла пушек. Во многих местах, где раньше были аулы, теперь обугленные стены и пни вырубленных или сожженных фруктовых деревьев. Зброшенные кладбища без изгородей, с покосившимися и свалившимися надмогильными каменными памятниками, нагоняют безысходную тоску.

Как остаются шрамы и рубцы на теле человека после ран, так следы войны хранит природа. Они видны и в новых рощицах, густо разросшихся вокруг, и лесных просеках, и в одичавших садах разрушенных аулов, да на заброшенных дорогах, которые раньше вели в эти аулы.

Но как прекрасна эта весенняя ночь! Небо усеяно бесчисленными яркими звездами, освещающими природу. А вот луна вышла в свой долгий путь и сурово глядит на страдальницу – землю. И облака, скользящие пониже, будто вытирают ее слезы.

Нарядные леса, которые весна осыпала цветами и окутала зеленью листвы, похожи на пестрый ковер. Мелко дрожа, покачивается на легком весеннем ветру листва. Кажется, она плачет и причитает от какой-то непонятной обиды.

Неужели природа чувствует приближение беды? Неужели опять будут жечь, вырубать, калечить эти зеленые массивы? Вытопчут, скосят, уничтожат эти пестрые от разноцветья поляны, густотравные зеленые луга, кукурузные поля, на которых только что прошла первая прополка?

Эти мысли терзают сердце каждого из всадников, которые едут сегодня ночью на гору Терга-Дук к маленькой поляне, среди дремучего леса.

Эти мысли мечутся и в голове Кайсара. Они гложут сердце и едущего за ним Булата. И Овхада, который последовал за ними, отдав себя в руки судьбы.

Три всадника поднимаются один за другим по узкой и извивающейся, как змея, тропинке через густой лес. Лошади, словно понимают их думы, шагают, мягко ступая, даже не ворочая в зубах удила и не фыркая.

Правда, с наступлением этого часа у Кайсара и Булата на душе стало спокойнее, самое опасное осталось позади. В последние несколько лет не было ни одной безопасной минуты. Боялись, что раскроется их тайна или арестуют товарищей; что дело, которому они посвятили многие годы, вдруг окажется напрасным; что рабское ярмо может навсегда остаться на шее.

Теперь все эти тревоги позади, настал долгожданный день. Ближайшие шесть-семь месяцев решат их судьбу. Победа или поражение! Свобода или смерть! Одно из двух!

Кайсар вчера ездил в Симсир вместе с Кори, тайно возвратившимся из Турции: поздно ночью вернулся в Гати-юрт. У них не было времени посидеть друг с другом, поговорить о сокровенном, насладиться встречей.

В глубине сердца у Кайсара, вопреки его воле, то и дело возникает подозрение к Овхаду, который едет сзади. Кайсар

поручился за него Алибеку. А не раскается ли Овхад в трудную минуту, встретившись лицом к лицу со смертью, в том, что отрекся от счастья и богатства и последовал за обездоленными?

Кайсар чуть придержал коня.

— Овхад, мы подъезжаем к первому посту, — сказал он низким голосом. — Когда минуем его, тебе не будет обратной дороги. Мы поднялись за свободу. У нас нет сил больше терпеть. Если мы проиграем, нас ждут виселицы или еще более страшное — Сибирь. Но для нас лучше смерть, чем эта унижительная жизнь. Ты ни в чем не нуждаешься. То, что мы ищем, у тебя есть. Возвращайся, пока не поздно. Никто тебя не упрекнет за это.

— Зачем повторяться, Кайсар? — покачал головой Овхад.

И вправду, Овхаду надоели наставления Кайсара. С позавчерашнего дня он, наверное, разов десять говорит об одном и том же. Он не знает о той борьбе, которая кипит в сердце Овхада вот уже два года. Не попади Овхад во Владикавказ, не ехать бы ему сейчас в эту лесную глушь. Годы учебы в Горской школе, встречи там с демократически настроенными людьми открыли ему глаза: теперь он глубже и дальше, чем свои соотечественники, видит несправедливость властей и помыслы царских прислужников, считающих себя избранными, а народ — диким, хищным. Не только народ в целом, но даже их, просвещенных, верноподданных России представителей чеченского народа, не считают полноценными людьми. На них смотрят как на прирученных диких зверей, которых приблизили к себе по государственной необходимости, которых за малейшее неповиновение, непослушание можно избить, дать пинком в зад и выбросить со двора. Какие счастливиčky его сверстники Кайсар, Булат и другие. Они не понимают все это. Они видят только свою бедность и нужду. А Овхад на себе испытывает всю несправедливость властей, оскорбления и унижения. Их лицемерие вырвало его из лагеря сторонников царского правительства. Если бы отец не послал его на учебу в Буру-Кала, он тоже сидел бы дома спокойно, как и другие отпрыски богатых, кичась отцовскими магазинами и землями, слепо веря всему тому, что говорят власти. Но время, проведенное в Буру-Кале, открыло ему гла-

за. Он прочитал там все, что написано о чеченцах. Ничего хорошего о них он не нашел. Дикари, хищники, разбойники, варвары и т.д.

Ноша Овхада в тысячу раз тяжелее бедности Кайсара и других. Им нужен хлеб насущный, а Овхаду – свобода, уважение для своего народа. Никакое богатство не очистит душу Овхада от тех чувств, которые вселили в его душу всеильные властители России...

Когда всадники поднялись на гребень, путь им преградил молодой человек, вышедший навстречу из леса с ружьем на перевес.

– Стойте! Кто такие?

При лунном свете Кайсар узнал Нурхаджи из Чечелхи.

– Это мы, Нурхаджи.

– Это ты, Кайсар? Проходите.

Когда проехали между молодыми людьми, стоявшими с оружием по обе стороны от дороги, Овхад облегченно вздохнул.

Теперь обратный путь для него отрезан. И впереди все было туманно. Овхад лучше всех знал бессилие своего народа и могущество его врага.

Но он смело шел навстречу смерти. Ему и рай не нужен без своего народа.

## 2

Когда миновали пост и выехали на освещенную луной большую поляну, взору Овхада открылась удивительная картина. Здесь, занимая всю поляну, стояли более полсотни всадников. Посередине поляны на маленькой площадке высилась куча сухих дров и рядом с ней стояли несколько кудалов и тряпье. Всадники стояли молча, словно каменные изваяния. Тишину эту изредка нарушали фырканы лошадей и звяканье удила. Овхад не видел лиц всадников, но, судя по их посадке, это были молодые люди.

Кайсар, который вышел на площадку, оставив их одних, коротко перемолвился с пятью всадниками, стоявшими особняком, взял один из кудалов и опорожнил его на дрова. Овхад понял, что в этих кудалах – керосин. Тогда другой мужчина спрыгнул с коня, оторвал кусок от тряпья, зажег его от спич-

ки и сунул в валежник, сложенный под дровами. Дрова постепенно разгорелись и осветили поляну.

Из пятерых, к которым подходил Кайсар, сидевшего на сером скакуне Овхад узнал с первого взгляда: это был молодой Алибек. Другие были незнакомы.

Какой-то старик на вороном коне, отделившись от группы Алибека и выехав на середину круга, поднял руку, в которой держал плеть.

– Кто это? – шепотом спросил Овхад.

– Солтамурад из Беноя.

Старик провел рукой по рыжей бороде и усам и слегка кашлянул.

– Братья!

Зычный голос зазвучал грозно на дикой маленькой поляне, окруженной дремучим лесом.

– Братья! Каждый из нас, кто пришел сюда сегодня ночью, оставив дома семью и родителей, прежде, чем сделать первый шаг, хорошо обдумал, на какой путь он ступает, какую ответственность он принимает на себя. Точнее, этот вопрос мы обдумывали не вчера и сегодня. Среди нас имеются люди, у которых поседели головы, думая об этом. Прошли многие годы после того, как мы приняли окончательное решение. Излишне говорить здесь о тех горьких причинах, которые заставили нас собраться здесь. У нас нет земли. То, что мы добываем своим потом и кровью в этих горах и лесах для нашего существования, отнимают у нас налоги. Нас разорили, замучили голодом, бедностью. Над нами совершают неслыханную несправедливость, и тех, кто поднимает голос против нее, ссылают в Сибирь, где они пропадают бесследно. Мы покорились властям, ее законам, но это не только не облегчает нашу участь, с каждым днем все туже затягивается петля на нашей шее. Таково наше положение, если изложить его коротко. Теперь, с вашего позволения, Берса, сын Рохмада, скажет несколько слов.

Берса тронул поводья, выехал на несколько шагов вперед и начал речь. Голос его, сначала спокойный, постепенно усиливался и крепчал, и каждое его слово тяжелым камнем ложилось в сердца слушающих. Этот болезненный человек называл имена легендарных героев, верных сынов чеченского

народа, отдавших свою жизнь за его честь и свободу. Перечислил несправедливости, совершенные правительством против народа в последние десять-пятнадцать лет.

– Терпение наше давно иссякло. Но зная, что у нас нет сил сбросить эту несправедливость, гнет властей, по сей день мы ждали удобного случая, чтобы восстать за наши человеческие права. Сегодня наступил день, которого мы ждали в течение пятнадцати лет. Сегодня дела у царя неважные. Отношения с другими государствами напряженные. Но еще хуже положение внутри страны. Везде и всюду сопротивляются властям русские рабочие и крестьяне, угнетенные народы. Теперь их зовут на битву, им показывают путь люди мудрые, умные, образованные, смелые и мужественные. Не случайно по Военно-Грузинской дороге на юг перебрасывают войско. Туда отправили и терские казачьи войска, полки горцев, в том числе и чеченский полк. Короче говоря, благоприятный день, которого мы так долго ждали, настал. Если мы упустим этот удобный момент, то неизвестно, когда еще он наступит. Нам надо использовать момент и попытаться завоевать себе свободу.

После речи Берсы над поляной прокатился одобрительный гул.

Солтамурад поднял руку с плетью, призывая к тишине.

– Если мы начнем восстание, за нами обещали последовать наши грузинские, дагестанские, ногайские, адыгейские товарищи. Мы пятнадцать лет ждали этого момента, и если мы упустим его, как сказал Берса, то неизвестно, когда он еще повторится. Если вы согласны, поднимемся за нашу свободу. Согласны вы?

– Иншаллах <sup>1</sup>, с Божьей помощью!

– ...Если мы собрались для того, чтобы восстать за нашу свободу против царской власти, тогда каждый из нас должен закрепить клятвой свою решимость и верность делу борьбы за свободу. Согласны вы?

– Сначала надо избрать имама! – крикнули несколько человек.

– Имама мы выберем только тогда, когда мы примем присягу, – твердо возразил Солтамурад. – Хуси-хаджи, подойди

<sup>1</sup> И н ш а л л а х (араб.) – с Божьей помощью.



сюда с Кораном. Молодые, вы разожгите костер поярче. Первым присягу принесут предводители. Тозурка, поставь наше знамя вот сюда. Буду вызывать по именам.

Соскочив с коней в ту же минуту, Кайсар опорожнил в огонь еще один кудал, а Тозурка укрепил знамя на только что очищенном двухметровом древке и водрузил его рядом с Солтамурадом. Хуси-хаджи вышел вперед и застыл, держа в руках Коран.

– Алибек-хаджи, сын Олдама! – громко вызвал Солтамурад.

Лихо спрыгнув с коня, Алибек подошел твердым шагом и, взяв левой рукой за древко знамени, положил правую руку на Коран.

– Я Алибек-хаджи, сын Олдама, перед лицом всех присутствующих здесь, клянусь на этом Коране, – как сталь прозвучал его мужественный голос, – подняться с оружием в руках против царской власти и ее местных холуев, которые угнетают и унижают мой народ, бороться с ними до последнего вздоха, освободить от них свой народ или погибнуть в борьбе за свободу. Не сходить с избранного мною пути, какие бы трудности не встали передо мной, перед моими братьями и сестрами, отдать жизнь за свободу народа. Быть верным имаму и вождям, которые будут сегодня избраны, и отдать за них свою жизнь. Покарать сурово всякого предателя и изменника, – будь то мой отец, моя мать, братья, сестры или мои дети. Не причинять вреда и не давать в обиду ни мусульманина, ни христианина, если он не выступил с оружием в руках, словом или действием против дела свободы. Если я нарушу эту клятву, пусть товарищи по борьбе покарают меня, и я прощаю им свою кровь...

На освещенной лунным светом поляне чисто звучал голос первой клятвы. Затаив дыхание, слушал собравшийся люд. Не было слышно даже шуршания листвы. Прервали свой гомон даже ночные птицы. Казалось, что луна и звезды, вся природа тоже замерли, внимая этому голосу.

Торжественны и величественны были эти минуты.

– Алибек-хаджи, встань по эту сторону, – указал Солтамурад рукой на оставленное пустым место. – Сулейман, сын Хазры!

Каждые три минуты звучал зычный голос Солтамурада, вызывая нового товарища:

- Губха, сын Пиши...
- Гурко, сын Гайты...
- Тозурка, сын Тангатара...
- Янгулби, сын Пирки...
- Ханбетар, сын Яхсы...
- Дада, сын Залмы...
- Мита, сын Апы...
- Косум, сын Бортига...
- Нурхаджи, сын Махти...
- Арсахаджи, сын Геры...

Великан Хуси-хаджи, как каменное изваянье, стоял с Кораном в руках около ярко горящего пламени. Он чутко вслушивался в каждое слово, произносящих клятву. А острый взгляд жгучих глаз Солтамурада испытующе сверкал из-под густых бровей, пронизывая сердце каждого.

Последними произнесли клятву Солтамурад и Хуси-хаджи, и на этом несложный ритуал завершился. Овхад видел тучи печали на лице Берсы. Его голубые глаза не пылали прежним огнем. Теперь предстояло ответственное дело. Каждый обязался отдать жизнь за дело, верности которому дал клятву. Свою-то жизнь они и в счет не брали. Трудно было другое. Предстоящая борьба осиротит множество семей, множество старых родителей лишит сыновей, множество семей будут оторваны от родных очагов. Чем кончится начатое им дело? Победой или поражением? Пусть даже они потерпят поражение, все равно надо бороться. Раб, который не борется за свою свободу – это просто-напросто животное, скотина. А народ, который не борется за свободу, – это не народ, а стадо.

На короткий миг в потускневших глазах Берсы вновь сверкнуло пламя. Свобода требует борьбы, а борьба не бывает без жертв. Чтобы дать народу свет надо сгореть сотням и тысячам. А если никто не захочет сгореть, тогда народ так и останется в непроглядном мраке, не зная, что делать и куда идти, не зная, что над ним творят и как ему поступать.

Когда Берса повернулся к своему коню, который спокойно бил копытом и, вытянув длинную шею, поглядывал

на пляшущие языки пламени, Кайсар подошел к нему и, взяв под узды, подвел его к хозяину. Тот, взявшись правой рукой за луку седла, ловко вскочил на коня и поднял руку.

— Каждый из нас поклялся отдать жизнь за свободу народа. Это легче всего. Трудное — впереди, братья. Поднять народ. Хотя и это не самое трудное. Народ, придавленный несправедливостью и непосильным гнетом, готов подняться по первому же зову. Самое трудное — в другом. Народная борьба требует единства и строжайшей дисциплины. Только тогда мы можем надеяться на успех. То и другое невозможно, если во главе нас не будет умный, смелый, стойкий, справедливый человек с железной рукой. И это еще не все. Он должен быть, во-первых, гуманным — чтобы заступиться за бедных, обездоленных, слабых; во-вторых, он должен быть суровым — чтобы карать врагов народа и предателей. Он должен быть со светлым умом и знаниями — чтобы разгадывать хитрости наших врагов и постигать их тайны. Он должен быть красноречивым — чтобы находить путь к сердцам людей, вести их за собой. Он должен быть искусным воином — чтобы в бою показывать пример мужества и отваги. Нас здесь шестьдесят один человек. Выберем того, кого вы хотите.

Люди не стали задумываться. Со всех сторон послышалось имя Алибека.

- Алибек-хаджи, сын Олдама!
- Он смел и отважен!
- В его голове и ум, и знания!
- У него чистое, доброе сердце!
- Выберем Алибек-хаджи!

Алибек, пришпорив коня, выехал на середину круга. О, как тяжел этот миг, когда внезапно ложится на плечи непосильная ответственность! Ему показалось, что его голова вся вошла в плечи. На мгновение дрогнуло его мужественное сердце. Но все это продолжалось лишь мгновение.

— Братья! — поднял он руку. — Я глубоко признателен вам за оказанное доверие. Как я был бы рад быть вашим вождем, если бы я заслужил сотую долю тех похвал, которыми вы отдалили меня. Но я не тот, кем вам хотелось бы меня видеть. Для нашего сложного, трудного дела нужен вождь с громким именем, которого почитают в нашем крае и за его пределами.

Я человек безвестный, не только в Чечне, даже Нохчмахке. Такой же, как любой из вас. К тому же и молод. Я предлагаю избрать имамом вот этого Солтамурада, сына Солумгеры, или Умма-хаджи, сына Дуи. Мы все хорошо знаем их обоих. Оба были знаменитыми соратниками Бойсангура. Знают военное дело, закалены в боях и трудностях. Их имена известны в Чечне и за ее пределами, только они достойны быть вождами нашего движения.

На сходе, за исключением десятка человек, участвовала в основном молодежь от двадцати до тридцати лет. Из старших только двое-трое поддержали Алибека, а остальные молчали. Среди молодых прокатился ропот протеста.

– Позвольте мне пару слов, – вышел вперед Дада, сын Залмы, – если прислушаться к воле большинства присутствующих здесь, то имамство надо возложить на Алибека-хаджи. И Солтамурад, и Умма-хаджи, как мы знаем, мужчины хоть куда. Но они оба уже стары. Им трудно будет руководить нашим делом. Нынешнее время уже не то. Поэтому имама мы должны избрать из молодых.

– Верно, Дада!

– Лучше Алибека нет среди нас никого!

Солтамурад поднял руку:

– В таком случае я буду называть по очереди каждого из вас. И каждый пусть во всеуслышание выскажет свое мнение об избрании имамом Алибека-хаджи, сына Олдама. Губха!

– Одобряю.

– Гурко!

– Согласен.

– Тозурка!

– Согласен...

Назвав поочередно имена пятидесяти девяти мужчин и не услышав возражения, Солтамурад подошел к знамени, выдернул древко, поднес его к Алибеку.

– Шестьдесят векили <sup>1</sup> аулов Нохчмахка и верховьев Аргуна, от своего имени и от имени своих аулов чистосердечно и единодушно возлагают на тебя имамство, Алибек-хаджи, сын Олдама. По воле этих людей, именем мужчин, женщин и

---

<sup>1</sup> В е к и л – представитель, посланец, делегат.

детей, которые у себя дома ждут исхода совета, я вручаю тебе это знамя начатого правого дела, дела свободы...

Алибек взял знамя, развернул его и обеими руками сжал его древко. Ветер легко всколыхнул при свете костра двухметровое полотнище.

Потом к Алибеку подошли Губха и Гурко, один вручил ему украшенную серебром саблю, а второй накинул на плечи белую бурку.

Алибек, чуть запрокинув голову, устремил свои печальные глаза на чистое небо, освещенное яркой луной и звездами, молитвенно простер руки. Внимательный взгляд постороннего в эту минуту увидел бы, как его губы вдруг высохли, жилы в висках забились учащенно, а всегда румяное лицо побледнело.

— О всемогущий Аллах, ты видишь, ты знаешь, что заставило нас собраться здесь в сердцевине родных гор. Нас вывели на этот путь не сытая и праздная жизнь, не смелость, не мужество, не приключенческие увлечения. Мы собрались здесь в полночь на этой дикой поляне среди дремучих лесов тайком, как воры и преступники. Но никто из нас не совершил зло против человека. Никто из нас не пришел сюда со злым умыслом. Мы пришли сюда, оставив дома голодных, полуодетых малых детей и старых родителей. Голод и нищета, жестокость и несправедливость царских властей заставили нас сменить соху на оружие, выйти на эту опасную тропу. Наши предки не совершали набегов на чужие земли, не захватили клочка чужой земли, не пролили капли чужой крови, не подняли руку на свободу других народов. Наши предки были верными братьями для всех соседних народов, делили с ними горе и счастье. Когда у них радость, мы радовались с ними, когда у них горе, присоединяли к их слезам свои. И мусульманина, и христианина, всех тех, кого преследовали на его родине, мы принимали и принимаем в свой дом, делимся с ними хлебом и солью. В меру своих сил мы старались быть добрыми и человечными, справедливыми и сострадательными, свой насущный хлеб зарабатывали честным трудом, и мы не знаем, за какие грехи ты ниспослал на нас эти страдания. Если наш народ когда-то в чем-то провинился, неужели страдания нескольких поколений не искупили эту вину? Разве недостаточно мы принесли в жертву своих жизней, разве недостаточно наши скитания на чужбине с тоской по родине...

– О Аллах, помоги нам в нашей справедливой борьбе!

– Аминь!

– ...освободи нас от непосильного гнета, верни нам земли, которых ты лишил нас. Нас так мало, подобно капле в огромном море, песчинке в необъятной пустыне, дай нам силу и мужество освободиться от жестокого гнета могущественного царя...

– О Аллах, ответь на нашу молитву!

– ...Дай мне силу и разум оправдать доверие и надежды этих несчастных людей, которые избрали меня своим вождем. Не допускай к моему сердцу несправедливость, в мою голову – преступных замыслов. Если я подниму руку за справедливое дело, укрепи его, если я задумаю несправедливое дело – порazi меня самой страшной смертью...

– Аминь!

– ...когда в мое сердце ворвутся вероломство, трусость и низкие помыслы, когда это знамя дрогнет в моих руках и упадет, в ту же минуту срази меня беспощадной смертью. О Аллах, помоги нашему праведному делу...

Когда прошел этот торжественный момент, Алибек выехал в круг и прошелся взглядом по лицам собравшихся.

– Братья! – голос его уже прозвучал тверже и суровее. – Вам, представителям аулов, показалось, что я умнее, храбрее, образованнее всех вас. Хотя я далеко не тот, каким вы представляете, вы все-таки избрали меня имамом. Я подчинился вашей воле, хотя не считаю себя ни на волосок лучше любого из вас. Принял ваше предложение ради дела свободы нашего народа. Его мы начали, и пути назад для нас отрезаны. Потому, с вашего позволения, я приступаю к выполнению возложенных на меня обязанностей...

Приветствуя молодого вождя, люди дали залпы в воздух, и его эхо прокатилось по лесам и горам.

– Мой ум и отвага, если даже они имеются у меня в действительности, не приведут нас к победе. Кроме того, мы знаем на примерах прежней борьбы, каков бывает результат, когда судьбой народа правит один человек. Я – человек, могу ошибиться. В мое сердце может вкратиться честолюбие, жестокость, вероломство и трусость. Поэтому на трудном пути, который мы избрали, мне нужны умные, смелые, верные по-

мощники. Такие люди, на которых бы я мог положиться и которых бы народ уважал. И я хочу, чтобы вы сегодня же выбрали и утвердили их.

– Назови, кого считаешь достойным! – раздались крики с мест.

– Тебе отвечать за судьбу восстания!

Алибек выждал, пока шум утихнет.

– Дада, сын Залмы, правильно сказал, что главной опорой восстания будет молодое поколение. Но если я молод и мои сподвижники все будут молодые, что же тогда станет с нашим делом? Поэтому я бы хотел, чтобы вы утвердили моими помощниками беноевского Солтамурада, сына Солумгери, отсутствующего нынче здесь зумсоевского Умму, сына Дуи, гуноевца Губху, сына Пиши, центроевца Сулеймана, сына Хазры, зумсоевского Даду, сына Залмы, и ауховского Янгулби, сына Пирки. Если кто-то сомневается в их достоинстве или знает за ними пороки, пусть тот выйдет вперед и скажет.

Никто не двинулся с места. Наоборот, послышались одобрительные возгласы:

– Правильный выбор!

– Безупречные люди!

– Смелые и верные товарищи!

Тогда Алибек разбил аулы на виллаеты и закрепил за ними наибов: Солтамурада – за беноевскими аулами, Сулеймана – за центроевскими, Губху – за гуноевскими и гордалинскими, Абдул-хаджи – за басскими и Янгулби – за ауховскими, Даду – за аргунскими аулами.

– А теперь, друзья, с вашего позволения, я объявляю вам свою волю, – продолжал Алибек. – Помощников мы утвердили. До сих пор наш народ, поднимаясь на борьбу за свободу, поднимал зеленое знамя с восьмиконечной звездой и полумесяцем. Знамя ислама. Мы же встали под древнее знамя нашего народа, знамя цвета людской крови. Оно указывает на то, что поднялись не для газавата. Мусульманскую веру не нам утверждать. Аллах сам завершит и укрепит свою веру. Нам нужна свобода, земля. Поэтому я объявляю вам: всякий, кто предан душой нашему делу – мусульманин он или христианин – будет нам братом, а всякий, кто выступит против нас с оружием, будет нашим врагом, если даже им окажется родной отец, брат

или сын, будь он муллой или хаджой. Быть беспощадным по отношению к нашим врагам – это наш первейший долг. Уважать и защищать любого иноверца, который сочувствует нашему делу или перейдет на нашу сторону, – это долг второй. Долг третий – не обижать мирных людей – как мусульманина, так и иноверца. Мы не будем насильно загонять людей под наше знамя. Это бесполезно, на таких людей мало надежды. Но нам придется жестоко карать тех, кто, присягнув нашему знамени, потом изменит ему. Вы согласны?

В толпе раздалась возгласы, одобряющие речь Алибека. Несколько человек разрядили ружья в воздух.

– Тогда, не откладывая, когда зазеленеют леса, сразу мы поднимаем народ на борьбу за свободу. Однако, пока мы не разошлись, мне хотелось бы высказаться по одному вопросу. Дело, начатое нами, не шуточное. Как сказал Берса, борьба народа за свободу, прежде всего, требует единства и железной дисциплины. Иначе наше дело погибнет. Поэтому нам следует раз и навсегда распрощаться с тем, что может внести разлад, раскол в наши ряды. Как среди собравшихся, так и среди тех людей, которые завтра встанут под наше знамя, будут последователи нескольких вирдов<sup>1</sup>. В Коране Аллах не велел мусульманам делиться на вирды. И пророк Мухаммад запретил это. Он сказал, что в будущем среди мусульман возникнут 72 группы. Из них только одна последует Корану и Сунне<sup>2</sup>, и ее благословит Аллах, а остальные 71 попадут в гиену ада. Вирды разрушают единство правоверных последователей ислама, единство мусульманского народа, вносят раскол, вбивают клин даже между родственниками и кровными братьями и сестрами. С этой минуты на наши плечи ложится ответственность за судьбу народа. Повторяю, в рядах борцов за свободу должно быть национальное и религиозное единство, крепкое как камень. Короче говоря, кто станет под наше знамя, не должен придерживаться религиозных обрядов, кроме как возложенных на них Кораном и Сунной, т.е. Аллахом и пророком Мухаммадом на мусульманский уммат<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> В и р д – религиозная секта.

<sup>2</sup> С у н н а – поступки и высказывания пророка Мухаммада.

<sup>3</sup> У м м а т – община всех мусульман.



Среди людей кое-где прошелся ропот недовольства. Но он стих тут же, когда Алибек поднял руку.

– Я вам опять говорю, Бог сам позаботится о своей вере. Нам же следует отказаться от зикр и всяких вирдов, быть на конях с оружием в руках до той поры, пока не отвоюем себе свободу и землю. И днем, и ночью. До победы или смерти. Да не услышу я ни от кого из вас никаких стенаний! Если говорить о нашем выступлении, то мы соберемся на кхета-шо<sup>1</sup> и наше решение доведем до вас. Я все сказал.

Буквально на глазах у Овхада Алибек весь переменялся. Тело его, до того момента спокойно покоившееся в седле на сером скакуне, вдруг выпрямилось и напряглось. Взор его, подернутый печалью, засверкал молнией. Он вынул саблю из ножен, поднял над головой, обратился к товарищам:

– Кентий! Давайте оставим зикры и споем героическую песню наших предков!

Раздались торжественные голоса, охваченные светлыми порывами. Но они утихли под силой мощного голоса Нурхаджи, прокатившегося по горным кряжам, ущельям, мелодично заструившегося вниз подобно светлому роднику:

Мы родились той ночью,  
Когда щенилась волчица,  
А имя нам дали утром,  
Под барса рев заревой,  
А выросли мы на камне,  
Где ветер в сердце стучится  
Над бедною головой.

– Старый лев, Солтамурад! Ты что стоишь молча? – повернулся Алибек к старику. – Присоединись к нам, старый лев, Солтамурад!

Рыжие усы Солтамурада расплзлись в улыбке и приподнялись, морщины на лбу разгладились, и он громко подхватил, обнажив свои крепкие зубы:

Но поля там ты не встретишь,  
Не будешь овец пасти ты,

---

<sup>1</sup> К х е т а ш о – совет.

Мы дрались с врагами жестоко,  
Нас не одолели князья,  
Как ястребы перья, уступы  
Рыжеют, кровью покрыты,  
Мы камни на них уронили,  
Но честь уронить нам нельзя...

– Сайдул-хаджи! Лорса-хаджи! Разве вы не были молодыми никогда? Покажите, что вы сыны наших отважных предков!

Старики стояли в стороне, заломив на груди пышные седые бороды. Они считали грешным петь светские песни. Но когда до них дошли слова и грозный мотив древней чеченской боевой песни, кровь в жилах взяла верх над благообразными чалмами. Разгладив усы и приставив руку к левому уху, они подхватили с середины заученную еще с детства героическую песню народа:

И мы никогда не сдадимся,  
Накинем ветер как бурку,  
Постелью возьмем мы камни,  
Подушками – корни сосны,  
Проклятье князьям и рабам их,  
Собакам лохматым и бурым,  
Их кровью заставим мочиться,  
Когда доживем до весны...

– Подхватывайте, кентий!  
– Свобода или смерть!

И костры мы поставим в пещерах  
И наших шашек концами  
Усилим огонь их, и пулями  
Пробитые башлыки  
Накинем на сыновей мы,  
Пускай они за отцами  
С князьями схватятся в битве,  
Когда умрут старики...

– Хейт, молодец, Кайсар!

И девушки споют нам песни,  
С песней залечат раны,  
Напомнив о том, что весь их род  
Вольный и боевой,  
О том, что родились они ночью,  
Когда шенилась волчица,  
Что имя им дали утром,  
Под барса рев заревой...

Кори стоял возле Кайсара и смотрел на Алибека, который вдохновенным звонким голосом подпевал героическую песню. Кори вспомнил, как ровно двенадцать лет назад он вместе с другими переселенцами уезжал в Турцию, а друзья приехали провожать его, и они вместе на берегу Мичика пели эту же песню. Тогда Алибеку, Кори и Кайсару было всего по четырнадцать лет. Двенадцать лет назад они дали клятву, возмужав, посвятить свою жизнь борьбе за свободу своего многострадального народа! Теперь настал этот день, ради которого Кори оставался на чужбине, вступил в турецкую армию и терпел там жестокость, несправедливость, издевательства, влачил жалкую жизнь, тоскуя по родине.

«Неужели мечта наша окажется напрасной? – думал он. – Не напрасными ли окажутся наши жертвы?»

«Нет, – услышал он голос из глубины сердца, – смерть, которую принимают за родину, за свободу, никогда не бывает напрасной. Напрасно и позорно жить рабом и умереть рабом. Ведь то, что не сможете вы, продолжат ваши потомки. Вперед, кентий!»

### 3

Человеку кажется, что он может скрыть свои тайны от сердца матери. Однако, связанные невидимыми артериями сердца матерей и детей, всегда бьются в унисон. И где бы ни находилось дитя, его радость и горе отдается в сердце матери – это провидец, его же не обманешь.

Несчастливым было сердце чеченской матери. Оно редко билось радостью за детей. А в те времена – особенно. Родив

сына, она знала, что он не принадлежит ей. Она рожала его не для себя, а для другой, седой древней матери – родины. Если мальчик, только что научившийся ходить, начинал резвиться «верхом» на хворостинке, размахивая прутиком, мать уже знала, что через каких-нибудь пятнадцать лет он на добром коне, увешанный сверкающим оружием, покинет дом и отправится на ратные дела. С этого момента начинались мучения матери. Утром смотрела ему вслед, вознося Богу молитвы. Если донесется до слуха откуда-то стук копыт или топот ног, если ее окликнет кто-то из соседей, у нее по коже пробегал мороз: «Неужели везут его убитым! О Боже милостивый, почему ты не послал мне смерти до наступления этого дня!»... Так пролетали года, десятки лет, ежедневно убивая и воскрешая ее, преждевременно нагоняя на нее старость. Столетиями закалялось сердце чеченской матери. Она знала, что если не сегодня, то завтра или послезавтра, все равно привезут ее сына в смертельных ранах, окровавленного, завернутого в бурку. Что в конце концов она в последний раз будет ласкать его начинающие пробиваться белесым пушком щеки, не утратившие детского цвета губы или седую голову и распаханное морщинами чело.

Настанет ли этот день завтра или послезавтра, но он был неотвратим для каждой матери.

В последнее время у старой Хангиз в груди что-то все пылало. Особенно внимательно присматривалась она к сыну Алибеку. Хотя ни муж, ни сыновья ни о чем не говорили ей, она чувствовала, что над ее семьей, которую до сих пор обходила беда, собираются грозные тучи. А сегодня, когда после полуденного намаза вошел Алибек, мать поняла, что настал тот день, который она ждала с трепетом. Она сидела на миндаре<sup>1</sup>, взбивала в маслобойке масло, когда сын вошел, присел рядом с ней на корточки и, приподняв ее заострившийся подбородок пальцами своей сильной руки, поцеловал ее в обе морщинистые щеки.

Мать удивилась его поцелуям, от которых она в последние несколько лет отвыкла. К тому же она заметила в глубине глаз сына, всегда пылавших огнем, какую-то безграничную печаль. Хангиз молча, вопросительно посмотрела на сына.

<sup>1</sup> Миндар – подушечка для сидения.

– Нана <sup>1</sup>, пришел теперь и черед твоего сына. Его призывает народ, придавленный жестоким царским гнетом, нищетой и несправедливостью. Чеченские вожди поставили твоего сына во главе восстания. Я пришел за твоим благословением, моя старая мать...

Сердце старой Хангиз обдало жаром. Каждое слово, сорвавшееся с уст сына, раздувало пламя, словно кузнечные мехи. Она изо всех сил сдерживала комом подступившее к горлу рыдание, соленые слезы заволокли ее глаза. Она выпустила обе ручки маслбойки, притянула к себе и прижала к щеке черноволосую голову сына, так и замерла.

Голову Алибека жгли падающие на нее слезы матери.

– Ты что, плачешь, нана? – спросил он, не отрывая лицо от ее щек.

Хангиз краешком подола платья вытерла слезы. Она силилась улыбнуться, подбодрить сына, сказать ему несколько ободряющих слов, но побелевшие старые губы дрожали, кривились и никак не повиновались ей.

– Ты не расстраивайся, Ала<sup>1</sup>, я сейчас успокоюсь... Так неожиданно случилось это... так... неожиданно... Поэтому, значит, ты часто звал сюда слепого Хамзата, чтобы я слушала его илли. В твоей-то груди бьется сердце Сурхо, сына Ады, да вот только я далеко не так мужественна, как его мать...

Алибек легонько провел рукой по седым волосам матери.

– Не будь же слабой, нана. Мать Сурхо, сына Ады, отдала народу своего единственного сына, ты же отдаешь лишь одного из шестерых.

– Разве остальные пятеро останутся дома, отправив тебя? – глубоко вздохнула мать, успокоившись наконец. – Они ведь тоже последуют за тобой...

Момент, которого больше всего боялся Алибек, никак не проходил. Слезы и биение сердца старой матери терзали ему душу.

– Которую мне выбрать из двух матерей? – Алибек стал на колени перед матерью, прижался лицом к ней. – И ты моя мать, и родина мне мать. Одна меня удерживает, а другая зо-

<sup>1</sup> Нана – мать.

<sup>2</sup> Ала – ласкательно Алибек.

вет. Если ты благословишь меня, я пойду на зов нашей древней матери... Она же нам всем мать, мать всех матерей...

Алибек слышал, как биение сердца матери постепенно успокаивается. Хангиз тихо приподняла обеими руками голову сына и заглянула в его красивые глаза:

– Я отдаю тебя ей, Алибек, нашей многострадальной матери-родине. Я же для нее родила вас, – промолвила она. Потом наклонилась и покрыла горячими поцелуями глаза, лоб, покрытые курчавой бородой щеки сына. – Вставай. Взгляни на меня. Видишь, я успокоилась. Иди себе спокойно. Да поможет тебе и всем вам Аллах...

Но когда сын вышел, она присела на краешек нар, обхватила голову обеими руками и дала волю сердцу, сдержать которое стоило ей таких больших усилий...

С женой Алибек все уладил без особого труда.

– Ну-ка, Зезагиз, посмотри в мои глаза! Да улыбнись-ка мне так же кокетливо, как ты это делала, когда я приходил к тебе на свидания к родинку, – кивнул Алибек головой и подмигнул ей. – А ну еще, еще! Вот так! Невеста у меня не из плаксивых! Ну, а теперь подай мою саблю!

Как бы тревожно не было на сердце, чтобы не расстраивать мужа, Зезагиз стала невольно выполнять просьбу мужа. Она сняла висевшую над войлочным ковром на стене покрытую серебром саблю, держа на обеих руках, протянула ему.

– А теперь подставь свою щечку! Другую! Прощай!

Через полчаса Алибек на сером коне выехал из аула в сопровождении нескольких всадников.

У Зезагиз, стоявшей у окна и взглядом провожавшей его, из глаз обильно полились слезы. Плачущая тайком навзрыд, она не заметила, как вошла ее маленькая дочурка и как она стала рядом, держась за краешек ее платья.

– Нана, почему ты плачешь?

Сехабо смотрела на мать снизу вверх испуганными глазенками. Мать не ответила ей. Спазма давила ее горло, не в силах произнести слово. Она наклонилась, взяла дочку на руки, положила ее маленькую курчавую головку себе на плечо и, прижавшись к ней щекой, притихла...

## ГЛАВА VII

---

### ТУЧИ

Народ пока что просит... просит вас!  
Но страшен он, восставший на борьбу.

*Ш. Петефи. От имени народа*

#### 1

Командир 80-го Кабардинского пехотного полка флигель-адъютант полковник Михаил Иванович Батьянов сегодня, как обычно спокойно занимался полковыми делами.

Даже в свободное время негде было поразвлечься в этом Хасав-юрте, расположившемся на берегу маленькой речушки Ярыксу, на равнине, под постоянными восточными ветрами. Выйдя из крепости, человек попадал в узкие кривые улочки с беспорядочно разбросанными по бокам мазанками из самана. И те были всегда наводнены пестрыми потоками разноплеменных горцев.

Среди них выделялись кумыки, которые вели мирную жизнь после заката времен шейх Мансура и по сравнению с другими местными народностями имели более высокий уровень быта и культуры. На каждом шагу встречались представители всех горских народностей, прибывшие сюда на базар наниматься на работу, кустарничать или попрошайничать: дагестанские горцы в мохнатых папахах, с кинжалами, повязанными поверх засаленных длинных тулупов с зауженными концами рукав; чеченцы, которые, несмотря на свою крайнюю бедность, все же поверх лохмотьев обвешаны драгоценным оружием и восседают на великолепных конях; самона-

деянные купцы и мещане, презрительно рассматривающие этот пестрый сброд.

Но полковника беспокоит совсем другое: война. С прошлого года правительство стягивает войско к Балканам и Закавказской границе. В этих частях находятся много знакомых офицеров Батьянова. А вчера Россия объявила войну Турции. Конечно, не легко добровольно отправиться в военное пекло. Спокойнее – отсидеть в глухом захолустье. Однако не хорошо сидеть здесь и томиться без дела, когда многие знакомые офицеры на фронте. Кроме того, он не только лелеял мечту, но был уверен в том, что мог бы отличиться на войне и получить генеральский чин. Полковник не сомневался в том, что ушедшие на турецкий фронт офицеры, которые по рангу были равны ему и даже ниже, вернутся оттуда прославившимися подвигами, повышенными в чинах.

Весеннее солнце давно поднялось высоко над горизонтом и приятно согревало широкую спину полковника, сидевшего у окна. В углублениях, образовавшихся на местах, где сдвигалась кожа его холеной шеи, поблескивал пот. Как ни рано лег он вчера спать, убаюканное радушными мыслями и приятным теплом его тело клонило ко сну, веки голубых глаз смыкались.

Михаил Иванович широко зевнул, распростер руки, проделал гимнастику глаз, то широко открывая их, то закрывая и, поднявшись, подошел к окну. Во дворе старательно копошились в свежем лошадином помете несколько белых кур и пестрый петух с белыми и черными крапинками, принадлежащие слобожанам. Петух ходил, высоко поднимая ноги и гордо выпятив грудь. Он выискивал зернышки овса, а найдя, издавал гортанное «кох-кох», подзывал кур и начинал хлопать крыльями, как бы желая каждым движением подчеркнуть свое превосходство.

Чуть поодаль несколько солдат чистили жерла орудий. За крепостной стеной на плацу раздавалась матерщина унтера. Когда полковник, желая идти домой, тронулся было с места, дверь вдруг распахнулась, и в кабинет влетел поручик Рыжков. По тому, как он запыхался, и по его вытаращенным глазам, полковник понял, что весть, принесенная Рыжковым, не из ряда обычных.



– Ваше высокоблагородие! – выкрикнул он. – Начальник округа подполковник Петухов убит, его помощник капитан Юзбашев ранен!

Некоторое время полковник стоял ошеломленный, разинув рот, не в силах что-либо спросить.

– Как же это случилось? – наконец выдавил он из себя.

Рыжков, который успел несколько прийти в себя, рассказал происшедшее.

Оказывается, Петухов объезжал аулы и, обнаружив что в одном из ауховских сел некоторые люди не уплатили налоги, вызвал их в канцелярию сельского старшины и стал отчитывать. Люди терпеливо слушали его оскорбительные выпады, но когда подполковник подошел к одному старику и дернул его за ус, тот выхватил кинжал и тут же уложил его. Бросившийся на помощь начальнику капитан милиции Юзбашев получил ранение. Он лежит в крепости Кешень-Аух.

– Прикажите стрелковому батальону на плацу прекратить учебные занятия и быстро собраться в поход! – распорядился полковник, надевая фуражку.

Поручик отдал честь и вышел.

«Неужели это бунт? – размышлял полковник. – Ведь тихо было в Ичкерии, даже без единого дуновения ветра. Если судить трезво, мы должны были знать, что в случае войны с турками, чеченцы обязательно что-нибудь затеют. Тем более, что одну смуту, подготовленную ими в прошлом году, уже раскрыли. Что же делать, если начнется мятеж? Ведь многие войска переправлены отсюда в Закавказье. Вся моя вооруженная сила – тысяча триста штыков да немногим более ста милиционеров в Буртанае – вряд ли справится, если с гор ринется полчище нескольких тысяч горцев.

За эти несколько минут гарнизон загудел, словно разъяренный палкой улей. По двору бегали солдаты, отозванные с плаца. Слышались ржание лошадей, приказы офицеров. Куры, которые чуть раньше мирно ковырялись в навозе, с шумом разбегались в разные стороны.

При выходе встретившийся у двери офицер из канцелярии округа вручил Батьянову пакет: «Пошлите в крепость Кешень-Аух, где лежит раненый капитан Юзбашев, одну-две роты солдат».

— Вызвать командира первой стрелковой роты штабс-капитана Ярутина! — приказал он проходящему мимо солдату.

Штабс-капитан явился в ту же минуту, но не успел он получить приказ, как вслед за первым полковник получил новый пакет: «Как командира полка, прошу Вас взять на себя обязанности начальника округа».

У Батьянова вдруг созрело решение: стоит ли раздувать дело до такой степени, бросая туда войска?

— Чем они там занимаются? — проворчал полковник. — Посылают клочки листов по одной строчке! Господин штабс-капитан, я отменяю свой приказ. Я сам поеду туда с несколькими конными. Пошлите туда вестового, пусть старшины к моему прибытию соберут всех жителей аула на площади.

Когда он направился к казармам, навстречу ему попал Абросимов.

— Господин полковник, правда ли то, что я услышал?

— А что вы слышали?

— Говорят, чеченцы восстали?

— Пустяки... — махнул рукой Батьянов. — Подобный шум они часто поднимают.

— И начальников округа часто убивают?

— Ну, это уж первый случай...

— Выходит, что дело не шуточное?

Батьянов не ответил.

— Вы собрались туда с отрядом?

— Да, надо наказать преступников.

— Разрешите мне поехать с вами?

— Нельзя, — коротко отрезал полковник.

— Почему?

— Вы же умный человек, Яков Степанович, а задаете такие наивные вопросы. Вы же не военный. Что вы будете делать в отряде?

— Я собираю материалы об истории и быте чеченцев...

— Господин Абросимов, выберите для своих забав другое место и другое время. Там нечего делать штатскому.

— Я же путешествую по разрешению начальника области...

— Видите ли, обстоятельства изменились.

Полковник, оставив расстроенного Абросимова, поторопился дальше, ругая про себя этого взбалмошного штатско-

го. Кто он, откуда взялся? Батьянов много перевидал таких историков. Капитан Рихтер рассказал ему, кто он на самом деле. «Если я споткнусь нечаянно, раструбит во всех газетах. Нет, господин демократ, я не из глупых, чтобы так просто попасть на вашу удочку».

Батьянов, выезжая из крепости, на всякий случай возложил руководство на майора Козловского и с кавалерийским эскадроном тронулся в путь. До Кешень-Ауха отсюда было не более пятнадцати верст. Он ехал иноходью впереди эскадрона на несколько шагов и размышлял о сложившейся ситуации. Да что он, с ума сошел – дернуть чеченца за ус! Они же даже матерщины не терпят, за кинжал сразу хватаются. Уж лучше бы кинжалом ударил или стрельнул из пистолета, чем за ус дергать. Чеченец прощает рану, нанесенную оружием, но считает величайшим позором удар кулаком, пинком, не говоря уже о том, что произошло. А Петухов пегушился не там, где это сходит с рук. Да отправится он в преисподнюю прямым ходом, сварил мне эту кашу и подох. Но может, Рыжков сгустил краски? Что ж, накажем виновных – и все уладится.

Но все надежды полковника рухнули, когда они в дороге к Кешень-Аух стали наткаться на чеченские аванпосты. Вооруженные люди, одетые в лохмотья, не препятствуя, молча пропускали всадников, провожая их злыми взглядами. И не было понятно, то ли они не хотели обострять положение, то ли боялись силы властей, то ли помышляли впереди какой-то подвох. Как бы там ни было, полковник ехал с гордо поднятой головой, не выдавая свою тревогу, будто и не замечал этот сброд нищих.

Прибыв в Кешень-Аух, Батьянов, прежде всего, навестил капитана Юзбашева. Капитан рассказал о смерти Петухова точно так же, как он об этом слышал раньше.

- Виновного поймали? – спросил Батьянов.
- Нет, ваше высокоблагородие.
- Почему?
- Не успели. Люди укрыли его.
- А укрывателей?
- И они сбежали в Ичкерия.
- Много их?

– Около полусотни.

– Почему не арестовали других жителей?

Капитан растерялся.

– Во-первых, они не виноваты. Во-вторых, я не решился на это силами одного лишь гарнизона. По нашим сведениям, в Ичкерии далеко не спокойно.

– Что же там происходит? Почему мне ничего неизвестно?

– Да и ко мне эти сведения поступили лишь сегодня утром. Ничего особенного, но, говорят, люди в последние дни стали не подчиняться представителям власти. Кто знает, что у них на уме...

Когда полковник подъезжал к аулу, нагнавший его солдат из гарнизона сообщил, что горцы полчаса назад совершили налет, угнали с пастбищ две с половиной сотни обозных лошадей и в перестрелке убили двух солдат.

– Да это же настоящий бунт! – невольно воскликнул полковник. – В какую сторону их угнали?

– В сторону Зандака, ваше высокоблагородие, – подтянулся солдат.

Батьянов глубоко раскаялся, что не взял с собой хотя бы две роты солдат. Ибо даже Кешень-Ауховского гарнизона недостаточно, чтобы броситься вдогонку этим ворам или мятежникам.

– Поручик, вам придется быстро вернуться в Хасав-юрт. – Он достал из кармана блокнот, записал несколько слов и протянул Рыжкову вырванный листочек. – Майору Козловскому. Пусть pošлет кумыцкую сотню в самые близлежащие чеченские аулы. Пусть передадут жителям, что лошадей угнали по их территориям, следовательно, сделано это не без их участия, а значит, ответственность в равной мере ложится и на них; если они начнут упираться, пусть скажут им, что следом за сотней движется войско, чтобы наказать аулы. Кроме того, скажите, чтобы выслал сюда марш-броском три батальона на ауховские аулы.

Когда отряд достиг центральный майдан Кешень-Ауха, там была такая плотная толпа, что, казалось, стреле некуда упасть. Собрались не только мужчины, но и женщины, которые стояли у изгороди. При появлении полковника с отрядом толпа колыхнулась, словно море, над ней пронесся грозный ропот.

Навстречу Батьянову выбежали аульный старшина и с ним несколько богачей. Они уставились на него испуганными, подобострастными глазами в надежде на то, что большой начальник, если и не заговорит с ними, не одарит их улыбкой, то хотя бы удостоит их взглядом. Двое парней, по-видимому, их сыновья, подбежали к офицерам и взяли коней под уздцы и схватились за стремяна. Но полковник, не удостоив вниманием ни угодничающих аульских богачей, ни их отпрысков, молча миновал их и остановился в гуще толпы.

— На несколько дней я буду вашим хакимом <sup>1</sup>, — сказал он, скользнув взглядом поверх заросших мужских лиц. — Будучи военным, я не вмешиваюсь в политику. Трепать перед вами языком тоже у меня нет ни умения, ни желания, ни времени. Я требую от вас правды. Тогда и от меня вы тоже услышите правду. Ну-ка, выкладывайте, почему вы убили хакима, посланного царем управлять вами? Да знаете ли вы, что я с вами сделаю?

Стоящий рядом кешень-ауховский старшина громко перевел слова полковника. Люди стояли молча, как ни в чем не бывало, как будто перед ними — не представители власти и даже не люди, а какие-то диковинные звери. Наконец вышел на два-три шага вперед человек лет пятидесяти, сухощавый, длинный как жердь, с большим крючковатым носом. Он провел легонько рукой по тронутым сединой, свисающим усам, кашлянул, настраивая голос на подобающий случаю лад, положил левую руку на рукоять кинжала и, подбоченившись, устремил свой смелый взгляд на полковника.

— Я скажу тебе правду, — заговорил он хриплым голосом. — Ты спрашиваешь, с чего все это началось? А разве ты сам этого не знаешь? Разве ты не видишь нас, оборванных, как последние нищие? — Чеченец раздвинул ворот одетой на голое тело рваной черкески и обнажил широкую грудь с кудрявыми волосами. — Или ты детей наших не видел, голодных? Неужели вам недостаточно чинимой вами неслыханной несправедливости? Мы не можем на своей подводе ни на поле, ни на базар, ни за дровами поехать. Все время вам дороги строим, ваши войска перевозим, вашим хакимам служим.

---

<sup>1</sup> Х а к и м — начальник.

И хоть бы даже тогда в покое оставили. Кто бы ни навелся, каждый приходит обложить нас налогами. Но как же нам платить вам налоги, если у нас нет для посевов земель, нет своей скотины?

- Шкуру с нас сдираете!
- Семь шкур стараетесь содрать!
- Кости наши уже стали скоблить!
- Ну шумите, люди! Пусть один Янгулби говорит!

Выждав, пока шум уляжется и проведя языком по высохшим, потрескавшимся губам, Янгулби продолжил:

– И вправду, даже семерым не под силу снять штаны с того, у кого их нет. Так гласит чеченская поговорка. Мы просили того хакима-полконака, чтобы он дал нам отсрочку до весны, чтобы мы могли поехать на заработки на Терек, наниматься к богатым казакам или найти какой-нибудь другой выход заработать грошей. Хаким и слушать не хотел. Доведенный до отчаяния, один наш старик немного громко заговорил с хакимом укурга. Потому что был старше его, и наш народный обычай позволял ему. А хаким-начанник дернул его за ус...

В толпе раздалась сердитые возгласы.

- Вы что, принимаете нас за рабов?!
- Чтобы вы наших матерей поносили?!
- Остальное мы все терпели, но руками к нам не прикасайтесь!

– Люди правы, полконак. – Чернявое лицо Янгулби, раззадоренное выкриками, прямо сверкало. – Мы других не оскорбляем, но и сами не терпим, когда нас оскорбляют. Лучше бы он не дернул за ус, а разрубил его пополам саблей, – и тогда не дошло бы до этого. Или бы арестовал да отправил в Сибирь. Воюйте с нами, деритесь с нами с оружием в руках, убивайте нас, но не трогайте нас руками и не требуйте снимать папаху при встрече с вами. Папаху, борода с усами и кинжал – это признаки мужской чести и достоинства. Старик убил начанку укурга, когда тот дернул его за ус. И правильно сделал. Я тоже убью того, кто тронет мои усы!

Батьянов внимательно слушал перевод старшины, который тот делал на ужасно исковерканном русском языке. Последние слова, сказанные долговязым чеченцем, понравились

полковнику. Повадки Петухова, действительно, походили на задиристого петуха, который, не зная своих сил, суется везде и всюду, кричит до хрипоты да лезет в драку.

– Есть у вас еще что сказать? – окинул взглядом толпу Батьянов, нахмутив брови.

– Я скажу несколько слов!

Расталкивая локтями людей, расторопно вперед вышел крепко сложенный старик и остановился.

– Кроме того, полконач, ходят слухи, что нас насильно будут отдавать в солдаты, – начал он, часто поглаживая бороду. – Говорят, что у нас и последние клочки земли заберут, и налоги за каждую курицу будут брать...

Путь к сердцу человека лежит через желудок. Редкий человек не утрачивает мужество и волю при голоде. Нехватка земли постоянно разжигала вражду между людьми. Нередки были смертельные исходы и междоусобицы из-за межей. Власти создали специальную комиссию для разрешения земельного вопроса, уточнения межей, закрепления участков за жителями аулов.

Однако, как теперь убедился Батьянов, цель этой комиссии чеченцы поняли совершенно превратно.

– Не бойтесь, что вас возьмут в солдаты, – брезгливо сморщился полковник. – Разве из вас, солдаты? Таких олухов, как вы, в лучшем случае, в милицию, может, и примут. И ваши побасенки о налогах тоже излишни. Беднее, чем сейчас, вы никогда не будете, а если станете богаче, то и налоги будем взимать. Да и за свои земли не дрожите. Землемеры, о которых вы судачите, закрепят за вами ваши земли, определяют точные границы, чтобы раз и навсегда положить конец вашим дракам из-за межей. Но будь я у вас начальником, я бы оставил все, как есть. Чтобы вы пороли кинжалами брюхо друг другу, как скорпионы, истребляли друг друга.

Полковник бросил взгляд поверх толпы, закручивая двумя пальцами кончики усов. Люди, не поняв его, молча ожидали перевода.

– Стоит мне обронить одно слово, – продолжал полковник, – прибывшие из Хасав-юрта войска превратят ваш аул в пепел. Я не знаю, кто из вас убил начальника округа. Если выдадите виновного, я накажу его одного, не выдадите – всех.

На размышление даю вам одну ночь. Если завтра до восхода солнца убийца не будет в моих руках, тогда не виляйте мне хвостами. Помяните мое слово, на месте, где стоит ваш аул, будет пепел. Несколько человек повешу, остальных отправлю в Сибирь.

Когда слова эти были переведены, люди зашумели.

– Чего они орут? – спросил Батьянов переводчика.

– Говорят, что им не найти виновного.

– Почему же не один, а все вместе орут, как ослы? Долговязый, говори ты, – указал полковник на Янгулби.

– Тот, кто убил начанка, бежал в Ичкерию, – твердо сказал Янгулби. – Он старец, прожил сто лет. Не он виновен, виновен тот хаким-начанник. Над ним свершился божий суд. Нам кажется, будет справедливо, если на этом прекратят дело.

– Скажи им, пусть выдадут его родственников.

– Их тоже нет. Они бежали со своим родичем.

– Хорошо тогда, – заговорил Батьянов, выслушав ответы. – Я хотел закончить дело мирно. Но вы заупрямились. Так, по этому вопросу все. Ну, а кто же украл казенные лошади за полчаса до моего приезда?

Люди удивленно переглядывались.

– Мы не слышали об этом, ваше высокоблагородие, – ответил за всех испуганный старшина.

– Как вы не знаете, когда из-под вашего носа уведут около трехсот лошадей? – прикрикнул на него Батьянов. – Не только знаете, могу поклясться, что вы в сговоре с воровской шайкой! Сию же минуту организуй погоню за ворами. Их угнали в сторону Зандака. Если лошади не будут возвращены до вечера, я учиню над вашим аулом такое, что вы забудете родную мать. Вы же отвечаете за преступления, совершенные на вашей территории. Вы и начальника власти убили, и лошадей дали увести. Хотите – верните угнанных, хотите – отдайте своих. Завтра утром у нас будет другой разговор.

Оставив опечаленных людей, Батьянов тронул коня с места. Подскочивший к нему старшина попросил зайти на чай, но тот даже не взглянул на него.

Янгулби слушал полковника внимательно, следил за его хитрыми и злыми глазами. Он понял, что тот готовит какое-то вероломство.



Как только спина Батьянова скрылась из виду за поворотом улицы, Янгулби отыскал своих товарищей и поспешил покинуть аул.

Вечером случилось то, о чем он подозревал. Кумыцкая сотня и две роты солдат, прибывшие из Хасав-юрта, окружили аул, увели каждого десятого мужчину...

## 2

Пять дней, прошедшие после последнего совета вождей на Терга-Дук, для Алибека и его ближайших помощников были полны беспокойства и хлопот.

Возложив мобилизацию повстанческих отрядов в Ичкерии на Солтамурада, Сулеймана, Губху и Абдул-хаджи, в Аухе — на Янгулби, а в верховьях Аргуна — на Дадуду Залмаева, сам Алибек поехал в Салатавию и Анды.

Он вернулся оттуда позавчера и, собрав сведения отовсюду, сегодня приехал в Гати-юрт, чтобы с Берсой и Кори окончательно решить вопрос начала восстания.

Тускло горящая в доме Кайсара лампадка заполнила комнату горьким чадом. Берсу, полулежавшего на тахте, часто охватывал продолжительный кашель. Макка, когда гости поели, прибрала перед ними и, взяв с собой детей, ушла к Айзе.

Мужчины остались в доме одни. Во дворе, в саду и на улице на часах стояли Булат, Юсуп и Умар. Кайсар вышел проверить посты и вернулся вскоре, поставив в углу у двери ружье, сел напротив на низкую табуретку.

— Оставь, Кайсар, дверь открытой, — сказал Алибек, беспокоившийся за Берсу. — Этот чад и здоровому человеку трудно переносить.

— Ничего, Алибек, я потерплю. Расскажи, как обстоят дела?

Алибек поправил за поясом кинжал и по-восточному сел на тахте лицом к Берсе.

— Я буду краток. На даргоевцев, белгатинцев и гордалинцев надеяться не приходится. Даттаховцы и гендергеновцы еще колеблются. Бильтинцы никак не могут прийти к общему согласию. Все остальные тейпы готовы подняться хоть завтра.

- А аккинцы <sup>1</sup>?
- Аулы, расположенные вокруг Кешень-Ауха, с нами.
- Дагестан?
- Как только мы начнем дело, в тот же день поднимутся дилимцы, алмакинцы и миатлинцы.

На улице поднялся легкий ветерок. Огонек лампадки дрогнул и потух. В комнате установилась непроглядная тьма. Когда Кайсар поднялся, чтобы вытащить из печи головню, Кори остановил его:

- Не надо, Кайсар. Так удобней.
  - Сколько бойцов наберется?
  - С десяток тысяч.
  - Входят ли в их число люди с плоскостных аулов?
  - Нет. От них все еще нет окончательного ответа. Там много наших единомышленников, но боятся войск, расположенных в соседних крепостях.
  - Как малы наши силы по сравнению с царскими войсками! Десять тысяч человек против двадцати пяти тысяч солдат и ста пушек...
  - Да и те десять тысяч тоже под сомнением. Хоть бы пять тысяч набралось.
  - Если одержим здесь победу и выйдем на равнину, ряды наши пополнятся. Народ там пока боится, но поднимется, когда мы появимся у них.
  - И все-таки, Алибек, на них мало надежды.
  - Если поднимется Дагестан, то дела будут не так уж и плохи.
  - Если их вожди сдержат свое слово.
  - Я глубоко уверен в наших соседях.
- Они еще не приступили к главному, когда со двора послышались шаги. Кайсар схватил ружье, прислоненное к стене.
- Кто там? – крикнул он, выскочив во двор.
  - Это я, Овхад.
  - Случилось что?
  - С доброй вестью, кентий, – торжественно заговорил он, войдя в дом. – Радостная весть! Война началась.

<sup>1</sup> А к к и н ц ы или ауховцы – чеченцы, жившие в северо-восточной части Чечни (ныне – на территории Дагестана).

– Какая война? – спросили одновременно Берса и Алибек.  
– С турками!  
– Ты серьезно говоришь?  
– Серьезно.  
– Где ты это слышал?  
– Отец наш только что вернулся из Грозного. Он привез это известие. Позавчера Россия объявила войну Турции.

– Вот теперь у нас больше надежды на успех, – сказал Кайсар. – Надо ускорить восстание. Не откладывая!

– Не надо спешить, Кайсар. Может, хотя бы половины здешних войск перебросят на фронт. Подождем. К тому же и с подготовкой у нас не все закончено. Нам требуется еще не менее десяти дней, – осадил его Берса.

Их разговор оборвал Юсуп, который, приоткрывая дверь, заглянул в комнату.

– Какой-то человек ищет Алибека.

– Откуда он?

– Говорит, что с Акташ-Ауха.

– Имя?

– Янгулби.

– Пусть заходит.

Как только было произнесено имя Янгулби, Алибек почему-то сразу понял, что его появление не случайно. Алимхан не по любому делу стал бы называть место нахождения Алибека, да и Янгулби не стал бы просто носиться по его следу.

Долговязый Янгулби вошел, заполнив собой дверной проем, в темноте ограничился общим приветствием и остановился посреди комнаты.

– Что тебя привело сюда, Янгулби? – спросил встревоженный Алибек, когда, привыкнув к темноте, он присел на предложенное место.

– Не просто, Алибек, не для прогулки пришел... Нет ли тут чужих?

– Нет. Здесь все свои.

И Янгулби рассказал о событиях в Аухе.

– Пришли войска из Хасав-юрта, идут поголовные аресты, – закончил он свой рассказ.

Сообщения Янгулби ошеломило присутствующих. Преждевременное выступление ауховцев в корне расстраивало их планы.

– Ну, а ты и твои товарищи, вы-то где были? Почему допустили этот произвол? Какая польза от убийства начальника округа? Вместо него завтра другого поставят.

– Это случилось неожиданно, – растерянно ответил Янгулби. – Кто мог подумать, что этот дурной полконак дернет старика за ус, а тот зарубит его кинжалом...

– Кто лошадей угнал известно?

– Нет. Следы ведут в сторону Зандака.

Над гребнем за Аксаем поднялся молодой месяц, похожий на ломоть дыни. Во дворе соседей старая собака подняла хриплый лай. За домом, на холме, как и каждый вечер, стояла Баната и, визгливо голоса, звала своего сына домой.

Сложившаяся обстановка заставила товарищей пересмотреть планы.

– Мне кажется, нам следует начать восстание прежде, чем власти узнают о наших намерениях, – сказал Янгулби. Сегодняшние события повлекут за собой аресты не только по всему Ауху, но и Ичкерии. В руки властей, между прочим, могут попасться и наши товарищи. Раз мы готовы, зачем откладывать дело?

– Все это не так просто, – несколько сурово заговорил Алибек, – мы не готовы к восстанию.

– И все же нам следует поторопиться, Алибек, – сказал Кори.

– Я решительно возражаю, – вмешался Берса. – Сперва посмотрим, какими силами мы располагаем, а затем примем окончательное решение. Лет двенадцать тому назад мы заготовили в достаточном количестве оружие и боеприпасы. В аулах обучили молодежь военному делу. Создали боевые отряды, во главе которых стояли закаленные в боях опытные сотники. Были избраны вожди для общего руководства восстания, и каждый из них знал свое дело. Мы наперед взвесили и наметили каждый шаг. Теперь от тех вождей остался только один Солтамурад Беноевский. Остальные – одни постарели, другие умерли, третьи пропали без вести в Сибири. Вы избрали молодых вождей. Ну, а дальше?

– Оружие и боеприпасы у нас имеются, – сказал Кайсар. – В аулах созданы отряды, во главе с верными людьми. Все они готовы в любую минуту с оружием в руках сесть на коней.

– Но, Кайсар, поднять народ – это простое дело, – прервал его Берса. – Надо взвесить и наметить каждое действие. Например, куда нанести первые удары, какие территории захватить, как их за нами закрепить, как обеспечить войско продовольствием, какие требования предъявить властям. Таких дел много. Чтобы обдумать все это, подготовиться к действиям, требуется время.

– У людей переполнилась чаша терпения, Берса! – воскликнул Янгулби. – Народ не в силах терпеть дальше. Говорят, что в России русские мужики оказывают сопротивление властям. Нам надо воспользоваться моментом и начать восстание. Если мы, руководители, отречемся от наших целей, все равно народ восстанет. Восстанет стихийно, без руководства. Это кончится гибелью тысяч людей. Если даже у нас не завершена подготовка к восстанию, нам следует встать во главе народного движения. А те задачи, Берса, которые ты выдвинул перед нами, будем решать постепенно.

– Янгулби прав...

– Да, нельзя бросать народ на произвол судьбы. Будут напрасные жертвы...

– Что же тогда, Алибек, народ тебя избрал имамом. За тобой последнее слово, – отступил Берса. Его утомила эта краткая словесная схватка, он замолк, с хрипом учащенно дыша...

– Я присоединяюсь к Янгулби, – сказал Алибек. – Не мы начинаем восстание и не нам его остановить. Мы не имеем право самоотстраниться от народного дела, бросать его на произвол судьбы. Чем быстрее мы возьмем его в свои руки, тем лучше. Мы должны, мы обязаны это сделать. Давайте обсудим ближайшие задачи. Откуда нам начинать первые удары?

– С Ведено, – бросил Кайсар, не задумываясь.

– Нет, в первую очередь следует занять Хасав-юрт, – решительно возразил Янгулби. – Там войск больше.

– Зачем нам Хасав-юрт, который стоит на отшибе? Не лучше ли взять Ведено, а затем выйти на равнину?

– Оставьте споры, – перебил их Алибек. – Что ты скажешь, Берса?

– Перед нами два пути. Занять крепости Ведено, Эрсе-ной, Кешень-Аух, Буртанай и перебросить восстание на рав-

нину, — это один путь. Он хорош в том случае, если нам удастся занять эти укрепления за один день. Но если дело затянется на несколько дней, противник сможет подтянуть войско с равнины...

— А второй?

— Сразу выйти на равнину и, подняв плоскостные аулы, захватить там военные укрепления и дальше двинуться на Грозный, тогда за нашей спиной остаются гарнизоны крепостей Кешень-Аух, Буртаная, Эрсеноя, Ведено, Герзель. Мы очутимся между двух огней.

— А нет ли третьего пути?

— Я лично его не вижу.

— Между Грозным, Ведено и Хасав-юртом имеется телеграфная связь? — спросил Кори.

— Да.

— В первый же час начала восстания надо уничтожить ее на протяжении нескольких верст. Тогда, прежде чем Грозный и Владикавказ узнают о восстании, у нас будет достаточно времени занять Ведено и Хасав-юрт.

После долгих споров Алибек вынес свое решение:

— Тогда я скажу свое мнение. Акта с гатияуртовцами возьмет крепость Герзель и уничтожит там телеграфную связь. Губха сделает то же самое в долине Хулхуло. Дада Залмаев займет Дачу-Борзой и запрет ворота в долину Аргуна. Янгул-би, ты возьмешь Кешень-Аух. На Сулеймана и Лорса-хаджи мы возложим взятие Ведено. Я же с нашими главными силами двинусь через Шали на Грозный. Через два дня мы начнем наше дело. Кайсар, ты сейчас же приступай к подбору надежных связных, чтобы этой же ночью разослать во все стороны...

### 3

Было бы неправильно утверждать, что власти ничего не знали о назревающем восстании, так как последние десять лет подготовка к нему велась непрерывно. Ичкерия уподобилась пороховой бочке, для взрыва которой достаточно была маленькая искорка, и местная администрация, особенно в Ведено, была начеку.

Поэтому телеграмма полковника Батьянова о беспорядках в Аухе не очень удивила начальника Веденского округа князя Авалова.

— Ну, теперь началось, — сказал Авалов капитану, вызвав его к себе. — Полковник Батьянов сообщает, что чеченцы убили подполковника Петухова и угнали лошадей Кешень-Ауховского гарнизона. Мне кажется, что это предвестник бунта. Я говорю так потому, что не хочу употребить слово «восстание». Да, ауховская смута не случайное явление. Вас я попрошу, капитан, побыстрее вернуться в свой участок и потушить возникший там пожар, пока он не раздулся.

На минуту князь умолк, взявшись рукой за голову. Потом он поднялся и, упершись обеими руками на край стола, вскинул голову и внимательно посмотрел в глаза Пруссакову. Глаза полковника, всегда горевшие веселым жизнерадостным огоньком, были мрачными, тревожными и капитан почувствовал, как в его груди поднимается неукротимый страх.

— Никогда не прощу себе того, что у меня под носом, без моего ведома, между Беноем и Саясаном, мятежники провели совет. Шестьдесят один человек! Об этом я узнал только через пять дней. Я считал, что мне известен каждый шаг чеченцев в этом округе. Это, оказывается, было верхом наивности. Как трудно будет теперь потушить этот пожар! Но оружие применяй только в крайнем случае. Учти это. Наша задача — не обострять обстановку, а приложить все усилия для разрешения вопроса мирным путем. Возьми с собой десятка два милиционеров и побыстрее отправляйся в Ножай-юрт, — наставлял Авалов.

Возвращаясь в Ножай-юрт, капитан брал с собой почетных людей с каждого аула своего участка, и вскоре за ним следовал значительный отряд. Правда, пристав сомневался в преданности этих людей. Да и как не сомневаться, если милиционер, которого он в пути отправил обратно в Ведено за порохом, узнав, что обстановка здесь тревожная, бесследно исчез? На второй день капитан узнал, что тот милиционер, забрав порох, ушел в ставку Алибека-хаджи.

Вчера, когда он вернулся в Ножай-юрт, разбежались по своим аулам и остальные люди, выдумав разные причины. Когда же он ночью ложился спать, с ним оставалось четыре человека. Сейчас неизвестно, остались ли даже они.

Проснувшись, капитан еще долго лежал в постели с закрытыми глазами, глубоко задумавшись, потом откинул одеяло и сел на край кровати. Рядом на столе беспомощно лежали сабля и пистолет. Ему казались осиротевшими собственные мундир и фуражка, висевшие на настенном ковре. Когда взгляд его остановился на ногах, покоившихся на пестром коврикe, они тоже показались ему пожелтевшими, как у покойника.

«Видимо, это конец моей жизни, – покрутил он головой, шевеля пальцами ног. – Об усмирении мятежа на участке и разговора быть не может, больше того, мне придется расставаться с жизнью...».

Он быстро натянул брюки, надел сапоги, подошел к медному тазику у двери, взял сверкающий никелированный кумган<sup>1</sup>, в котором было видно его отражение, умылся холодной водой и направился к окну.

Отсюда с высокого холма хорошо были видны и почти весь этот Ножай-юрт, и расположенный южнее, на другом гребне, разбросанный по лесам Бильты, и другой маленький аул Айти-Мохк, находящийся повыше, за Ямансу.

Еще вчера тихий Ножай-юрт сегодня походил на встревоженный улей. По улицам двигались и пешие, и всадники, вооруженные до зубов. Отовсюду доносились голоса перекликающихся людей. Скотина, лишившаяся всякого присмотра, брела за аул. Пристав обратил внимание на то, что на противоположном склоне на полях сегодня не видать ни души. Более того, над аулом Балансу, лежащим в низине на левом берегу Ямансу, не было видно ни единого дымка.

Пристав нисколько не сомневался, что если аульный старшина Шахбулат смалодушничает, то Ножай-юрт, а за ним и остальные аулы бильтовского тейпа последуют за мятежниками.

Выстрел, раздавшийся где-то в нижней части аула, обдал холодком сердце Пруссакова и прокатился по горному хребту. Когда, постучавшись, вошел хозяин дома Шахбулат, он, стараясь скрыть свою растерянность, стал вытирать полотенцем давно высохшее лицо.

---

<sup>1</sup> Кумган – медный кувшинчик.



– Доброе утро, Павел, – поздоровался хозяин по-русски, запинаясь.

– Здравствуй, Шахбулат, – пожал хозяину руку Пруссаков и освободил для него стул, сняв со спинки свою рубашку.

Шахбулат грузно сел и поставил на стол свою папаху из черного каракуля.

– Что нового?

Пропустив через сжатую ладонь свою седую бороду, хозяин разгладил пышные усы. Всегда румяные его выпуклые щеки сегодня капитану показались несколько побледневшими.

– Хорошего мало, Павел, – глубоко вздохнул хозяин. – Восстание разрастается, как чума. Люди говорят, что вся Ичкерия предана Алибеку-хаджи. В Чеберлое Дада Залмаев поднял мятеж.

Капитан повесил полотенце на гвоздь и сел напротив хозяина дома.

– Зря мы выпустили на волю этого Залмаева, – сказал он сердито. – Если бы нынешней зимой, когда он был у нас в руках, мы его отправили в Сибирь, то сегодня этого бунта по Аргуну могло и не быть. К нашему несчастью, полковник Лохвицкий отпустил его за отсутствием фактов против него. Как будто против других, отправленных в Сибирь, имелись эти факты... Ну, а дальше?

– Наши соседи – аварцы из Дилима и Буртуная и андийцы из Ботлиха – тоже расшевелились. Короче говоря, есть опасность, что пожар перекинется в Дагестан. Нет сомнения, что у Алибека есть с ними сговор. Наверное, прошлой осенью не всех руководителей заговора арестовали власти.

– Как настроение жителей этого аула?

Шахбулат недовольно махнул рукой.

– Все носятся как взбесившиеся. Всю ночь я с трудом сдерживал их, а что будет сегодня и завтра знает только Аллах.

Шахбулат поднялся, собираясь выйти, и надел папаху.

– Постой-ка, Шахбулат, – остановил он направлявшегося к двери хозяина. – Мне думается, нам с тобой нельзя забывать, что мы представители власти. Мы не имеем права допустить здесь произвола и сидеть сложа руки. Надо показать этим сумасшедшим людям, что в Ножай-юрте есть власть его импера-

торского величества и будет всегда. В каждом ауле есть люди, поставленные властями. Они принесли присягу на верность царю, получают от него жалованье. Они и должны отвечать за свои аулы. Приказ будет таков. Выйдя отсюда, немедленно разошли гонцов во все аулы, которые еще не примкнули к мятежникам, собери старшин. Об остальном поговорим потом.

Отдавая старику этот приказ, Пруссаков прекрасно знал, что его затея кончится безуспешно. Но долг не позволял ему сидеть сложа руки, когда восстание разрасталось с каждой минутой, подобно весеннему половодью.

Не прошло и двух часов, как к нему прибыли старшины восьми аулов. Войдя спокойно, как и в мирные дни, они расселись на край тахты и по табуреткам и, поставив сабли и ружья между колен, стали молча ждать, что скажет пристав.

Как бы тревожно не было на душе у капитана, он, стараясь не выдать себя, улыбаясь и пожимая им руки, попросил от каждого подробный отчет. Однако, вслушавшись в тон разговора, пристав понял, что у некоторых из старшин не осталось и следа от прежней почтительности и преданности к нему. В каждом слове, слетавшем с их уст, сквозила открытая пренебрежительность к своему начальнику.

– Плохи дела, пурстоп<sup>1</sup>, – начал зандаковский старшина Жанхот, с козлиной бородой и детским голосом. – Люди с ума сошли. Да, с ума сошли. Хулят власть; аулы, которые еще утром были преданны власти, вечером примыкают к Алибек-ку-хаджи. Буквально за час меняются их настроения. Сегодня еще аулы наши смирны. Но кто знает, что будет завтра? За свой аул я могу поручиться перед вами. Он никогда не поднимется против нашего великого царя. Алибек-хаджи – человек из нашего тейпа. Что же тут поделаешь. Пальцы тоже на руке разные. И отары не бывает хотя бы без одной паршивой овцы. Люди проклинают Алибека-хаджи.

– Чем попусту проклинать, лучше отдайте этого мятежника властям! – перебил его пристав. – Нет никакого сомнения, что войска, которые придут завтра или послезавтра, раздавят мятеж. Тогда власть потребует у вас ответа. Ведь вы же ничего не предприняли, чтобы не допустить бунт, задер-

<sup>1</sup> Пурстоп – пристав.

жать мятежников. Ваше бездействие мы будем расценивать как своего рода поддержку мятежникам.

Когда Шахбулат перевел слова пристава, в комнате поднялся шум.

— Легко сказать — «поймай»! — рассердился даттахский старшина. — Ты велишь поймать летящую по небу птицу. Чем же нам его поймать? Дай нам в помощь солдат. Тогда поймаем.

— Когда придут солдаты, они и без вас его поймают, — повернулся к нему Пруссаков. — Организуйте добровольческие отряды. Оружие у вас есть.

— Люди не хотят подставлять свои головы под пули. Мы знаем, что случилось с аульными старшинами, которые пытались это сделать. Уже убит шуанинский старшина. У беноевского дом сожгли. Даргоевский старшина, которому аульчане устроили засаду, спасся чудом. Однако, мы сделаем, что сможем...

— Ну да, отлеживаться не будем. Мы будем верны властям, пока наши души не расстанутся с телами.

— Вместе со всеми родственниками...

— В том нет никакого сомнения, пурстоп...

— Никто из наших аулов не последует за этим клоуном...

— Не требуй только того, чего не можем...

Не дожидаясь разрешения, гости встали и, клятвенно заверив пристава в своей преданности, ушли. Пруссакова насторожило их поведение. Что бы они ни говорили на словах, в глазах у них не было прежней преданности.

— Ты веришь их слову? — спросил Пруссаков хозяина, когда тот вернулся, проводив гостей.

Шахбулат недовольно покачал головой.

— Не похожи на прежних. Наверняка, некоторые из них прямо отсюда пойдут к Алибеку-хаджи. Или пошлют своих доверенных с заверениями о своей преданности.

Достав большой зубчатый ключ из ниши, устроенной для лампы высоко в стене, Шахбулат открыл стоящий в углу кованный железом сундук; оттуда он вытащил алую суконную черкеску, украшенную серебряными газырями, с погонями прапорщика и двумя медалями на груди, и не спеша натянул на себя. Потом подошел к ворсистому ковру с восточным орнаментом, который занимал всю стену, выбрал из висевшего на нем оружия чеканную серебром саблю, перекинул ее ремень через шею и прицепил к поясу двуствольный пистолет.

В комнате распространился неприятный капитану запах нафталина.

– Ты куда это, Шахбулат? – удивился он, поняв, что неспроста хозяин наряжается.

– Пойду на майдан у мечети. Там люди собрались. Им недолго и глупостей наделать.

– Ты хочешь без меня пойти?

– Тебе нельзя выходить.

– Но я же пристав Ножай-юртовского участка. Ведь я не имею права в такой момент отсиживаться здесь, словно женщина!

Шахбулат глубоко вздохнул и махнул рукой:

– Оставим это, Павел. Не всегда бывает возможность выполнить долг. Сейчас пока главное – спасти твою голову. Творится такое, что нам с тобой вдвоем здесь уже не удержать.

– Но ведь я не имею права...

– Конечно, мы оба не имеем права. Лучше позволь мне, Павел, выполнить долг хозяина дома. Если наскочит какой-нибудь сумасшедший и причинит тебе зло, тогда позора хватит для семи поколений моих потомков. Я уже не говорю о моей ответственности перед властями.

Капитан был в растерянности. Он, конечно, знал, что не сможет успокоить людей и что его появление озлобит их. Но, во-первых, поставленный властями во главе участка, он не имел права закрываться здесь как барсук. Во-вторых, вот этому старику, собирающемуся к осиному гнезду, грозила не меньшая, чем ему, опасность. Но и он тоже был прав. По чеченскому обычаю, он отвечал головой за гостя. Власти, в худшем случае, могли лишь снять его с должности и лишить чина. Как сказал сам хозяин, страшнее всего был позор, который падет на его дом. Поэтому капитан вынужден был подчиниться его воле.

– Но ты можешь быть спокоен, – сказал Шахбулат, взявшись за дверную ручку. – Пока живы мои сыновья и племянники, в этот двор никто не осмелится ступить.

4

Майдан был наводнен народом. Хоть каждый час ему и доносили о малейших событиях в ауле, но он не предпола-

гал, что дело приняло такой размах. Еще издали ветер донес до него многоголосый гул. В центре конного и пешего люда какой-то всадник на прекрасном коне громко говорил, жестикулируя руками:

– Я вас спрашиваю, бильтинцы, чего вы ждете? Выжидаете, кто возьмет верх, чтобы примкнуть к победителям? Во всем Нохчмахе лишь два тайпа остаются в стороне: зандаковцы и бильтинцы. Зандаковцы испугались солдат, которые находятся в Кешень-Аухе и сидят дома, поджав хвосты. И бильтинцы не решаются двинуться с места, боясь пурстопа, который во всем Ножай-юрте остался единственным представителем властей. Вы зря думаете, что царские войска смогут одолеть имама Алибека-хаджи. В Чечне нет царских войск, их всех отправили на войну с турками. Если вы решили выждать и присоединиться к нам, когда мы захватим власть, тогда будет слишком поздно. Помяните мое слово, тогда мы с божьей волей так накажем вас, что вы забудете имена своих матерей!

В толпе раздалась возгласы за и против оратора. Какой-то рыжий всадник оттеснил оратора, занял его место, подняв тонкую как трость руку, крикнул:

– Слушайте, люди!

– Слушайте! – поддержали его несколько голосов.

– Я зандаковец. Упрек, который сделал нашему тейпу Нурхаджи, я, с одной стороны, понимаю. Алибек-хаджи из наших зандаковцев, однако его поддержали все другие тейпы, кроме нашего. Но не все зандаковцы спрятались под подолы своих жен. Из наших аулов много людей последовало за имамом. Сегодняшний день – это день, когда познаются настоящие мужчины.

– Так чего же зандаковцы ждут? – спросил Нурхаджи.

– Если говорить открыто, конах, мы не можем при первом же кличе поголовно выступить с оружием в руках. Мы живем под дулами пушек из крепостей Кешень-Аух и Буртуная. Достаточно поднести к ним горящий фитиль – и наши аулы превратятся в синее пламя. И в Хасав-юрте, от которого до нас пятнадцать верст, находятся несколько тысяч солдат...

– А наш Чечелхи разве не бок о бок стоит с Зандаком и Ножай-юртом? – грубо оборвал его Нурхаджи. – Разве не к тому мы стремимся, чтобы убрать этих солдат и их пушки с

нашей земли? – Он повернулся к людям. – Люди! Кто признает имама Алибека-хаджи, хочет вымести отсюда царскую власть и ее слуг, кто хочет свободы, те пусть остаются, а те, в ком бьется заячье сердце, кто потерял человеческую гордость и честь, пусть идут домой.

– Мы поддерживаем имама!

– Труссы пусть уходят!

– Среди бильтинцев нет малодушных!

Толпа бурлила. Многие подняли ружья вверх и разрядили их в воздух. Верховые поднимали своих коней на дыбы. До того, как Шахбулат успел пробраться к центру, они уже успели избрать себе сотника, еще раньше прославившегося своей ненавистью к властям аульчанина – бедняка Ларчу.

Когда любопытные разошлись по домам и на майдане остались одни единомышленники, посланник имама вышел вперед.

– Люди! Готовы ли вы подняться на борьбу за свободу народа? – обратился Нурхаджи к толпе.

– До последнего вдоха!

– Знаете ли вы, что трусам и изменникам нет места в наших рядах, что таковых мы будем лишать жизнью?

– Знаем!

– Знайте, что у каждого, кто пойдет за имамом, есть только два пути: или победить, или погибнуть славной смертью?

В толпе раздались одобрительные возгласы, сопровождаемые выстрелами.

– Если ваше решение окончательное и бесповоротное, то вам придется выполнять мою волю...

– Говори, мы готовы и умереть!

– Вы должны схватить оставшегося здесь пурстопа и доставить его к имаму.

– Это легче всего!

– Вместе с Шахбулатом, который содержит эту собаку!

– Да, да, вместе с его холуем Шахбулатом!

– Он до старости верно служил властям!

– Надо сжечь его дом!

– Зачем сжигать? Когда мы установим свою власть, он нам пригодится. К тому же, имам строго запретил вершить самосуд.

Шахбулат сказал несколько слов стоящему рядом племяннику, и, прищпорив коня, въехал в толпу. Люди, кто уважая его возраст, кто считаясь с его должностью, расступились.

Осадив коня возле посланца имама, стоявшего на холме, и окинув толпу смелыми глазами из-под седых бровей, он медленно поднял руку, и люди умолкли.

— Аульчане! Стоя в стороне, я слушал ваши крики. Не вам свергнуть власть могущественного русского царя. Подобные крикуны, как тот, что выступил нынче перед вами, подстрекали народ против властей, заставляли вайнахов многие годы проливать кровь понапрасну. По сравнению с теми героями, которые в прошлом сражались с царскими войсками, вы, сегодняшние, просто-напросто молокососы. Еще не изгладились следы этой долголетней бойни, куда ни ступишь ногой — всюду могилы, развалины разрушенных аулов. Достаточно того, что легкомысленные люди, подобные этому векилу имама, уничтожили добрую половину нашего народа. Не дайте себя обмануть! Разойдитесь по своим домам и живите мирно, повинувшись власти...

Стоящий поодаль Ларча, резко оборвал его:

— Это ты можешь мирно жить, Шахбулат. У тебя двести урдов земли, десятки голов скота, твой царь тебе щедро платит за твою холуйскую службу. Не легкомысленные люди поднимали наших предков на борьбу против царя, а голод, нищета и бесправие...

На майдане зашумели:

- Нам бы по одному урду земли да по одной коровенке!
- В нашей шкуре ты по-другому завыл бы!
- Тебе не приходилось гнуть спину богачам на Тереке!
- Продавать последнюю козу, чтобы платить налог!

Не моргнув глазом, не шевелясь, как каменное изваянье, Шахбулат терпеливо выждал, пока не выговорятся разгоряченные люди, потом опять начал свою речь по-прежнему спокойным низким басом:

— Ладно. Убить меня и сжечь мой дом вы можете. Но если вы прольете кровь гостя нашего аула, позор ляжет не только на меня, но и на всех вас и на ваших потомков. Не велико мужество — убить одинокого в чужой стране человека...

— Мы его не звали...

- Он и подобные ему держат нас в рабстве!
  - И все же, с одной стороны, и Шахбулат прав...
  - Убив его одного, мы ничего не решим. При том он – гость чужеземный!
  - Лучше отведем его к имаму, пусть он решит...
- После долгих споров люди решили отвести его к имаму...

## 5

После ухода Шахбулата Пруссаков почувствовал себя осиротевшим. Он даже не был уверен, что завтра утром вновь увидит солнце, которое сейчас все ниже спускалось к закату к противоположному гребню. Вспомнились оставшиеся в Веденской крепости молодая жена и двое детей. Хоть и прочны были крепостные стены и там стоял Куринский пехотный полк, Пруссаков не был уверен в том, что крепость устоит перед восставшим народом. Несомненно, мятежники первым же ударом займут ущелье Хулхуло и отрежут Ведено от Грозного. Лишенная внешней помощи, крепость продержится не долго. Что же тогда будет с его семьей? Убить-то чеченцы их не убьют: свою месть они не переносят на женщин, детей и стариков. Но нелегко им будет в плену. У этих дикарей. Останутся на одном лишь чуреке да воде...

Капитан отогнал из головы эти мучительные мысли. Ему стало стыдно за минутную слабость. Однако, через несколько минут он опять впал в раздумья. Ну, пусть его убьют в этом Ножай-юрте. Пусть займут мятежники Ведено. Пусть и семья его будет жить в чеченских аулах. Убитый, он, правда, не воскреснет, но сюда придут войска, и они скоро раздавят мятеж в Ичкерии. Жену и детей его высвободят из плена. Да, их освободят, но как они будут жить? Останутся на скудной пенсии погибшего кормильца...

От горьких размышлений его оторвал легкий стук в дверь. Рука Пруссакова невольно потянулась к лежавшему на столе пистолету. Но тревога его оказалась напрасной. Тихо приоткрыв дверь, в комнату вошла хозяйка Бесехат.

На ней было длинное до щиколоток платье из черного сатина, на голове черная чухта<sup>1</sup>, а поверх нее была повязана

---

<sup>1</sup> Чухта – женский головной убор, надевается под платок.



большая красно-пестрая шаль с длинными кистями бахромы. Хоть старухе и перевалило за шестьдесят, держалась она прямо и не утратила приятных черт лица. При встрече с капитаном она всегда почтительно, забавно улыбалась, смешно разговаривала, смешивая русские и чеченские слова, но сегодня она выглядела печальной. Натянуто улыбнувшись капитану и сказав ему «дарасты», она, тихо ступая башмаками из мягкого сафьяна, прошла к тахте и села.

Вслед за ней вошел худощавый симпатичный молодой человек, у которого только-только стали пробиваться бородака и усы, видимо, племянник хозяйки. Он остановился у двери, подбоченясь левой рукой, а правую держа на рукоятке кинжала.

Женщина что-то хотела сказать, но не решалась, бросала взгляд то на гостя, то на юношу. Вдруг взгляд ее остановился на двух пистолетах, лежавших на столе. В этот миг капитану показалось, что из груди у нее вырвался тихий стон.

– Как ваше здоровье, Бесехат? – спросил он, всеми силами стараясь выглядеть веселым.

– Хорошо.

– Где Шахбулат?

Хозяйка вместо ответа печально покачала головой. Прусиков заметил, как глаза ее повлажнели.

– Вы что, Бесехат, чего испугались?

Поняв, о чем спрашивает русский, Бесехат усилием воли проглотила подступивший к горлу комок и попыталась улыбнуться.

– Я боюсь не только за мужа и сыновей, Павел. Боюсь, как бы с тобой чего-то не случилось. Когда они решили убить тебя, мужу моему с трудом удалось их сдержать. Потом они решили отвести тебя к имаму. А ведь ни этого, ни того нельзя допустить... Вот только что муж не пустил людей, которые хотели ворваться сюда. Кто знает, они могут передумать и снова вернуться. Уходи, Павел, не допусти беду...

Капитан подошел к Бесехат и положил руку на ее плечо:

– Я не имею права уходить. Я должен исполнить долг офицера.

– Если люди вернуться, они не станут обращать внимание на его старость... Мы-то будем оберегать тебя как нашего

гостя, как родного сына... Муж мой и сыновья приняли решение умереть, чтобы не допустить беду с тобой... Погибнет старик, погибнут сыновья понапрасну. Потом и с тобой расправятся. Уходи, пурстоп, пока еще не поздно...

Пруссаков хорошо знал чеченские обычаи. Женщину они боготворили и отказать женщине в просьбе – считалось величайшим позором для мужчин.

Ему рассказали об интересной судьбе одного кровника. Убив человека, он бежал впереди кровников. Когда они стали настигать его, он вбежал в первый попавшийся двор. Там сидела седая старушка. Кровник упал перед ней на колени, расстегнул платье женщины на груди, коснулся губами ее груди. Во двор ворвались вооруженные, разъяренные кровники, а вслед за ними на носилках внесли убитого, который был единственным сыном старой женщины. Увидев припавшего к груди женщины кровника, мужчины остановились, как вкопанные. Женщина все поняла.

– Мужчины! – сказала она. – Это человек прибег к моей помощи. Он убил моего единственного сына, но, прикоснувшись губами к моей груди, он стал моим вторым сыном. Я запрещаю вам убивать его.

– Хорошо, Бесехат. Я уйду...

Страшные муки переживал пристав в эту минуту. Для него настал момент, когда испытывались его мужество и благородство. Он должен был или остаться здесь, выполняя свой долг, погубить принявшую его семью и опозориться перед чеченцами, не вняв просьбе женщины, или покинуть пост, на который его поставило командование, бежать, нарушить присягу воина, пренебречь честью офицера.

После длительной внутренней борьбы он решил принять на себя второй позор.

Через несколько минут во двор вошел тридцатилетний сын хозяина. Теперь у пояса его висел не только кинжал. Он был вооружен саблей, за спиной висело ружье. В ту же минуту из соседней комнаты вышел во двор также до зубов вооруженный его младший брат. Вскоре во дворе собралось человек двадцать, ружья у них были в боевой готовности.

Неспроста собирались здесь эти люди. Значит, опасность уже близка. Отколовшись от своих аульчан, молчаливые род-

ственники Шахбулата собрались полные решимости оградить своего гостя от беды, не дать упасть с его головы ни единому волосу, отдать жизнь за него.

Когда их маленький отряд осторожно выезжал из аула, перед ними, словно из-под земли, появился знакомый веденец и вручил Пруссакову пакет. Выехав из аула и углубившись в лес, он вскрыл пакет и попросил всадника зажечь спичку. На листе было несколько коротких строк:

*«Приставу 2-го участка Веденского округа капитану Пруссакову.*

*Вам разрешается покинуть свой участок и уехать в крепость Кешень-Аух. Оставайтесь там и ждите нового приказа.*

*Начальник Веденского округа полковник Авалов».*

С сердца пристава будто упала огромная тяжесть. Он облегченно вздохнул и впервые за сутки выпрямил спину.

Тропинкой, выходящей по густой роще, они добрались до небольшой лужайки. Здесь стояло более двух десятков готовых в путь оседланных коней, несколько человек и с ними Шахбулат. Один молодой человек подвел к приставу лучшего скакуна и движением руки велел ему сесть. Пруссаков не заставил себя ждать.

Минут через двадцать отряд всадников миновал небольшое ущелье. Теперь они были на ауховской земле.

## ГЛАВА VIII

---

### ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Народ мой бедный, нация в сиротстве,  
Чем ты грешна, что стольких всяких бед  
Опустошают древо нашей жизни...

*Ш. Петефи. Жизнь или смерть*

#### 1

Еще несколько лет назад почувствовали матери, что в небе Ичкерии сгущаются грозовые тучи. Но за ними не последовала буря. Кончилось тем, что засверкали в небе молнии, тучи рассеялись и опять засветило яркое солнце.

Правда, и этот год не ушел, не ранив еще раз сердце Айзы. Она считала уже погибшим своего мужа Али, сосланного на двадцать лет в Сибирь.

Говорят, что счастье идет к счастью, а несчастье следует за несчастьем. Стоит иному человеку поскользнуться раз, и несчастье не отстанет от него, пока не свалит его окончательно. То же самое происходит и с Айзой. С тех пор, как она пришла в дом Али, никак не может встать на ноги. Все эти годы Али активно, непрерывно участвовал в борьбе народа против царской власти. Потом он ушел в Турцию, оставив ее дома с двумя детьми. Когда Али вернулся оттуда, к женщине вернулась, было, жизнь, но и это мимолетное счастье оборвалось с кончиной сперва отца, потом матери, а после, прошлой осенью, вдобавок ко всем этим бедам арестовали мужа.

Не спится сегодня Айзе. Как и сотни других матерей, она выходит во двор, вслушивается в аул, затем возвращается в комнату, падает в постель, так лежит в темноте с открытыми

глазами и снова, поднявшись, выходит во двор. Сыновья еще вечером ушли куда-то, до сих пор не вернулись. Айза случайно зашла в кунацкую, и в ее тесной груди неистово забилося сердце, когда она не обнаружила на стене оружие мужа. Несомненно, его унесли Умар и Усман. Теперь ее тревогам не было предела. Заслышав на улице конский топот или ружейный выстрел, она, словно от ожога, вскакивала и, стремглав, бросалась во двор.

Гати-юрт суетится со вчерашнего дня, как разрушенный муравейник. В воздухе ощущалась гроза, которую так боялись матери. Акта то и дело кружит по площади с обнаженной саблей. Все мужчины аула, кроме десятка человек, последовали за ним. Они вынесли все бумаги из канцелярии старшины и, сложив их в кучу, подожгли, превратили в пепел. Скот, зерно и прочее имущество, принадлежащее Хорте, Товсолте и другим богатыям, свезли на площадь перед мечетью и раздали беднякам. Пока люди делают все, что хотят, но что же будет завтра? Ведь немедленно придут войска из Герзель-аула и Хасав-юрта, и власти не ограничатся возвратом имущества Хорте и другим. Разрушат они Гати-юрт пушками, сожгут уцелевшие дома, отправят многих в Сибирь...

Наконец, к полуночи, один за другим вошли оба сына. Увидев у слабо горящей лампадки мать, которая сидела на тахте, обняв колени и завернувшись в старую бахромчатую шаль, старший сын Умар застыл в растерянности.

— Нана, ты почему не спишь? — спросил он, ставя в угол у двери ружье.

Айза развязала шаль на шее, вытерла ее кончиком глаза, посмотрела на сыновей.

— Где вас носит всю ночь?

— Да мы на майдане были...

Умар отстегнул кинжал и наборный ремень и положил их под сложенную постель.

— Думали скоро вернуться, да задержались немного.

— Ну, конечно, раз отца нет, вам можно делать все, что угодно... А с матерью можно не считаться. У меня сердце разрывается от тревоги, а вы...

Мать разрыдалась. В последнее время она заметно сдала. В висках появилась седина, щеки ее, недавно округлые, глад-

кие, впали, покрылись морщинками. Глаза ее – Умар это заметил сразу – наполнились слезами, потом, скопившись на ресницах, они обильно полились по обеим сторонам ее заострившегося носа.

Умар сел рядом с матерью и обнял ее.

– Не рано ли плачешь, нана? – притянул он ее к себе. – Если ты в самом начале ведешь себя так, что же будет дальше?

Поплавав немного и успокоив свое сердце, Айза вытерла глаза рукавом платья и посмотрела на сына.

– Что я буду делать, если с тобой что-нибудь случится?..

Слезы, которые она с большим трудом сдерживала, опять полились ручьями.

– А что сделаешь? Будешь делать то же самое, что и другие матери. – Умар поцеловал мать в лоб. – Отец тебе что говорил? У чеченских сыновей одна только мать – родина, что матери рожают их для нее. Ты же знаешь и таких матерей, у которых убили единственных сыновей, и таких, у которых погибли по семеро сыновей. У тебя же после меня еще один остается.

Усман, стеливший кошму на циновку и собиравшийся ложиться спать, выпрямился:

– Это я остаюсь? Нет, не останусь!

Айза беспомощно опустила руки и посмотрела на младшего сына.

– Разговоры! – повысил голос Умар. – Сказано тебе, не заикаться об этом?

– О, еще этого не хватало! – хлопнула руками себя по коленям Айза. – Одного-то послать мне долг велит, да и второй тоже туда! Ни слова больше!

– Ну да, буду я тебе сидеть дома как девочка, отправив на войну единственного брата, – пробормотал Усман, принимаясь взбивать жесткую подушку. – Если солдаты его окружают, кто выручит, если ранят, кто позаботится?

– Хватит! – махнул рукой Умар. Не сыпь соль на истерзанное сердце матери.

– Тогда ты останься, – не унимался Усман.

– Придет день – уйдешь и ты, а пока мой черед.

– Дада же не пустил своего брата одного в Хонкар, сам с ним пошел.

— Ну и волчонок! — невольно рассмеялся Умар. — Ты что считаешь нас с тобой такими мужчинами, как они? Когда отец и дядя уходили в Хонкар, дома оставались мы с тобой. А если мы с тобой оба уйдем, дома не останется мужчин.

— Хватит и Магомед...

— Ты, мальчишка, забудь свои глупые мечты.

Слушая пререкания сыновей, Айза предавалась горьким мыслям. Как бы ей трудно ни было, она не имела права удерживать дома старшего сына. Да и сам он не останется, как бы она ни противилась. Об этом он говорил с ней еще вчера. Ведь народ начал именно то дело, которому его отец посвятил несколько лет. Будь муж сегодня дома, он непременно находился бы рядом с Алибеком-хаджи. Теперь на сыновьях Али лежат несколько обязанностей: занять место отца, сражаться за свободу народа и отомстить тем, кто отправил их отца в Сибирь на двадцать лет.

## 2

Ичкерия давно казалась Хорте похожей на пороховую бочку, поставленную возле огня. И он долгое время оставался зорким стражем, стараясь изо всех сил оградить ее от малейшей искры. Вот уже несколько лет он выдавал начальнику Веденского округа тех людей, которые вызывали у него хотя бы малейшее подозрение.

В аресте Али и Маккала из Гаги-юрта тоже была доля его усердия. Вернее сказать, это Хорта отдал в руки властей кончик нити клубка — подготовленного в прошлом году восстания. Кончик тот попался в руки Хорты случайно.

...Асхад ночью пустил лошадей пасти на свое поле, а сам прилег, завернувшись в бурку, на траве под раскидистым дубом на низком берегу Арчхи. Здесь спускалась к речке проселочная дорога, ведущая от Аллерой-аула и среди леса зигзагами поднимающаяся на противоположный склон. Для лошадей здесь не было иного пути, кроме этой дороги.

На рассвете стало прохладно. Вокруг остался приятный запах утренней сырости. Асхад, который лежал в полусонном состоянии, свернувшись под буркой в клубок, сквозь сон услышал разговор двух мужчин. Открыв глаза и затаив дыха-

ние, он настороженно напряг слух. Ему показался знакомым низкий голос одного из них, и он глянул под обрыв. Отпустив своих коней пастись, у родника совершали омовение для утреннего намаза Маккал и Али.

– И все-таки, Маккал, в первую очередь, надо занять Ведено, – сказал Али, ополаскивая ноги.

– Нет, Шоип прав. Ведено никуда не денется. Первый удар следует направить одновременно на Хасав-юрт, на укрепления Герзель, Шали и Чахкар<sup>1</sup>...

Несколько минут разговор их не возобновился.

– Дай бог, чтобы аварцы сдержали свое слово, – заговорил Али. – Если они не выступят с нами одновременно, наше дело не будет иметь успеха.

– Не знаю. Но они поклялись. Однако, мне не нравятся их связи с Хонкаром.

– Да и меня тоже беспокоит это. Кроме того, мне не совсем понравились Арслан-Бек и Муртаз-Али. Особенно Муртаз-Али. Глаза его так и ходят, зыркают...

– Не знаю, но Шоип им верит...

Вернувшись на восходе солнца домой с лошадьми, Асхад рассказал отцу увиденное и услышанное им на рассвете на берегу Арчи. Хорта, заложив руку за спину, тяжелыми шагами расхаживая по комнате, выслушал сына внимательно, заставляя повторить то или иное место по несколько раз. Ему не понравилось, когда во время этого разговора вошел Овхад. Он почему-то недолюбливал младшего сына, хотя он был умнее и благороднее своего старшего брата. Не то чтобы недолюбливал, а просто в глубине души не верил ему.

– Смотрите, сыновья, – сказал отец, взглянув на младшего сына и поведя пальцем. – Сохраните наш разговор в строжайшей тайне.

В тот же день Хорта сел на лучшего коня и поехал в Ведено. Он подробно поведал князю Авалову о раскрытой им тайне. Всю эту длинную дорогу туда Хорта думал о награде, которую получит от властей за свой донос. Он верил, за такие ценные сведения ему дадут самое малое чин прапорщика, медаль и пожизненную пенсию. В нем теплилась также и

<sup>1</sup> Ча х к а р – чеченское название крепости Воздвиженской.



надежда, что старшему сыну дадут какую-нибудь должность, да еще подобающий ей чин. Ведь тайну-то раскрыл Асхад. Хоть теперь ему повезет. Ведь Асхад несколько лет был переводчиком в укреплении Герзель, но убедившись в том, что его не собираются повысить в чине, вернулся домой и остался работать в магазине отца.

Сведения, с которыми приехал Хорта, однако, несколько не удивили Авалова.

– Андийцы опередили тебя, господин старшина, – сказал князь Авалов, загадочно улыбнувшись. – Ты немного опоздал. А за разоблаченных тобой двух односельчан вот тебе сто рублей. Советую, чтобы ты в другой раз был расторопнее.

Вскоре власти арестовали Шоипа, Маккала, Али и еще несколько человек. Когда арестовали двух односельчан, Овхад заподозрил в этом отца и брата. Он вспомнил, как Асхад рассказывал о раскрытой им тайне, как отец поспешил в Ведено, как вслед за этим арестовали Маккала и Али. И как после всего этого отец и брат о чем-то забеспокоились. Сомневаться не приходилось: отец и брат предали двух аульчан.

Однажды ночью, когда они втроем остались одни, Овхад открыто высказал им то, что не давало ему покоя.

– Дада, ты предал Маккала и Али?

Хорта, который только что помолился и теперь сидел, перебирая четки, поднял голову и посмотрел на сына.

– Откуда ты это взял?

– Сам догадался.

– В таком случае, держи язык за зубами.

– Я-то свой держу, а вот вы с Асхадом свои не можете держать.

– За свои мы сами ответим.

– Вся беда в том, что и мне тоже придется отвечать за ваши языки. Ведь подлый поступок, совершенный одним из вас, ложится позором на всю нашу семью, на весь род.

– Что же мы сделали позорного?

– А разве вы не совершили подлость и предательство?

– Я слуга царя. Мой долг – убрать с дороги всякого, кто против него. Кроме того, и шариат тоже велит быть послушным, преданным властям.

– Твой царь – враг народа, а тот, кто помогает врагу – подлый изменник!

Оплеуха, громом отдавшаяся в ухе, опрокинула Овхада на нары. Не довольствуясь этим, Асхад подбежал к двери, взял толстый деревянный засов и двинулся на брата, но резкий окрик отца остановил его.

– Прекратить!

Асхад, который двинулся на Овхада с налившимися кровью глазами, отвисшей нижней губой и пеной у рта, остановился, с яростью бросил засов обратно в угол у двери. Отец, как будто ничего не произошло, продолжал спокойно перебирать четки, нашептывая молитву.

Ошеломленный всем этим, Овхад поднялся и провел ладонью по горячей щеке. Он не имел права поднять руку на старшего брата.

После этого случая они редко разговаривали друг с другом. Если и заговаривали, не смотрели в глаза...

Узнав, что в Ичкерии началось восстание и что сын его в числе главных заговорщиков, Хорта, не мешкая, погрузил в телеги все свои товары из магазина, прихватил с собой деньги и все ценности и вместе с Асхадом направился в Герзельскую крепость.

### 3

Асхад хорошо знал каждый кирпич и трещину в стене крепости Герзель, потому почувствовал здесь себя не только в безопасности, но и свободным, словно он попал в дом своих семи предков. Начальник гарнизона крепости капитан Чекунов вначале сердито поворчал на беженцев, обозвал их трусами и бабами, но быстро взял себя в руки и повернул разговор в другую сторону. В создавшемся положении нельзя было обострять отношения с богатой верхушкой местного населения, против воли приходилось быть обходительным.

– Что там у вас на подводах? – спросил он, стараясь изо всех сил быть учтивым.

– Товары из магазина и некоторые ценные вещи, ваше благородие.

Чекунов забарабанил пальцами по столу.

— Значит, испугался, сбежал, господин старшина? — презрительно скривив губы, посмотрел он на Хорту. — У тебя не хватило мужества даже дождаться, посмотреть, что мы предпримем?

Сняв с головы коричневую каракулеву папаху, Хорта провел по лбу рукавом черкески.

— Не только я, старик, даже самый храбрый человек не устоит против такой толпы сумасшедших людей. Все мужчины аула поднялись с оружием в руках. Есть слухи, что уже в нескольких аулах убили старшин. Разве бы какая-то польза оттого, что меня убили бы?

«Но ничего не потеряли бы, — подумал капитан. Просто среди чеченцев убавилось бы на одного предателя».

— Что ты собираешься делать дальше?

— Если прикажет ваше благородие, я и мой сын готовы даже умереть.

Чекунов откинулся на кресле, раскинув руки и, нисколько не смущаясь, зевнул, широко раскрыв рот. Потом поднял, то ли от усталости, то ли от пьянки, отяжелевшие рябые глаза на стоящего перед ним Асхада.

— Сын, говоришь? Это он тут был переводчиком?

— Я, ваше благородие, — подтянулся в струнку Асхад.

— Твое имя...

— Асхад Хортаевич, ваше благородие.

— Гм... Хурдаевич, — засопел капитан. — Значит, это ты поменял воинскую службу на торгашество? Напрасно, господин аульный старшина. Ты думаешь, что русские штыки всегда будут охранять твое имущество? Мы сделали тебя купцом, дали в твои руки власть в ауле, а ты даже одного сына не хочешь определить в армию. Какой умница! Ты — копи золото, а мы — охраняй тебя и твое золото. Там в ауле какое-то мужичье показало ножичек, а ты сразу к нам припер... Нет, Хурда, так не пойдет. Ты должен быть сам первым при тушении пожара в твоём доме!

Хорта растерялся. Постепенно покрылись испариной и заблестели его лоб и толстые щеки.

— Ваше благородие, один мой сын ушел воевать с турками...

– Знаю! – оборвал его капитан, махнув рукой. – Насилу послали. Когда вы не смогли послать других людей из аула. Оставим это. Много в вашем ауле мятежников?

– Все! – Хорта просветлел, когда разговор переменялся. – Начиная от шестнадцати лет – все. Кроме стариков. Да и они крепят зубами.

– А богачи?

– Я же говорю, кроме десятка домов...

– Чем занимается эта десятка?

– Ждут приказа начальства...

– Зачем вам ждать приказ начальства. Сколько мужчин в этом десятке домов? Человек двадцать наберется?

– Даже тридцать будет...

– Неужели вы, тридцать человек, не могли остановить мятежников? Почему вы не схватили их, не надели им на ноги кандалы и не доставили всех сюда?

– Не успели мы... – опустил голову Хорта.

– «Не успели!» Потому и не успели, что поспешили свою шкуру спасти. Вот будете знать, когда завтра начнут гореть ваши дома. А ты, Ахмед...

– Асхад Хортаевич...

– Не все ли равно – Ахмед, Асхад... Составь мне список мятежников из Гати-юрта. Против каждого имени сделай отметку о степени его участия. Понял? Ну а тебе, господин старшина, тоже придется искупить свою вину дорогой ценой.

Хорта испугался, что от него сейчас потребуют деньги и несколько волосинок, оставшихся на лысой голове, встали дыбом.

– Сию же минуту ты поедешь в Ишхой-юрт. Там пока что спокойно. Но кто знает, что на уме у тамошних ослов. Может быть, они и не прочь броситься в объятия мятежников, как только те подойдут к аулу. Вот какое поручение мы дадим тебе. Через час поедешь туда, соберешь вместе старшину, мулла и прочих своих братьев и именем власти передашь им, что если хоть один мятежник ступит в Ишхой-юрт, я сожгу его дотла. Здесь у меня более двухсот солдат, сто всадников и четыре пушки. Через несколько часов подоспеет еще подмога из Хасав-юрта. А мне даже полусотни солдат достаточно, чтобы превратить в пепел ваши Ишхой-юрт и Гати-юрт. Если

перечисленные мною почетные люди из Ишхой-юрта станут мямлить, я собственными руками сожгу их дома. А их самих отправлю туда, откуда никогда не возвращаются. Понял?

– Понял, ваше благородие, – торопливо закивал Хорта. – Я буду стараться... Если что не так получится, то не обес-судь...

Чекунов поднялся и легонько постучал по столу:

– Если мятежники войдут в Ишхой-юрт, на пощаду не надейся, господин старшина! Вот тебе весь мой сказ. Гати-юрт ты отдал, сбереги теперь хотя бы Ишхой-юрт. А ты, Ахмед, прислушайся к молодежи. Вызовет кто-нибудь хоть малейшее подозрение – возьми его на прицел. А теперь вы свободны.

Вытирая большим красным платком пот с толстой шеи, Хорта мелкими шажками поспешил к выходу. Асхад сделал шаг к капитану с целью пожать ему руку на прощанье, но тот отвернулся к окну.

– Сволочи! – сплюнул он, когда спина Асхада скрылась за дверью.

#### 4

Много отважных воинов видел майдан перед мечетью в Гати-юрте. Здесь побывал знаменитый Бейбулат Таймиев, когда приезжал в гости к своему другу Акбулату. Через Гати-юрт проехал в Саясан-Корт и Ташу-хаджи, впервые появившись в Чечне. В прошлом при вторжении царских войск по сигналу – криком или выстрелом – с этого минарета за полчаса на майдан собирались закаленные в битвах гатиюртовцы. Через эту площадь поспешно отступил в крепость Герзель разбитый в Ичкерии генерал князь Воронцов; через Гати-юрт увезли раненого в этом походе нынешнего военного министра генерал-адъютанта Милютин.

Собравшиеся сегодня на майдан мужчины не походили на прежних воинов. Большинство – молодежь, с только что пробившейся бородкой и усиками. Но среди них, словно громадные дубы среди молодой поросли, выделялись несколько мужчин, закаленных в прошлой долголетней борьбе против царских угнетателей.

Боясь отстать от товарищей, Умар рысью ехал на майдан, но на углу двора Васала вдруг он встретил Деши, которая шла с подвешенным на плечо узкогорлым медным кудалом.

– Деши, ты что так рано отправилась по воду? – спросил он, легонько хлопнув взбудораженного коня по гриве.

Глаза у Деши наполнились слезами.

– Вай, кант <sup>1</sup>, чем кончится ваша затея? Голова кругом идет...

«Ну вот, теперь и она раскисла, – расстроился Умар. – Все со слезами провожают. Не к добру это...».

– А что станется? Либо погибнем, либо победим. Одно из двух. Ну и женщины! Со своими причитаниями дома и на улице вы накличете на нас беду. Лучше проводили бы нас с песнями, танцами. Приподнимите наш дух, напутствуйте нам, чтобы мы возвратились домой с победой. А вы хнычете...

Деши невольно улыбнулась сквозь слезы.

– Вай, чтоб тебе не умереть, кант, тебе только трепать языком! Вы мужчины перестали думать о нас, женщинах...

– Ну, хватит тебе. Мы идем на бой именно потому, что думаем о вас, женщинах. Мне надо спешить. Прощай.

– Да поможет вам бог...

Прискакав к майдану, Умар застал там все мужское население аула. Толпа была пестровая. Над майданом, словно зыбкие волны озера, покачивались высокие и низкие, косматые и каракулевые папахи. Черкески и бешметы, новые, старые и латанные. Но оружие у всех было сходное. У многих за спиной чеченские восьмигранные мажары в чехлах, сабли, кинжалы, кремневые пистолеты, заткнутые за пояса.

Акта, восседавший на высоком, огромном мерине, поднял руку с плеткой, призвал людей к вниманию.

– Теперь, люди, выходите каждый, кого назовет вот этот Чалтиг, разбивайтесь в две шеренги на отряды по десять человек. Тот, кто будет назван первым, будет десятником. Чалтиг, начинай.

Пятьдесят человек, имена которых назвал Чалтиг, выстроились на площади во главе с Юсупом, Янаркой, Лорсой, Арсамирзой и Баштигом.

---

<sup>1</sup> К а н т – дословно: парень, сын, мальчик. Невестки не имеют право называть родственников мужа по имени.

Сложив бумагу со списком вчетверо, Чалтиг положил ее в широкий передний карман своего бешмета, и среди людей, до того стоящих тихо, раздались возмутительные крики:

– Почему меня не назвали? Ты что, за мужчину меня не считаешь?

– Я был на войне, когда ты и твои сверстники сопли языком лизали...

– Что с того, что я хромой? Или вы идете туда, чтобы драпать от врага?

– Пусть одна рука у меня искалечена, но другая-то крепкая и может рубить саблей...

Оглушенный криками Акта, огрев коня плеткой, поднял его на дыбы.

– Эй, люди, прекратите крики! Что вы так разорались? Вы же не животные! Лезут направо и влево, у кого не загладился след горшка на заднице, и те, что от старости согнулись в дугу! Что будет, если мы все – стар и млад – уйдем из аула? Кто его защитит, если вдруг нападет враг? Если каждый из нас начнет своевольничать, не подчиняться воинской дисциплине, нас легко уничтожит десяток солдат. Тот, кто посмеет ослушаться моего приказа, будет подвергнут самой суровой каре. Эй, Мачиг! Васал! Казалось бы, вы умнее всех нас, а поди больше всех беснуетесь! Достаточно того, что сыновья ваши идут. Если у вас двоих ноги зачесались, я назначаю вас обоих помощниками Акбулатова Ахмеда. Вы втроем будете нести ответственность за судьбу аула. Вы поняли? Если кто-то из пузатых попытается сбежать из аула, ловите и сажайте. Ахмед, пусть подадут знамя! Умар, сын Али! Тебя я назначаю знаменосцем сотни!

Когда Ахмед, сын Акбулата, вышел из мечети со знаменем, пристегнутым на двухметровое древко, люди расступились, оставили ему узкий проход. Когда Ахмед приближался к нему со знаменем, по телу Умара пробежали мурашки. Почему же выбрали именно его из полусотни людей? Почему обошли умных, смелых, мужественных бойцов, закаленных в многочисленных битвах? Ведь он же безвестный мальчишка, которому нет и семнадцати. До него, как сквозь сон, дошли слова, которые громко, чтобы все слышали, выкрикнул Акбулатов Ахмед:

– Умар, сын Абубакарова Али! Делу, которое мы начинаем сегодня, твой отец Али посвятил всю свою жизнь. Будь сегодня дома, он был бы одним из самых смелых, мужественных и мудрых предводителей Ичкерии. Из-за уважения к твоему отцу, в его честь, мы вручаем тебе знамя нашего аула, честь нашего аула. Да поможет тебе бог доставить его обратно с победой, чтобы оно воодушевило молодежь на подвиги, а сердца стариков переполнились радостью и гордостью!

Умар бережно, как младенца, обеими руками принял от Ахмеда знамя, наклонился и почтительно приложился к нему лбом.

Лорса, стоящий впереди отряда, бархатным голосом запел песню. За ним мощными голосами подтянули полсотни людей:

Без ночи тьма наступает,  
Без тучи гроза собирается,  
На нас, невинных – война грянет.  
О Аллах, даруй нам силу...

С этой печальной песней маленький отряд гатияуртовцев медленным шагом вышел из аула и вниз по Аксаю направился на равнину...

\* \* \*

Когда восстала Ичкерия, русские мастера, работавшие на строительстве мельницы Хорты, попали в трудное положение. Вчера ночью они посоветовались с Васалом и Кайсаром.

– Надо вам уходить, – сказал Кайсар. – Война есть война. Всякое бывает. Я не говорю, что люди вас тронут пальцем. Они не обидят вас. Но в военное время вылезают на поверхность всякие подонки, до тех пор притаившиеся в щелях. Кто знает, когда нас не будет в ауле, один из таких опозорит не только наш аул, но и весь народ. Кроме того, и работы у вас не получится. Эта свинья Хорта сбежал. Со своим поросенком.

Яков, старший из троих русских, растерялся.

– Как-то неудобно убежать, когда у вас беда...



— Знаю. Спасибо вам. Мы понимаем вас. У вас дома семьи. Уходите.

В эти два дня много думал Михаил. Одна за другой он переворачивал страницы своей беспросветной жизни. Она была незавидной, как у любого русского мужика. Все его предки, лишенные человеческих прав, тянули тяжелое ярмо помещика. Их били, ими торговали, как скотиной, измывались над их женами, сестрами и дочерьми. И того, кто выражал протест против этой жестокости, либо ссылали в Сибирь, либо доводили до самоубийства. Предки Михаила не раз участвовали в крестьянских восстаниях. Из них одних повесили, других сгноили на каторге. Без вести пропал отец Михаила, арестованный в год отмены крепостного права. А в прошлом году, похоронив свою мать, Михаил пустил красного петуха на усадьбу помещика, прославившегося на всю губернию своей жестокостью, и сбежал на юг. У Михаила нет ни семьи, ни дома, ни земли. Он один, как перст. Теперь он батрачит у богатых станичников в Червленной. Должен гнуть спину всю жизнь. Потом он сдохнет где-нибудь на обочине проселочной дороги или под изгородью...

Когда Михаил услышал, что в Ичкерии несколько аулов поднялись против властей, он подумал, а не присоединиться ли ему к ним. А когда узнал, что во главе восстания стоит такой же двадцатилетний молодой человек, как он сам, окончательно решил. Однажды Михаил обмолвился перед товарищами о своем решении. Иван ничего не сказал, а Яков косвенно одобрил.

— О, если бы у меня не было детей полный дом! — сказал Яков. — Будь я свободным, как ты, я бы не стал раздумывать. Я бы восстал, чтобы отомстить за все муки и страдания моих родителей, и за мои личные. Даже если мне пришлось бы погибнуть в первый же день. У тебя на плечах своя голова, Миша. Свою судьбу решай сам. Но знай, что за эти несколько месяцев мы полюбили тебя, как родного брата. Андрей Никитич твердо решил, если к осени власти не разыщут тебя, женить тебя и сыграть свадьбу.

В день восстания жителей Гати-юрта трое мастеровых собрались ехать домой. Когда Михаил увидел проходивший мимо них отряд Акты, своих друзей Кайсара, Юсупа, Арса-

мирзу и Янарку, в его голове все перевернулось. Принять окончательное решение его заставил всегда веселый Янарка.

– Эй, Мишка, куда пошел?

– Домой, Янек, домой!

– Домой ни нада. Война нада. Царь бит, эпсар бит нада. Зимла, чурек нада. Иди царь бит, эпсар бит!

Михаил посмотрел на Якова.

– Яков Алексеич, я иду с ними...

– Не знаю, Мишка. В нынешнее время трудно другому советы давать. Поступай, как совесть велит...

– У меня коня нет, ружья нет, Янек.

Янарка хлопнул по крупу своего коня.

– Садись сзади меня, Мишка! Сегодня-завтра мы с тобой уьем эпсар, добудем тебе коня и оружие.

Михаил протянул Якову топор и пилу.

– Возьмите, Яков Алексеич... Я иду. Скажи Андрей Никитичу, что я никогда не забуду его доброту и извинись за меня перед ним. И вы, Яков Алексеич, не поминайте меня лихом. Простите за то, что я был для вас обузой. Хочу отомстить за наши страдания, за страдания наших отцов и матерей. Если суждено, увидимся...

Михаил обнялся и троекратно расцеловался с товарищами. Потом побежал, ловко вскочил на круп коня Янарки, сделал прощальный жест.

По щекам Якова потекли щедрые слезы...

## 5

Гатияуртовский отряд должен был стать ядром повстанческого движения в северной части Ичкерии. На Акту возложили задачу – сперва своим отрядом захватить Ишхой-юрт, находящийся в трех верстах от крепости Герзель, а затем объединить другие отряды, которые придут из соседних аулов и двинутся на Хасав-юрт.

К тому времени в Хасав-юрт должны были подоспеть и повстанческие отряды из аулов, расположенных по долинам рек Ямансу и Ярыксу.

Акта не сомневался, что дело с ишхоевцами завершится успешно. Однако картина, представшая их взору, когда отряд

прибыл к Ишхой-юрту, удивила его. Берегом Аксая, через густой лес, гуськом выбрался отряд к окраине аула и здесь наткнулся на нескольких человек, которые стояли на пригорке с белым флагом. Среди них были аульный мулла, кадий, двое хаджей. Чуть поодаль стояло более ста женщин и детей. Увидев белый флаг, Акта растерялся. Было непонятно, то ли ишхоевцы показывают свою солидарность, то ли пришли на переговоры. Но в первом случае навстречу должны были выйти не женщины и дети, а вооруженные мужчины. А среди этой толпы не видно ни одного их единомышленника. Что же случилось с ними? Акта, не выдавая своей тревоги, галопом поскакал к представителям аула, резко осадил коня и, подняв его на дыбы, заставил сделать поворот.

– Что это у вас за белый флаг? – прикрикнул он на них. – Почему встречать войска имама пришли женщины? Где ваши мужчины?

Когда пятьдесят всадников из Гати-юрта, славившиеся во всей Ичкерии своим буйным нравом, выехали лесной тропой на открытое место, встали лицом к аулу, ишхоевцы порядком перетрухнули. К тому же Акта, гарцующий перед ними на огромном черном коне, слыл скорым на руку.

– Мы хотим мира, Акта, – заговорил Тарам-хаджи с белоснежной длинной чалмой, обмотанной вокруг высокой папачи из овчинки, и широким арабским ковровым поясом, обтягивающим его несколько выпуклый живот. – Затеянное вами дело чуждо нашему аулу.

Теперь акта понял, что тут кроется какая-то измена.

– Ты что, думаешь, это дело мне досталось от моего деда Бацары? – повысил он голос. – Это же народное дело! И возглавляют его прославленные конахи!

– Ваша затея – глупость, Акта. Вам не победить христианского царя. И тот, кто не понимает этого – глупец.

– Акта, мы живем в двух соседних аулах, знаем друг друга, имеем родственные узы, – вмешался мулла Аршак. – Просим вас оставить наш аул в покое. Мы же находимся у самой Военной дороги. Бок о бок с крепостью Герзель. Пушечные выстрелы оттуда за час размолотят наш аул. За час и войска из Хасав-юрта сюда подоспеют.

– О, да будь прокляты ваши семь предков! А разве Гатюрт на небе? – возмутился Акта. – Или думаете, что царские солдаты не смогут пойти дальше вашего аула, там у них ноги онемеют? Или наш аул, наши семьи хуже ваших?

– Пусть каждый отвечает за свою голову, Акта, – напыжился Тарам-хаджи. – Нам ни с кем не нужно вражды. Власть эта нас удовлетворяет. К тому же, всякая власть от Бога, и кто против власти – тот против Бога и будет проклят...

– Ради бога, прекрати эту песню! Она мне осточертела, она мне сердце, душу, легкие – все внутренности прожужжала! Для некоторых из вас она от Бога. Для тех, кто носит на голове чалму в девять локтей, одеваются в эти длинные женские габли<sup>1</sup>, обвязывают толстые брюки ковравыми поясами шириной в ладонь, да еще замаливают свои грехи на связках пятисотенных четок! А для нас, бедняков, она от сатаны. А эти женщины зачем пришли?

– Если вы отклоните нашу просьбу, эти женщины будут просить, чтобы вы не входили в наш аул...

– Несчастный аул! С других аулов все мужчины с оружием в руках поднялись на борьбу за свободу, а ваш против них выставил и детей! Но по-вашему тоже не выйдет! Эй, Арсамирза! Арестуй этих пятерых. Потом разберемся, кто из нас глуп и кто умен.

Из строя вышли двое всадников и с саблями наголо стали по обе стороны от векилей.

– Почему вы не оказываете уважение нашему флагу? – завопил побледневший Тарам-хаджи. – Вы нарушаете обычай наших предков, всех народов, проявляя неуважение к белому флагу и векилям. Хоть на первом своем шаге не позорьте обычай предков!

– Не тебе нас учить! – прикрикнул на него Акта. Теперь уже окончательно разъяренный, он стоял грозно со вздувшимися рыжими бровями и пышными усами. – Если в чем-то мы ошибаемся, у нас есть свои муллы и хаджи, чтобы поправить нас. Эй, как там тебя, старик! Ты иди, отведи домой своих женщин. Янарка, готовься взять аул.

---

<sup>1</sup> Акта высмеивает длиннополые сутаны духовных лиц.

Мулла Аршак от души расхохотался, глядя свою длинную, седую бороду и обнажив крупные, белые зубы. Ямочки, образовавшиеся на его округлых щеках, еще больше распяляли Акту.

– Ты чего ржешь, Аршак? – выхватил он из ножен саблю. – Закрой свою сучью пасть! Ты что думаешь, мы пришли сюда в чехарду с вами играть? Клянусь всеми Коранами, читанными в Мекке и Медине, я порублю ваши большие головы, как тыквы. Свиньи! Это вы, муллы и хаджи, сделали нас несчастными. Когда народ попытался помириться с русскими, вы травили его на них, а когда царь показал вам вымя, вы же продались ему. Уведите их!

Двое всадников тронули векилей с места.

– Но знай, Акта, сын Тевзби, – поднял вверх посох Тарам-хаджи, – если с наших голов упадет хоть один волос, всех ваших единомышленников из Ишхой-юрта вздернут на виселицу! Эти безбожники одни посажены в набахту<sup>1</sup> крепости Герзель, другие находятся под стражей. В ауле стоит двести солдат с двумя пушками.

Подгоняемые к аулу женщины запричитали, как болотные лягушки в летний вечер. Одни из них плакали, другие визжали, снимали с голов платки и размахивали ими. Короче говоря, Акта понял, что они просят его уйти отсюда. Он не выносил женский плач и визжанье, и его терпение кончалось. У него даже появилась мысль ворваться в аул, не обращая внимания на женщин, выгнать оттуда солдат и освободить своих товарищей. «Но если вот эта харя говорит правду, то выполнить такую задачу не хватит сил. А может, он раздул все, чтобы припугнуть их? Эх, будь прокляты их товарищи из Ишхой-юрта! Что же они дали разловить себя, как рассеявшиеся на ночь по деревьям куры? Валлахи ва биллахи, надо бы зарубить этих векилей, чтобы власти повесили тех гупцов, которые так просто попали в руки врага».

Подъехавший Лорса наклонился к нему и сказал на ухо несколько слов.

– Арсамирза, не спускай глаз с этих предателей.

---

<sup>1</sup> Набахта – тюрьма.

Углубившись в лес по тропе, указанной Лорсой, Акта наткнулся на хорошо вооруженного молодого всадника. Когда он приблизился к нему, тот закатил левый рукав черкески и показал пришитую изнутри величиной с ладонь красную латку.

– Я тебя слушаю, – остановился Акта, убедившись, что перед ним гонец имама, и весь обратился во внимание.

Всадник окинул Акту взглядом с ног до головы. Видимо, он остался доволен рослым, худощавым и сердитым сотником.

– Вчера ночью имаму стало известно об аресте властями наших товарищей из Ишхой-юрта, – низким басом проговорил всадник, не разнимая зубов и наморщив лоб. – Как и здесь, неудачно начались наши дела и в аулах по Ямансу. Если сможешь, захвати крепость Герзель и уничтожь там телеграфную связь на протяжении одной-двух верст. Если считаешь, что на это у тебя не хватит сил, отправься в Аллерой-аул, Бачиюрт, пополни там свой отряд и следуй в Майртуп. Понял?

– Понял. Однако о захвате крепости Герзель с моими силами не может быть и речи. Иمامу же хорошо известно, что там находятся двести солдат, сто всадников и две пушки.

– Правда, солдат там многовато. Но ведь силы не всегда на стороне того, у кого больше людей. Решай сам.

– Здесь я задержал векилей Ишхой-юрта, – сказал он приглушенным голосом. – Муллы и хаджи. Буду держать их под стражей до тех пор, пока власти не отпустят наших товарищей. Что имам скажет?

– По-моему, задерживать и карать мирных векилей – это ни с какими обычаями не согласуется. Но они пришли, предав наших товарищей. Это дает нам основание пренебречь правилами. Делай, как считаешь нужным.

Расставшись с молодым человеком, Акта медленно вернулся к товарищам. Он и так был расстроен первой же неудачей, вдобавок ко всему, тот сопляк отчитал его как мальчишку. Возвратившись, он стал грозно рассматривать ишхоевских векилей. Акта не знал стоявшего среди них скудно одетого старика. Очевидно, он был не из породы духовенства и богатеев.

– Как твое имя, старик? – указал на него плетью Акта.

— Мааш<sup>1</sup>.

— А на деле оказался комолым. Будь ты на самом деле Маашом, был бы с нами. И все же я поручу тебе одно важное дело. — Он сдвинул нагайкой на затылок свою мохнатую папаху и почесал лоб. — Возвращайся в аул и передай наши требования тем, кто послал вас сюда. Этих четверых я увожу с собой. Если власти освободят наших двух товарищей, Жебара и Мутоша, а ишхоевцы дадут нам сто ружей, сто пистолетов и одну мерку пороха, и если выгонят из аула Хорту и его сына, то эти четверо целыми и невредимыми вернутся домой. Но если в течение пяти дней наши условия не будут выполнены, я отправлю их в ад к своим предкам. Арсамирза, неприлично вести хаджей пешими. Кроме того, и возиться с ними некогда. Пусть четверо всадников отдадут им своих коней, а сами сядут сзади товарищей. Лорса! Построй отряд. За мной!

Через несколько минут маленькое войско Акты скрылось в лесу.

---

<sup>1</sup> Мааш — рога.

## ГЛАВА IX

---

### *НАЧАЛО БУРИ*

Сходят с ума-то цари,  
А спины трещат у ахейцев.

*К. Г. Флак. Послания*

#### 1

Генерал-адъютант Александр Павлович Свистунов торопился в Грозный в связи с внезапно вспыхнувшим восстанием в Ичкерии, и каждая верста дороги между Владикавказом и Грозным ему казалась бесконечной.

Начальник области хорошо понимал, какую огромную ответственность накладывает на него восстание в Чечне, которое началось в военное время. Если он не погасит пламя в самом начале, то оно, несомненно, перекинется в Дагестан. В главном штабе имеются точные сведения о том, что между чеченскими, сванскими и абхазскими предводителями установлены прочные связи.

Если восстание охватит все горные районы, то оно прервет пути военных коммуникаций. А отвечать придется ему...

Еще вчера Александр Павлович, как обычно, спокойно занимался своими делами. Небо над Чечней виделось ему ясным. Но кто мог предположить, что гром загремит так внезапно и в такой неудобный момент? Когда они веселились на банкете по случаю коронации Его императорского величества, от полковника Батьянова пришла телеграмма о происшествии в Кешень-Аухе. Вслед за этим князь Авалов сообщил, что Алибек избран имамом и что в Ичкерии началось восстание.



Когда поступили эти сообщения, Александру Павловичу прежде всего вспомнился Чеченский полк, который стоял во Владикавказе в ожидании отправки на турецкий фронт. При создавшемся положении было опасно держать его здесь. Кто знает, как поступили бы чеченцы, узнай они о восстании. Поэтому он срочно переправил полк за перевал.

Мысли Александра Павловича снова и снова возвращались к создававшемуся положению: к мятежной Чечне, раскинувшейся перед его взором. Всего шестнадцать лет прошло с тех пор, как он беспощадно усмирил последний бунт в Ичкерии во главе с этим Бойсангуром. Начавшись в Беное, бунт перебросился в верховья Аргуна. Там его возглавили знаменитые наибы Атаби Атаев и Умма Дуев. Тогда-то и поймали Бойсангура и вздернули на виселице в Хасав-юрте. А Атаби с Уммой отправили в ссылку. Один лишь беноевский Солтамурад каким-то чудом спасся. Вернувшись из ссылки, Атаби вскоре скончался, а старый волк Умма затаился в шотоевских горах, облизывая раны, как лев в своем логове, и нетерпеливо ожидал удобного момента, чтобы выйти оттуда для хищнического набега.

У генерала имелись сведения, будто Умма, во время возвращения из последней поездки в Мекку, о чем-то договорился с турками. Но с тех пор прошло много времени, и ничего подозрительного о нем не было слышно. Наоборот, он усердно старался показать властям свою преданность. И все же тогдашний начальник области генерал-лейтенант Лорис Меликов взял в аманаты младшего сына Уммы, Даду, и отправил его в Россию, в кадетский корпус, чтобы воспитать в другом духе, другом сознании. И теперь он в свите Александра Павловича. А старший, Шамиль, — зумсоевский старшина. Но Свистунов все равно сомневается в преданности Уммы. Только утверждение начальника Грозненского отдела князя Эристова, что Умма покорился навсегда и верен царю, притупило бдительность генерала. Однако недаром говорят, что волк, как его ни корми, все равно в лес смотрит. Трудно поверить, что Умма переменит свой буйный нрав.

Сильный толчок оторвал генерала от этих мыслей. Здесь дорога сплошь была ухабистой и коляска часто подпрыгивала. Поправляя надвинувшуюся на глаза фуражку, он оглянулся. Его

взгляд остановился на симпатичном офицере – туземце, ехавшем во главе эскорта. Тонкая талия, на широких плечах погоны прапорщика. Худощавое лицо, красиво закрученные усы, острый взгляд. Когда взгляды их встретились на секунду, генерал вспомнил, что этот молодой офицер – сын Уммы. Интересно, как поступит сын, если отец примкнет к мятежникам? Следует он за отцом или останется верен присяге? Если этот разъяренный лев попытается вырваться из своего логова, в руках генерала ценный заложник, с помощью которого он не только загонит его обратно, но даже поставит на колени.

Далеко впереди показалась равнина Грозного.

Александр Павловичу до сих пор не удавалось осмотреть состояние военных сил области. В мирное время он не имел права вмешиваться в них. Когда началась война с Турцией, он механически стал командующим войсками области. Но у него не было достаточно сил, чтобы справиться с чеченским мятежом. Двадцать восемь пехотных батальонов и шесть команд. Всего двадцать четыре с половиной тысяч штыков. Казачьи сотни две с половиной тысяч сабель и двадцать четыре орудия. Да плюс к ним одиннадцать сотен местной милиции.

Но ведь невозможно всю эту силу сосредоточить в одной лишь Чечне. Кто знает, что на уме у ингушей? Да еще Военно-Грузинскую дорогу надо охранять. И у границ со Сванетией надо держать вооруженные силы. Осетины и кабардинцы тоже не такие уж ангелы – стоит только ослабить дубинку, тут же покажут зубы. Да еще меньше надежды на русских мужиков и рабочих, которые живут в Грозном...

После долгих размышлений генерал решил пока перебросить в Ичкеррию из вверенных ему военных сил восемьдесят четыре роты пехотинцев, девять казачьих сотен и тридцать два орудия. Кроме того, у него оставалась надежда сколотить из чеченцев и других местных народностей добровольческие отряды из аульных верхушек. Об этом он вчера известил окружных начальников.

Ближе к городу дорога оказалась в более лучшем состоянии. Теперь коляска неслась плавно, вздрагивая лишь изредка. Он застегнул верхнюю пуговицу на кителе, пригладил усы и приготовился въехать в город. Генерал знал, что там жители с нетерпением ждут его, как своего спасителя...

По мере продвижения Свистунова с конвоем вглубь города улицы становились все многолюднее. Когда добрались до центра, генерал застал там в сборе отцов города и приехавших из станиц и аулов знатных людей.

Увидев начальника области, они облегченно вздохнули, словно Христос Иисус спустился с небес. Для них он не просто генерал, а герой. Ведь он был начальником штаба войска Терской области, когда шестнадцать лет назад подавляли восстание в тех же горах Чечни. Ходили упорные слухи о том, что тогда восстание было подавлено благодаря его уму и воинскому искусству. В то время он был всего лишь молодым полковником, теперь – это седовласый, умудренный боевым и жизненным опытом генерал-адъютант.

Первым подошел городской священник отец Викентий. Он благословил крестом смиренно представшего перед ним командующего. Потом подошел окружной кадий Юсуп. Затем – разные служивые, отставные генералы и офицеры.

Не обращая внимание на благодарные и хвалебные возгласы городских мещан, в сопровождении генерала Виберга и князя Эристова Александр Павлович вошел в канцелярию округа. Не дожидаясь приглашения, следом вошли отставной генерал-майор Арцу Чермоев и полковник Беллик.

За ним последовали еще молодой, стройный кадий Юсуп, офицеры местной милиции: полковник Касум Курумов, подполковник Уллуби Чуликов и майор Давлет-Мирза Мустафинов.

Начальник области не успел расстегнуть воротник, когда подбежавший Давлет-Мирза Мустафинов снял с его плеч походный плащ, Уллуби Чуликов принял фуражку. Свистунов тяжело опустился в громоздкое кресло, обтянутое черной кожей, над которым висел портрет императора, и окинул взглядом оставшихся стоять старших офицеров. Каждый, на ком останавливался его взгляд, подобострастно подтягивался в струнку. Один лишь кадий Юсуп оставался стоять смиренно, перебирая четки и нашептывая молитвы.

– Садитесь, господа, – сказал генерал, кивнув им. – Ваше сиятельство, докладывайте о положении дел.

Только что присевший было здоровенного роста князь Эристов встал, упершись руками о края стола, и, проведя рукой по седеющим усам, слегка откашлялся.

— Ваше превосходительство, последние сообщения не радуют нас, — начал он, открыв лежащую перед ним папку и перебирая в ней бумаги. — Когда в беноевских аулах начался мятеж, полковник Авалов, чтобы уладить дело мирно, поехал в Центорой и послал почтенных стариков из близлежащих сел к Алибеку с требованием прекратить смуту, пока она не зашла далеко. Но мятежники их не приняли. Тогда полковник Авалов вызвал из Ведено в Центорой две роты Куринского полка, три с половиной сотни штыков. Но, убедившись, что мятежники не испугались его действий, он не решился вступить с ними в бой и отступил со своим отрядом в Эрсеной. После этого Алибек занял Белгатой. С Алибеком находится известный нам беноевский Солтамурад. Говорят еще, что двое хаджей посланы в наш округ поднимать равнинные аулы. Авалов оставил Эрсеной, сейчас находится в Ведено. Не знаю, почему, но полковник Нурид со своим отрядом стоит в Воздвиженской, не предпринимает никаких действий, чтобы помочь Авалову.

— Каковы планы у мятежников? — беспокойно оборвал Сви-стунов многословную речь князя.

— Если судить по сведениям, которые я получил сегодня, то весь Веденский округ находится в руках мятежников. Алибек поручил одному из своих помощников Губхе занять ущелье Хулхулау и отрезать Ведено от равнины. По доносам лазутчиков, Алибек собирается выйти на равнину в районе Курчалой-Майртуп.

— А есть вести из Хасав-юрта?

— Час назад флигель-адъютант полковник Батьянов сообщил, что его дела неплохи. Его полк занял линию между Хасав-юртом и Гудермесом, чтобы не дать мятежу перекинуться на равнину.

Князь Эристов не сообщил ничего нового для генерала. Оказавшийся в начале мятежа в Умхан-юрте, начальник штаба войск области полковник Мылов написал ему рапорт с подробным изложением здешней обстановки. Поэтому генерал заранее составил план действий и ознакомил с ним присутствующих.

– Господа, мы не можем допустить, чтобы зараза, вспыхнувшая в Ичкерии, распространилась в другие части края. Необходимо срочно мобилизовать все имеющиеся под рукой силы, отрезать Ичкеррию от Ауха, Салатавии, Чеберлоя. Дороги из Чечни в Дагестан закроют части войска Дагестанской области. 20-й дивизии, которая квартируется в Грозном, следует занять предгорье. Таким образом, мы окружим очаг мятежа со всех сторон, не дадим пожару перекинуться в соседние районы, потушим его на месте. Как вы считаете, господа?

Арцу Чермоев одобрительно кивал головой. Касум, Уллуби и Давлет-Мирза признали план гениальным. Юсуп не обмолвился ни словом. Только Беллик возразил генералу.

– Ваше превосходительство, зачем нам укрепления в Ичкерии? – вскочил он. – По сути никаких укреплений там нет, есть несколько каменных построек. Наш первейший долг – защищать русское население в городе и на равнине. Срочно перебросьте с гор на равнину все отряды, не оставляя там ни одного солдата. Помяните мое слово, если вы не сделаете это, чеченцы перережут кинжалами все население не только в станицах, но и в городе... Я же вырос среди них и хорошо знаю их нравы. Ведь ненавидят они нашу власть.

Полковник говорил возбужденно, пронзительно, сильно жестикулируя, так, что жилы на его шее вздулись. Генерал дал ему возможность высказаться.

– Дорогой полковник, я не имею права отзывать отряды с гор под видом защиты русского населения города и отдать чеченцам, хотя бы одно, как вы изволили сказать, наше каменное строение. Это было бы признанием нашего бессилия.

– Ваше превосходительство, мы готовы сделать все, что в наших силах, – сказал Арцу, наклонив голову. – У нас имеются достаточно прочные связи среди чеченцев. Родственные и прочие.

– У меня будет просьба к вашему превосходительству и господам офицерам, – Свистунов посмотрел на других чеченцев, – вызовите завтра сюда всех старшин, мулл и хаджей равнинных аулов.

– Позвольте, ваше превосходительство, – снова просительно взвизгнул Беллик, – позвольте мне укрепить город. Кто

знает, вдруг мятежники нападут на город. Ведь нелишне будет рыть окопы и возводить земляные брустверы на подступах. У меня есть возможность собрать людей. Не пройдет и трех дней, как город будет укреплен...

– По-моему, полковник, ситуация такова, что нам следует быть начеку, чтобы городская чернь не примкнула к мятежникам. Вглядываясь в лица многих на улицах, я заметил, что они не только не боятся нападения чеченцев, а, наоборот, рады их бунту. Боюсь, как бы они сами не позвали мятежников. А вы стараетесь охранять их...

Когда Беллик вновь расшумелся, Свистунову надоело это.

– Действуй, полковник, – махнул он рукой, – все равно эти мешане ни на что другое не годятся. От безделья сплетни распространяют, панику наводят.

Вошедший сотник Габаев протянул Свистунову телеграмму. Пробежав ее глазами, генерал обратился к присутствующим.

– Господа, вам необходимо навести в городе строгий порядок. Немедленно покончить с паникой. Поднять дух жителей. Городские воинские части держать в боевой готовности. А вы, господин Чермоев, через своих товарищей сделайте так, чтобы почетные люди, которые завтра соберутся здесь, подготовили адреса на имя его императорского величества. Какими они должны быть, не мне вам объяснять. Им самим полезно засвидетельствовать свою верноподданность. А теперь вы свободны.

Когда все вышли, Свистунов открыл пакет, поступивший от Батьянова. Полковник подробно излагал события, происшедшие в Аухе: об убийстве полковника Петухова, угоне лошадей из крепости Кешень-Аух, о предпринятой им карательной экспедиции в ауховские аулы.

«На второй день, в назначенное время, и двинули три батальона по трем направлениям, – писал он. – Испуганные этим движением, жители ближайших аулов вскочили на коней, нагнали шайку мятежников, и к утру все лошади были доставлены в Хасав-юрт.

До назначенного мною времени явились четыре человека, виновные в убийстве подполковника Петухова. Они были приговорены военным судом к смертной казни через пове-

шение, что и было приведено в исполнение в Хасав-юрте; присутствуя первый раз при казни, я был поражен спокойствием, с которым эти люди умирали...».

«Ну и заварил же ты кашу, господин полковник, – покачал головой Свистунов. – А может это и к лучшему. Надо нагнать страх на этих разбойников».

### 3

На следующий день горожане стали свидетелями невиданных зрелищ.

По разным улицам города к центру, к канцелярии начальника округа направлялись чеченцы из аулов. Конные и на подводах. Ближе к полудню площадь перед канцелярией пестрела многоликой толпой. Подавляющее большинство делегатов составляли старики с широкими белыми бородами, с обмотанными вокруг мохнатых папах белыми чалмами. По одежде видно было, что они не из бедных. В черкесках из добротного сукна, в атласных бешметах с драгоценным оружием.

На помост, наспех склоченный плотниками, поднялись генерал-адъютант Свистунов, князь Эристов, генералы Чермоев и Виберг, полковники Белли и Курумов, подполковник Чуликов. Среди них был и окружной кадий Юсуп в долгополой зеленой сутане, с белой чалмой, повязанной вокруг каракулевой папахи. Когда показалось начальство, в толпе прекратился шум.

– Что-то народу мало, – заметил Свистунов Арцу, не оборачиваясь к нему.

– Из Малой Чечни пришли все, ваше превосходительство. Но из аулов Большой Чечни прибыли немногие. И то – большинство из Шали, Герменчука и Гельдигена.

– Как вы думаете, ваше превосходительство, не начать ли? – придвинулся к генералу князь Эристов.

– Что ж, не будем напрасно терять времени. Начинай, Юсуп.

Юсуп стоял несколько позади других. Он сделал шаг вперед, простер руки для молитвы.

– Субханаллах, валхамдулиллах, ва лаилаха илаллах...

Собравшиеся удивились такому началу – ведь такое мероприятие обычно завершалось молитвой. Но все подняли

руки, не ударяясь в дальнейшие размышления. Что им, лишь бы начальству было угодно...

– Аминь!

– Аллаху аминь!

– О Аллах, всемогущий Бог, поддержи нашего великого падишаха Эликсандра в его праведной войне против нашего лютого врага – турецкого падишаха. Пусть твои пророки, ангелы и святые придут на помощь нашему любимому падишаху Эликсандру, его славным воинам.

– Аминь!

– Аллаху аминь!

– Помоги ему, Бог...

– Пошли ему помощь своих ангелов...

– ...О Аллах, лиши своей милости тех мусульман или христиан, кто словом, делом или мыслями совершит зло против нашего доброго падишаха и его наместников, давших нам счастье, возвысивших и приблизивших нас к себе...

По площади покатился гул «аминь», каждый старался произнести это громче остальных.

Закончив молитву, кадий отступил на свое прежнее место, смиренно опустив глаза.

Стоящие внизу люди, завершая молитву, легонько провели руками по лицам и бородам и, устремив взоры на помост, стали ждать, что будет дальше.

Окинув толпу суровым взглядом, начальник области, нажимая на каждое слово, произнес короткую речь.

– Мне думается, вы знаете, зачем я вас вызвал. Как вам известно, неделю назад Россия начала войну с турками. Изложу вам коротко причину. Турки хотят снова проглотить народы Кавказа, которые его императорское величество вырвал у них из пасти. Но мечты этих голодных собак не сбудутся. Мы не отдадим им ни одной пяди земли. Ее своей кровью защитили русские воины и народы Кавказа. Каждый сын отечества полон отваги и решимости не только защищать этот край, но и освободить другие народы, стонущие под игом проклятых турок. Чтобы выполнить этот священный долг, ушли вчера на войну и ваши храбрые сыны. Но нашлись и вероломные псы, которые воспользовались тем, что над родиной нависла опасность. Они подняли бунт в Ичкерии. На-



стал сегодня день, когда определится, кто верен царю и отечеству, а кто против них. Я бы хотел знать ваше мнение...

Уллуби Чуликов, толмач князя Эристова, перевел речь генерала. В толпе раздалась реплика, поддерживающие начальника области. Потом представители аулов стали преподносить генералу адреса на имя его величества. Выйдя из переднего ряда и подойдя к помосту, худощавый и долговязый хаджа протянул вверх Свистунову адрес ачхоймартановских аулов. Взяв у старика бумагу, генерал передал ее Чуликову. Развернув вчетверо сложенный лист, Уллуби начал громко читать его:

*«Великий Государь! Более двадцати лет жители 5-го участка Грозненского округа, селений: Ачхоя, Катыр-юрта, Валерика, Алхан-юрта, Кулары, Хадис-юрта и Мержей-Берама, вступив в подданство твое, настолько благодетельствованы Твоими щедротами, что чувствуем себя совершенно счастливыми, и хотя некоторые из нас переселились с соизволения Твоего в Турцию, но большею частью возвратились обратно под Твое, Великий Милостивый Государь, правительство, и ныне, когда Ты вынужден объявить Турции справедливую войну, мы для совместного с Твоими храбрыми войсками действия противу Турции выслали своих отцов, братьев и сыновей, по желанию начальства около 130 человек конных...».*

Читая всеподданнейший адрес, Уллуби то и дело отрывался от него, поглядывая на генерала.

*«...Недавно мы слышали, что некоторые горцы, подстрекаемые дурными людьми, желают как бы помочь Турции своими мелкими возмущениями, а потому мы, повергая к стопам Твоим наши верноподданнические чувства преданности, просим не причислять нас к этим вероломным горцам, и в случае надобности, мы для усмирения этих неразумных преступных людей готовы поголовно.*

*Клянемся Всемогущим Богом в искренности наших чувств и просим повергнуть их пред Тобою, Великий Государь, нашего любимого генерала, господина начальника области.*

*Всепогоднейший адрес этот мы, старшины и почетные старики, подписали по доверенности наших сельских обществ.*

*1877 года, 26 дня, апреля месяца».*

Когда Уллуби зачитал и вернул генералу адрес, такого же содержания адреса один за другим преподнесли урусмарта-новские, шалинские, назрановские депутаты. Начальник принял от них адреса, сложил их вместе и, подняв кипу вверх, показал людям.

– Прекрасно! Вы вручили мне адреса, составленные вами на имя его императорского величества. Однако вы отдаете отчет вашему действию?

Старики удивленно взирали на него. О чем тут думать и что тут непонятного? Такие письма они пишут не впервые. И ведь прежде за такие письма падишаху, начальники благодарили их. Каждому крепко пожимали руку. Самым знатным и почетным из них давали большие подарки, награды. И чего еще хочет от них этот новый начальник, им невдомек!

Взгляды хаджей и мулл, не знавших, что и как ему ответить, просительно остановились на стоявшем в переднем ряду шалинце Боршиге.

– Боршиг, ответь нашему большому начальнику!

– Нет, что вы, – покачал головой Боршиг, – здесь есть офицеры Давлет-Мирза Мустафинов, Бача Саралиев и Сайпулла Сампиев. Пусть они скажут.

– Ты лучше скажешь!

– Говори ты, Боршиг!

Довольно богатый, уважаемый местными властями и почитаемый в окрестных аулах шалинский старшина после притворных препирательств вышел вперед. Рослый и стройный Боршиг, слегка погладив густые усы и коротко подстриженную черную бороду, выступил вперед толпы, выпятив грудь, словно гусак.

– Ваше превосходительство, дорогой наш генерал! – заискивающе заговорил он. – Мы не в первый раз пишем письмо нашему великому падишаху. По примеру наших отцов, мы верно и преданно служим богом назначенному нашему падишаху и его справедливой власти. Аулы, которые послали нас

своими векилями, поручили нам передать вам, господин генерал, что они до конца своей жизни будут верны нашему любимому падишаху. В этом нет никакого сомнения!

Когда Боршиг кончил говорить, Свистунов, который все это время стоял снисходительно усмехаясь и покручивая усы, словно собирался продеть их в ушко иголки, уставился на него поверх очков.

— Хорошо, хорошо, — генерал скользнул сердитым взглядом поверх толпы, — выходит, что вы не поняли меня. Прошли те времена, когда в годы войны за такие вот письма, — он потряс в воздухе адресами, — за такие адреса государь император благоденствовал вас пенсиями, чинами и медалями. Прошли времена, когда вас оставляли в покое, лишь бы вы мирно жили рядом со своими бабами. Теперь настало время, когда вы должны показать свою верность и преданность не словами, а действиями. Я объясняю вам, что значат взятые вами обязательства, ваш долг, короче говоря. Как вы знаете, в горах появились преступники. А по дорогам вашего края ездят офицеры, начальство. По телеграфу передают срочные приказы, которые не должны задерживаться ни на одну минуту. Поэтому возлагаю на вас охрану здешней большой дороги и связи Владикавказа с Грозным. Эта дорога и эта связь проходят по левую сторону Сунжи, мимо ваших аулов. Я верю, что вы с большим усердием выполните свой долг, возложенные на вас обязательства.

Люди слушали внимательно, хотя и мало кто понимал, что говорит генерал. Однако по глазам и голосу они поняли, что его речь не сулит им ничего хорошего.

— Если, — пригрозил генерал пальцем, — проезжающие по этой дороге почта, подвода или человек подвергнутся нападению, если перережут хоть один провод или повалят столб, — тогда пеняйте на себя. Прибуду с войсками и все близлежащие аулы, где произошло злодеяние, сожгу, разрушу, сравняю с землей. А хлеба ваши скошу, потопчу лошадьми, уничтожу. Это я вам твердо обещаю.

Чуликов быстро перевел грозную речь генерала.

— А если мы не будем иметь касательство к преступлению? — спросил мартановец.

— Что он говорит? — повернулся к нему Свистунов. — Я не стану разбираться чья вина. Полностью на вас лежит ответ-

ственность за безопасность дороги и связи. Кроме того, как вы и обязались, мобилизуйте побыстрее из своих людей отряды, чтобы покарать восставших злодеев. Это покажет, насколько вы верноподданны престолу. Поняли? Хорошо, если поняли. Тогда поживей возвращайтесь в свои аулы и приступайте к выполнению приказа.

Свистунов повернулся спиной к толпе и спустился с помоста.

#### 4

В тот день не все депутации чеченских и ингушских аулов разъехались по домам. Хоть обстановка была опасная, а поручения начальника области – ответственные, им еще хотелось, раз уж приехали в город, наладить и собственные дела.

Торговцы бросились к конторам и складам городских купцов. Другие разбрелись по магазинам и базару покупать всякие хозяйственные товары.

Несколько почетных стариков плотно обступили князя Эрестова. Спрашивали о войне с турками, о ее причинах, о своих сыновьях и братьях, которые отправились на войну, но успели только пересечь Кавказский хребет.

Ночь не сулила Эрестову покой. Командующий вызвал его к себе для конфиденциальной беседы. Николай Богданович прервал занятия с бумагами, и обхватив руками голову, предался раздумьям.

И вправду, будь на плечах даже девять голов, и те не осмыслят события, происходящие на свете в последнее время. Когда он пытается вспомнить и обдумать все происходящее, в голове образуется какой-то невообразимый клубок. Это Франция распространила заразу, взбудоражила весь мир, и людей, и целые народы. Декабристы принесли ее в Россию. Не перевелась она здесь и даже тогда, когда их всех перевешали или сослали в сибирские каторги и под пули кавказских горцев. Вслед за ними появились сотни других бунгарей под разными именами. Теперь в России расплодились какие-то народники, призывающие чернь против царя и властей. И в Грозном бродят их призраки. Эти разнородные революционеры повсюду сеют смуту, и власть едва успевает ее подавлять. Потушат пожар в одном месте – разгорается в другом.

За эти последние два-три года Эристов и сам участвовал в подавлении нескольких крестьянских восстаний. В Бакинской области, в Сванетии, Мегрелии. И ныне периодически поступают сообщения о крестьянских волнениях в некоторых губерниях империи. Напряженная обстановка в Малороссии, среди татар, башкир, мордвинцев, чувашей. А сколько их может быть неизвестных Эристову...

Поднимаются не только мужики и туземные народности. Эта зараза распространилась даже и среди казачества. Почти два года сопротивлялись правительственным войскам казаки Урала. Не хотели принимать новый закон о воинской повинности и нововведения в общественном управлении. Триста семей, переселенных оттуда на побережье Аральского моря, не усмирились по сей день.

Говорят, имеются места недовольства и среди донского казачества. Эта опасная зараза могла докатиться и до Терека, если бы не эта война и чеченское восстание.

Но за последние двадцать лет постепенно набирает силу другой самый страшный для самодержавия противник – рабочие. В крупных городах страны против власти они поднимают свой мощный голос. Эту грозную силу видел и Эристов, будучи в позапрошлом году в Петербурге. Две с половиной тысячи рабочих Невского механического завода остановили работу и вышли к конторе. А причина была пустяковая! Кричали, почему, мол, не выдали своевременно плату. Но вызванные туда казаки здорово проучили их. Разогнали нагайками и саблями.

Мужиков и рабочих, веками терпеливо тянувших свою лямку и не имевших единство, говорят, взбудоражил некий Маркс. Говорят, созданное им какое-то общество взялось за руководство освободительным движением всех народов мира. Его учением, говорят, руководствуются и революционеры России.

«Почему терпят таких людей во Франции, в Германии, Англии, Америке? Своих и изгнанных из России? Неужели у них нет, как в России, тюрем, каторги, виселиц, чтобы сажать их, вешать? Там с распростертыми руками принимают изгнанных отсюда герценов, бакуниных и прочих бунтарей. А они оттуда постоянно мутят Россию. Вот если бы там обо-

шлись с ними так, как тут с декабристами. Или бы карали, как недавно это сделали в Одессе с пятнадцатью или в Москве с пятьюдесятью. Так нет же, эти страны своим слабоволием заражают весь мир...»

Эристов взял карандаш и стал стучать им об стол тупым концом. С каждым разом, когда карандаш ударял по гладкому, как стекло, столу, ему казалось, что мысли его пробуждаются.

– Нет, – решил Эристов, немного подумав, узду нельзя ослаблять. Освободили крестьян – и что же получилось? Пуще прежнего буйствуют. Вместе со свободой и землю требуют. Если и ее дать, все равно не успокоятся. Потребуют, чтобы отдали им и власть. Тогда их, князей Эристовых, не будет...

Эристов достал из нагрудного кармана кителя часы и взглянул на них. Было без двадцати минут семь. Собрав со стола ворох бумаг, он уложил их в сейф, лязгая замками, закрыл его. Потом закрыл ставни окон на задвижки. Выйдя в коридор и приказав адъютанту погасить лампу, он направился к Свистунову.

Командующий остановился в здании канцелярии округа, в отведенных для высокопоставленных лиц комнатах. Передняя просторная комната предназначалась для приема гостей, во второй была спальня.

В гостиной Эристов застал сидящих за круглым столом командующего генерала Виберга и городского священника отца Викентия. На столе стоял дымящийся новый эмалированный самовар, обставленный четырьмя стаканами на блюдцах.

Увидев лоснящееся от пота холеное лицо попа, Эристов понял, что они выпили изрядную порцию чая. Свистунов указал Эристову на стул рядом со священником, когда тот поприветствовал их.

– Садитесь, Николай Богданович. И налей себе чаю. Мы себя не обидели... Ну и как, уехали наши гости?

– Уехали, ваше превосходительство.

– Как они настроены?

– Да говорят, что все сделают.

– А вы верите?

Эристов налил себе в стакан чай и сделал маленький плоток.

– Верю. У них нет иного пути, как кроме быть с нами. Ведь эти люди не так глупы, как нам кажется. Они хорошо знают силу власти и бессилие мятежников, и что присоединившись к ним, они ничего не приобретут, а отделившись от нас, потеряют все.

Свистунов закрутил сигарету и затянулся.

– Так-то оно так, Николай Богданович, но таких типов в аулах пока мало. Смогут ли они удержать за собой остальные мессы?

– В аулах же все чеченцы связаны одной цепью тейпового родства, ваше превосходительство. А концы цепей в руках имущих.

Когда они кончили пить чай, вошел слуга и убрал со стола самовар и посуду.

– А каково настроение ваших овечек, отец Викентий? – повернулся Свистунов к священнику.

Вспотевший отец Викентий задрал бороду вверх, расстегнул ворот сутаны и вытер платком шею. На животе висел, вернее, лежал большой крест на серебряной цепочке.

– Души людей – потемки, ваше превосходительство, – сказал он, разделив ладонью бороду на две части. – Вникнуть в тайны людские дано только Богу. А я лишь его смиренный раб.

На лбу генерала собрались грозные тучи.

– Все мы рабы Божьи. Но, отец Викентий, не забывайте, что мы, кроме того, слуги царя.

– Я и ему денно и ношно возношу хвалу...

– Устой власти и церкви одними хвалами не укрепить, – снова оборвал его Александр Павлович. – Вы должны знать тайны сердца вашей паствы.

Голова у отца Викентия опустилась, разломив бороду надвое. Командующий затянулся напоследок, смял сигарету в непельнице, медленно встал.

– Я вызвал вас, господа, для совершенно секретной беседы, – сказал он, заложив руки за спину и расхаживаясь по комнате. – Вы хорошо знаете состояние внешних дел империи и внутреннюю обстановку. У нас война не только с Турцией. Хотя и не воюют открыто, но с нами враждуют и всесторонне помогают туркам почти все европейские государ-

ства. Это одно. Однако в этот трудный для нас момент далеко не спокойно и внутри страны. С каждым днем больше и больше распространяется революционная зараза. Против власти поднимаются мужики в деревне, рабочие в городах. Не могу с уверенностью сказать, что этим не заражено здешнее русское мужичье.

Командующий остановился, сжимая обеими руками спинку стула.

– Восстали чеченцы. Из-за нашей пассивности! Из-за того, что мы вовремя не заметили паутину, которую они плели. Не думайте, что их восстание связано с нынешней войной. С турками у них нет никакой связи. Ни одного следа турецкого эмиссара, ведущего в Чечню! Это проверенная истина. Восстание подготовили они сами. У нас под носом, пока мы дремали. Что свершилось, того не вернешь. Есть один путь для исправления нашей ошибки: немедленно и жестоко подавить мятеж. Но в этом деле нам может помешать некоторая часть местного русского населения. Я не говорю о верноподданных казаках, я имею в виду мужиков и солдат. Правда, вряд ли мужики из города пойдут в горы, присоединяться к мятежникам. Но если мятежники нападут на город, то мужики, если и не присоединятся к ним, то уж во всяком случае против них не пойдут. Поэтому, отец Викентий, у меня есть к вам одна просьба.

Александр Павлович сел и внимательно взгляделся в глаза священника. Генерал Виберг почему-то снял очки с продолговатого острого носа и принялся протирать их платком.

– Надо разъяснить народу в городской и станичных церквях сложившуюся обстановку. Первое: цель начатой нами против турок войны – освобождение томящихся под турецким игом единокровных и единоверных братьев славян и единоверных грузин и армян. Второе: чеченское восстание направлено не только против русских, но и в помощь извечным врагам русских и всех славян – туркам. Третье: восставшие чеченцы полны решимости безжалостно убивать любого русского, попавшего под их руки. Четвертое: чтобы не допустить этого, все христиане должны объединиться и подняться против мятежников. Вы меня поняли, отец Викентий?



Священник медленно опустил красные веки с длинными ресницами и трижды кивнул. Князь Эристов, который до сих пор никак не мог взять в толк причину вызова сюда главы церкви, теперь все понял.

– А вы, уважаемые Александр Карлович и Николай Богданович, – командующий повернулся к Вибергу и Эристову. – Перед вами стоят большие задачи. Казакам мы пока можем доверять. Между чеченцами и казаками существует вражда из-за земли. Надо всячески разжечь и подогревать эту вражду. Из боязни, что чеченцы отберут у них земли, казаки усердно будут драться с мятежниками. Они могут быстро сговориться. Вы должны исключить какую-либо связь между ними. Кроме того, Александр Карлович, вы срочно приведете свою дивизию в боевую готовность. Мы пока не знаем, где она раньше понадобится – в городе или в горах. Подготовь две-три роты из самых надежных солдат на случай, если в городе вспыхнет бунт.

– А не надежнее ли будет, Александр Павлович, если вызвать в город пару казачьих сотен? – сказал Виберг.

– Безусловно, Александр Карлович. Я не могу здесь задерживаться. Не очень-то верю я и в остальные округа области. К тому же через мои руки проходят и все коммуникации Закавказского фронта. Завтра утром я возвращаюсь во Владикавказ. Смотрите, будьте бдительны. А в укреплении города Беллику тоже помогите. У горожан, если оставить их без дела, могут возникнуть нехорошие мысли. А теперь вы свободны, господа.

## ГЛАВА X

---

### *ПЕРВАЯ ПОБЕДА*

Смелый вперед! Вперед, отчизна!  
Полдела сделано! Вперед!

*Ш. Петефи. Шумим, шумим...*

#### 1

Сегодня пятый день, как началось восстание.

Но никакого успеха пока не видно. Правда, Алибек занял все аулы Веденского округа, кроме самого Ведено. Однако радоваться было нечему. До сих пор не произошло сколько-нибудь серьезного сражения с царскими войсками. Князь Авалов, прибывший с отрядом в Центорой, по приближении повстанцев отступил в Ведено и закрылся в крепости. Войска из Хасав-юрта тоже выжидают. Алибеку ничего иного не оставалось, как арестовать аульных старшин. А это бесполезная трата времени. Алибеку нужно сражение, одержать победу в этом сражении, чтобы воодушевить народ.

Кроме того, и аулы в верховьях Аргуна пока выжидают, как обернется дело в Ичкерии.

С этими горькими размышлениями Алибек спускался через Жугурты по гребню. Хоть и были на его стороне почти вся Ичкерия и Аух, сегодня под его знаменем шли лишь пятьсот бойцов. Да и те большей частью – молодежь.

За ним идет Кайсар, погружившись в те же раздумья. Только Овхад почему-то весел, как никогда. Алибек оставил его при себе, назначив своим адъютантом. Он знает русский язык и грамоту.

Впереди показались плоскостные чеченские аулы: прямо – Майртуп, вокруг, сбившись в кучу, – Бачи-юрт, Курчалой, Иласхан-юрт, а к югу, недалеко от Курчалоя, – Автуры, дальше – Шали, Герменчук, Гельдиген.

Каждый из этих аулов дал Чечне выдающихся людей. Иласхан-юрт – Бейбулата Таймиева. Главный сподвижник Бейбулата, мулла Магомед, был из Майртупа. Курчалой дал знаменитого Талхига. А герменчукцы – Абдул-Кадыра и Ховку.

Алибек устремляет взор на эти аулы. Из каждого из них получилось бы десять-двадцать таких, как его родной аул Симсир. Как же примут его крупные аулы, бывшие всегда сердцевиной Чечни? По словам Булата, там одни только молодые сочувствуют делу свободы. А беноевские Сулейман-хаджи и Сайдул-хаджи, которых Алибек посылал туда, утверждают, что есть надежда на полный успех. Но Алибек знает, что в Майртупе находится более полутысячи добровольцев из аулов Гельдиген, Курчалой, Цацан-юрт, мобилизованные князем Эристовым на помощь царским войскам.

Алибек с беспокойством смотрел по сторонам. Булат, которого он во второй раз послал в Шали, до сих пор не вернулся. И от Васала, посланного на разведку в гарнизоны царских войск, нет ни слуху ни духу. Васал – русский солдат, перешедший в годы войны на сторону чеченцев. Он верен тем, кто принял его, как родного. Он убежден, что его борьба против царя – это частица борьбы его народа за свободу, что свобода обоих народов связана воедино. Любовь к своему народу, родине он передает старшему сыну Юсупу. Васал, отлично владеющий русским и чеченским языками, – хороший разведчик в тылу противника.

Не зная точных планов противника, Алибек не посмел сразу выйти на равнину и остановился в лесу у подножий гор.

Поручив Овхаду объявить воинам короткий привал, Алибек спешился и вместе с Кори поднялся на высокий холм и, приставив подзорную трубу к глазам, стал тщательно осматривать аул.

– Гонец, посланный в Чеберлой, прибыл, – сказал подошедший Кайсар, вытирая со лба пот папахой.